

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ.

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНИЕ В. М. САБЛИНА.

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ.

ВАЛТАСАРЪ.

Переводъ Н. Петровой.

דברי חברה
No 550

דפוס דביר

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА. — 1910.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.

Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.

OCR Давид Титиевский, август 2020 г., Хайфа

ВАЛТАСАРЪ.

Magos reges fere habuit Oriens.

Tertull.

I.

ВЪ ТО ВРЕМЯ въ Эѳіопіи царствовалъ Валтасаръ, котораго греки называли Сарациномъ. Онъ былъ чернокожій, но красивъ лицомъ. Онъ не былъ мудръ, но имѣлъ великодушное сердце. На третій годъ своего царствованія, который былъ двадцать вторымъ годомъ его жизни, онъ отправился въ Саву къ царицѣ Валкизѣ. Магъ Самбобитись и евнухъ Манкера сопровождали его. За нимъ слѣдовало семьдесятъ пять верблюдовъ, нагруженныхъ корицей, мвррой, самороднымъ золотомъ и слоновой костью. Во время ихъ пути Самбобитись объяснялъ ему вліяніе планетъ и свойство камней, а Манкера пѣлъ ему священныя пѣсни. Но онъ не внималъ имъ и развлекался, любуясь на шакаловъ, которые виднѣлись на горизонтѣ: они сидѣли на заднихъ лапахъ, среди песковъ, настороживъ уши.

Наконецъ, послѣ двѣнадцати дней пути, Валтасаръ и его спутники почувствовали запахъ розъ и вскорѣ увидѣли сады, окружающіе городъ Саву.

Тамъ увидѣли они молодыхъ дѣвушекъ, которыя плясали подъ цвѣтущими гранатовыми деревьями.

— Танецъ—это молитва,— сказалъ магъ Самбобитись.

— Этихъ женщинъ можно было бы продать за большія деньги,— сказалъ евнухъ Манкера.

Войдя въ городъ, они были поражены величиной магазиновъ, рынковъ, складовъ лѣса, которые тянулись передъ ними, а также множествомъ товаровъ, которыми они были наполнены. Долго ходили они по улицамъ, полнымъ колесницъ, носильщиковъ, ословъ и погонщиковъ, и вдругъ увидѣли мраморныя стѣны, пурпурные шатры, золотые купола дворца Валкизы.

Царица Савская встрѣтила ихъ во дворѣ, освѣженномъ фонтанами, душистая вода которыхъ падала жемчугомъ съ свѣтлымъ журчаніемъ. Она стояла, улыбаясь, въ одеждѣ, вышитой драгоценными камнями.

Увидѣвъ ее, Валтасаръ пришелъ въ сильное волненіе. Она показала ему слаще мечты и прекраснѣе желанія.

— Господинъ,— тихо сказалъ ему Самбобитисъ,— не забудь заключить съ царицей выгодный торговый договоръ.

— Берегись, господинъ,— прибавилъ Манкера:— говорятъ, она прибѣгаетъ къ магіи, чтобы заставить мужчинъ полюбить себя.

Потомъ, сдѣлавъ земной поклонъ, магъ и евнухъ удалились.

Оставшись одинъ съ царицей, Валтасаръ хотѣлъ говорить съ ней; онъ открылъ ротъ, но не могъ вымолвить ни одного слова. Онъ думалъ: „Царица прогнѣвается на меня за мое молчаніе“.

Но царица улыбалась и не казалась разсерженной.

Она заговорила первая, и голосъ ея былъ нѣжнѣ самой нѣжной музыки.

— Будь дорогимъ гостемъ,— сказала она,— садись поближе.

Рукой, похожей на лучъ свѣта, она указала ему на пурпуровыя подушки, лежавшія на землѣ.

Валтасарь сѣлъ, глубоко вздохнулъ и, взявъ по одной подушкѣ въ каждую руку, воскликнулъ:

— Госпожа моя, я хотѣлъ бы, чтобы эти двѣ подушки были двумя великанами, твоими врагами! Тогда я могъ бы свернуть имъ шеи!

И, говоря это, онъ такъ сильно сжалъ въ рукахъ подушки, что матерія лопнула, и поднялась цѣлая туча бѣлаго пуха. Одно изъ крошечныхъ перышекъ нѣкоторое время кружилось въ воздухѣ и потомъ опустилось на грудь царицы.

— Господинъ мой, Валтасарь,— сказала Валкиза, краснѣя,— почему ты хочешь убить великановъ?

— Потому что люблю тебя,— отвѣтилъ Валтасарь.

— Скажи мнѣ,— спросила Валкиза,— хороша ли вода въ колодцахъ твоей столицы?

— Да,— отвѣтилъ удивленный Валтасарь.

— Мнѣ также хочется узнать, какъ дѣлають въ Эѳіопіи сухое варенье.

Царь не зналъ, что отвѣтить. Она же продолжала просить его:

— Скажи, скажи, если хочешь сдѣлать мнѣ пріятное

Тогда онъ сдѣлалъ усиліе надъ своей памятью и описалъ ей, какимъ образомъ эѳіопскіе повара варять айву въ меду. Но она его не слушала.

Вдругъ она его спросила:

— Господинъ мой, говорятъ, что ты любишь царицу Кандакію, твою сосѣдку. Скажи мнѣ правду: она красивѣе меня?

— Красивѣе?! Госпожа! — вскрикнулъ Валтасарь и упалъ къ ногамъ — возможно ли это?..

Царица продолжала:

— Какіе у ней глаза? Какой ротъ? Цвѣтъ волосъ? Шея? Валтасаръ простеръ къ ней руки и воскликнулъ:

— Позволь мнѣ снять перышко съ твоей груди, и я дамъ тебѣ половину моего царства вмѣстѣ съ мудрымъ Самбобитисомъ и евнухомъ Манкерой.

Но она поднялась и исчезла со звонкимъ смѣхомъ.

Когда вернулись магъ и евнухъ, они нашли своего господина въ необычной для него задумчивости.

— Господинъ, или ты не заключилъ выгоднаго договора съ царицей? — спросилъ Самбобитисъ.

Въ этотъ вечеръ Валтасаръ ужиналъ съ царицей Савской и пилъ пальмовое вино.

— Такъ это правда, — сказала ему царица за ужиномъ, — что царица Кандакія не такъ хороша, какъ я?

— Царица Кандакія — черная, — отвѣтилъ Валтасаръ.

Валкиза вдругъ взглянула на Валтасара и сказала:

— Можно быть чернымъ и не быть некрасивымъ.

— Валкиза! — воскликнулъ царь...

Больше онъ не сказалъ ни слова. Онъ схватилъ ее въ свои объятія и прижалъ голову царицы къ своимъ губамъ. Но, увидѣвъ, что она плачетъ, онъ сталъ ей говорить тихо, ласкающимъ голосомъ и напѣвая, какъ старая нянька.

Онъ называлъ ее своимъ цвѣткомъ, своей звѣздочкой.

— О чемъ ты плачешь? — сказалъ онъ ей. — И что надо сдѣлать, чтобы ты не плакала больше? Если у тебя есть какое-нибудь желаніе, скажи мнѣ, и я исполню его.

Она не плакала больше и задумалась.

Онъ долго умолялъ ее повѣрить ему свое желаніе.

Наконецъ, она сказала ему:

— Мнѣ хочется испытать страхъ.

И такъ какъ Валтасаръ, казалось, не понималъ этого, она

объяснила ему, что давно уже у нея было желаніе подвергнуться неизвѣданной опасности, но она не могла этого достигнуть, такъ какъ люди и боги Савскіе охраняють ее.

— А между тѣмъ, — прибавила она, вздыхая, — мнѣ такъ хотѣлось бы испытать ночью, какъ въ тѣло мое проникаетъ сладостный холодъ ужаса. Я хотѣла бы чувствовать, какъ поднимаются волосы на головѣ. О, какъ хорошо бы испытать страхъ!

Она обвила своими руками шею чернаго царя и умоляющимъ голосомъ ребенка сказала:

— Вотъ наступила ночь, пойдемъ вдвоемъ въ городъ переодѣтыми. Согласенъ?

Конечно, онъ былъ согласенъ. Тотчасъ она подошла къ окну и посмотрѣла сквозь рѣшетку на городскую площадь.

— Вонъ, — сказала она, — лежитъ нищій у стѣны дворца. Отдай ему три одежды и попроси у него замѣнъ ихъ его чалму изъ верблюжьей шерсти и грубую матерію, которою опоясаны его чресла. Поспѣши, я тоже буду готовиться.

И она побѣжала изъ пиршественной залы, хлопая въ ладоши, выражая тѣмъ свою радость.

Валтасаръ оставилъ свою полотняную тунику, вышитую золотомъ, и покрылся одеждой нищаго. Онъ имѣлъ видъ настоящаго раба. Вскорѣ появилась царица, одѣтая въ синюю одежду безъ швовъ, какую надѣваютъ женщины для работы въ полѣ.

— Идемъ! — сказала она.

И она повела Валтасара по узкимъ коридорамъ до маленькой двери, выходящей въ поле.

II.

Ночь была темная. Валкиза ночью казалась совсѣмъ маленькой.

Она привела Валтасара въ одинъ изъ кабаковъ, гдѣ собирались городскіе носильщики, крючники и проститутки. Тамъ, усѣвшись вдвоемъ за столомъ, въ душномъ воздухѣ, при свѣтѣ смрадной лампы, увидѣли они грубыхъ бродягъ, которые награждали другъ друга тумаками и ударами ножа изъ-за женщины или чашки хмельного напитка, въ то время какъ другіе храпѣли подъ столами. Хозяинъ кабака, лежа на куляхъ, наблюдалъ украдкою за ссорами гулякъ.

Валкиза, увидѣвъ соленую рыбу, повѣшенную къ балкѣ, сказала своему спутнику:

— Я хотѣла бы съѣсть одну изъ этихъ рыбъ съ толченымъ лукомъ.

Валтасаръ велѣлъ подать ей рыбу. Когда она кончила, то онъ замѣтилъ, что не захватилъ съ собой денегъ. Ни мало не безпокоясь объ этомъ, онъ рѣшилъ уйти съ ней, не заплативъ за съѣденное. Но хозяинъ загородилъ имъ дорогу, называя его негоднымъ рабомъ, а ее злой ослицей. Валтасаръ однимъ ударомъ кулака повалилъ его на землю. Нѣсколько гулякъ съ ножами бросились на двухъ неизвѣстныхъ. Но чернокожій, вооружившись огромнымъ пестомъ для толченія египетскаго лука, уложилъ двухъ зачинщиковъ и заставилъ отступить остальныхъ. Онъ чувствовалъ въ это время теплоту тѣла Валкизы, прижавшейся къ нему,—вотъ почему онъ былъ непобѣдимъ. Друзья хозяина, не смѣя болѣе приблизиться, стали бросать въ него издали кувшины изъ-подъ масла, оловянные чашки, зажженные лампы и даже огромный бронзовый котелъ, въ которомъ варился цѣлый баранъ. Этотъ котелъ съ

ужаснымъ грохотомъ упалъ на голову Валтасара и разсѣкъ ему черепъ. Мгновенье онъ казался ошеломленнымъ, но потомъ, собравшись съ духомъ, онъ бросилъ обратно котель съ силой, удесятерившей его тяжесть. При паденіи металла слышались невѣроятные вопли, смѣшанные съ хрипѣніемъ умирающихъ. Пользуясь замѣшательствомъ тѣхъ, которые остались въ живыхъ, и опасаясь, какъ бы Валкиза не получила раны, онъ взялъ ее на руки и убѣжалъ съ нею, скрываясь по темнымъ и глухимъ переулкамъ. Молчаніе ночи обнимало землю, и бѣглецы слышали, какъ позади ихъ стихали крики пьяницъ и женщинъ, которые въ темнотѣ наугадъ преслѣдовали ихъ. Скоро стало совсѣмъ тихо, и они слышали лишь, какъ одна за другой падали капли крови со лба Валтасара на шею Валкизы.

— Я люблю тебя,— шептала царица.

И при свѣтѣ луны, выплывшей изъ-за облака, царь увидѣлъ на полузакрытыхъ глазахъ Валкизы влажный блескъ. Они шли по руслу высохшаго потока. Вдругъ нога Валтасара, ступившаго на мохъ, скользнула. Они упали вмѣстѣ, обнявшись. Имъ казалось, что конца не будетъ ихъ сладостному забытью, и міръ живущихъ на землѣ пересталъ существовать для нихъ. Они еще продолжали наслаждаться, забывая время и пространство, до самой зари, когда прибѣжали газели напиться въ источникахъ среди камней.

Въ это время проходившіе мимо разбойники увидѣли двухъ влюбленныхъ, лежавшихъ на мху.

— Они бѣдные,— сказали разбойники,— но мы ихъ продадимъ не дешево, такъ какъ они молоды и красивы.

Тогда они приблизились къ нимъ, связали ихъ и привязали къ хвосту осла и погнали впереди себя. Связанный чернокожій угрожалъ смертью разбойникамъ, но Валкиза, вздрагивая отъ утренней свѣжести, улыбалась чему-то невидимому.

Такъ шли они по страшнымъ пустынямъ, пока не наступилъ дневной жаръ. Солнце было уже высоко, когда разбойники развязали своихъ плѣнниковъ и позволили имъ сѣсть вблизи ихъ, въ тѣни скалы, бросили имъ немного заплѣсневллага хлѣба, который Валтасаръ погнушался даже поднять, но который Валкиза ѣла съ жадностью.

Она смѣялась. И начальникъ разбойниковъ спросилъ ее, чему она смѣется:

— Я смѣюсь при мысли, что всѣхъ васъ прикажу повѣсить.

— Право, это очень странное выраженіе въ устахъ судомойки, какъ ты, голубушка! — сказала начальникъ разбойниковъ. — Ужъ не съ помощью ли твоего чернаго любовника ты повѣсишь всѣхъ насъ?

Услыхавъ эти оскорбительныя слова, Валтасаръ пришелъ въ страшную ярость, бросился на разбойника и такъ сильно сдавилъ ему горло, что чуть не задушилъ его.

Но тотъ всадилъ ему ножъ въ животъ по самую рукоятку; бѣдный царь покатился на землю и устремилъ на Валкизу умирающій взоръ, который почти тотчасъ же погасъ.

III.

Въ это время послышался шумъ приближающихся людей, лошадей и оружія, и Валкиза узнала храбраго Абнера, который явился во главѣ отряда воиновъ выручать свою царицу, о таинственномъ исчезновеніи которой онъ узналъ наканунѣ.

Онъ трижды простерся ницъ передъ Валкизой и велѣлъ поднести къ ней носилки, приготовленныя для нея. Въ то же время воины вязали руки разбойникамъ. Царица обратилась къ начальнику разбойниковъ и кротко сказала ему:

— Тебѣ не придется упрекнуть меня, мой другъ, въ томъ, что я дала тебѣ ложное обѣщаніе, когда сказала, что ты будешь повѣшенъ.

Магъ Самбобитисъ и евнухъ Манкера, стоявшіе около Абнера, испустили громкіе крики, увидѣвъ своего господина распростертымъ на землѣ, недвижимымъ, съ всаженымъ въ животъ ножомъ. Они осторожно подняли его. Самбобитисъ, который былъ свѣдущъ въ медицинѣ, увидѣлъ, что онъ еще дышитъ. Онъ сдѣлалъ первую перевязку, а Манкера отеръ слюну на устахъ царя. Затѣмъ они положили его на лошадь и осторожно перевезли во дворецъ царицы.

Валтасаръ двѣ недѣли былъ въ безпамятствѣ и бреду. Онъ безпрестанно говорилъ о дымящемся котлѣ и о мшистомъ оврагѣ и громко звалъ Валкизу. Наконецъ, на шестнадцатый день, открывъ глаза, онъ увидѣлъ у своего изголовья Самбобитиса и Манкера, но не увидѣлъ царицы.

— Гдѣ она? Что она дѣлаетъ?

— Господинъ, — отвѣтилъ Манкера, — она заперлась съ царемъ Комагенскимъ.

— Они условливаются, безъ сомнѣнія, объ обмѣнѣ товарами, — прибавилъ мудрый Самбобитисъ. — Но не волнуйся, господинъ, ибо отъ этого лихорадка можетъ усилиться.

— Я хочу ее видѣть! — закричалъ Валтасаръ.

И онъ устремился къ покоямъ царицы, и ни старецъ, ни евнухъ не могли удержать его. Подойдя къ спальнѣ царицы, онъ увидѣлъ царя Комагенскаго, выходящаго оттуда, покрытаго золотомъ и сіяющаго, какъ солнце.

Валкиза, раскинувшись на пурпуровомъ ложѣ, улыбалась, полузакрывъ глаза.

— Моя Валкиза! Моя Валкиза! — воскликнулъ Валтасаръ. Но она не повернула головы и, казалось, продолжала грезить.

Валтасарь приблизился къ ней, взявъ ее за руку, но она грубо отняла ее.

— Чего ты хочешь отъ меня? — сказала она.

— И ты еще спрашиваешь! — отвѣтилъ черный царь, обливаясь слезами.

Она посмотрѣла на него спокойными, холодными глазами.

Онъ понялъ, что она все забыла, и напомнилъ ей ночь у источника. Но она отвѣчала:

— Право, я не знаю, что ты хочешь сказать, господинъ мой. Тебѣ не годится пить пальмоваго вина. Ты бредишь!

— Какъ! — воскликнулъ несчастный царь, ломая руки, — твои ласки и ножъ, отъ котораго у меня остался слѣдъ, развѣ это бредъ!..

Она встала; драгоценные камни ея платья застучали, какъ градъ, и засверкали, какъ молнія.

— Господинъ, — сказала она, — въ этотъ часъ собирается мой совѣтъ. У меня нѣтъ свободнаго времени объяснять сны твоего больного мозга. Пойди усни. Прощай.

Валтасарь, чувствуя, что падаетъ въ обморокъ, сдѣлалъ усиліе, чтобы не обнаружить своей слабости передъ этой злой женщиной, и побѣждалъ въ свою комнату, гдѣ упалъ безъ чувствъ, съ открывшейся снова раной.

IV.

Три недѣли оставался онъ безъ чувствъ и лежалъ, какъ мертвый, потомъ, очнувшись на двадцать второй день, онъ взялъ за руку Самбобитиса, который вмѣстѣ съ Манкерой не отходилъ отъ него, и со слезами воскликнулъ:

— О, друзья мои, какъ вы оба счастливы: одинъ потому, что старъ, другой потому, что подобенъ старцу!.. Нѣтъ! нѣтъ

счастья на свѣтѣ и нѣтъ на свѣтѣ ничего хорошаго, потому что любовь — это страданіе и потому что Валкиза зла.

— Мудрость дѣлаетъ счастливымъ, — отвѣтилъ Самбобитись.

— Я хочу испытать это, — сказалъ Валтасарь. — Но поѣдьте скорѣй въ Эѳіопію.

И, такъ какъ онъ потерялъ то, что любилъ, онъ рѣшилъ посвятить себя мудрости и сдѣлаться магомъ. Если отъ этого рѣшенія онъ не испыталъ особеннаго удовольствія, то по крайней мѣрѣ оно немного успокоило его. Каждый вечеръ, сидя на террасѣ своего дворца вмѣстѣ съ магомъ Самбобитисомъ и съ евнухомъ Манкера, онъ любовался неподвижными пальмовыми деревьями на горизонтѣ или смотрѣлъ при свѣтѣ луны, какъ плавали крокодилы въ Нилѣ, похожіе на стволы деревьевъ.

— Никогда не устанешь восхищаться природой, — говорилъ Самбобитись.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ Валтасарь. — Но въ природѣ есть кое-что получше пальмовыхъ деревьевъ и крокодиловъ.

Онъ говорилъ такъ потому, что вспомнилъ Валкизу.

Самбобитись, который былъ старъ, говорилъ:

— Я объяснилъ чудное явленіе разлива Нила. Человѣкъ сотворенъ для того, чтобы постигать.

— Онъ сотворенъ, чтобы любить, — отвѣчалъ Валтасарь, вздыхая. — Есть вещи, которыя нельзя объяснить.

— Какія же? — спросилъ Самбобитись.

— Измѣна женщины, — отвѣтилъ царь.

Однако, рѣшивъ сдѣлаться магомъ, Валтасарь велѣлъ построить башню, съ высоты которой можно было бы видѣть нѣсколько царствъ и все пространство неба. Эта башня была сдѣлана изъ кирпичей и возвышалась надъ всѣми другими

башнями. Она строилась не менѣ двухъ лѣтъ, и Валтасаръ истратилъ на постройку ея всѣ сокровища своего отца. Каждую ночь подымался онъ на вершину этой башни и тамъ наблюдалъ небо подъ руководствомъ мага Самбобитиса.

— Сочетанія небесныхъ звѣздъ — знаменія нашей судьбы, — говорилъ ему Самбобитисъ.

И царь отвѣчалъ ему:

— Нужно разгадать ихъ: знаменія эти неясны. Но въ то время, когда я ихъ изучаю, я не думаю о Валкизѣ, и это большое преимущество.

Между другими истинами, полезными для изученія, магъ открылъ ему, что звѣзды вбиты въ небесный сводъ, какъ гвозди, и что есть пять планетъ, именно: Бель, Меродахъ, Инхбо — мужского пола; Синь и Мелитта — женскаго.

— Серебро, — говорилъ онъ ему еще, — соотвѣтствуетъ планетѣ Синь — лунѣ, желѣзо — Меродахъ, олово — Бель.

И добрый Валтасаръ говорилъ:

— Вотъ именно тѣ познанія, которыя я хочу приобрѣсти. Въ то время, какъ я изучаю астрономію, я не думаю ни о Валкизѣ, ни о чемъ бы то ни было на свѣтѣ. Науки благодѣтельны: онѣ мѣшаютъ людямъ думать. Самбобитисъ, научи меня знаніямъ, которыя уничтожили бы чувства въ человѣкѣ, и я возвеличу тебя среди моего народа.

Вотъ почему Самбобитисъ началъ обучать царя премудрости.

Онъ научилъ его *апотелесматикъ* по теоріямъ Астрампсихоза, Гобріаса и Пасатаса.

По мѣрѣ того, какъ Валтасаръ изучалъ двѣнадцать знаковъ Зсдіака, онъ меньше думалъ о Валкизѣ.

Манкера замѣтилъ это и почувствовалъ великую радость.

— Признайся, господинъ, — сказалъ онъ однажды, — вѣдь,

правда, что у царицы Валкизы подъ ея золотой одеждой скрываются козлиныя ноги?

— Кто тебѣ сказалъ подобную глупость?—спросилъ царь.

— Такова, господинъ, народная молва въ Савѣ и въ Эѳіопіи, — отвѣтилъ евнухъ, — Каждый скажетъ, что у царицы Валкизы ноги въ шерсти и ступни съ двумя копытами.

Валтасарь пожалъ плечами. Онъ зналъ, что ноги Валкизы были такія же, какъ и у другихъ женщинъ, и были замѣчательно красивы. Однако, эта мысль омрачила воспоминанія о той, которую онъ такъ любилъ. Онъ былъ точно обиженъ тѣмъ, что красота ея не была совершенна въ воображеніи другихъ. При одной мысли, что онъ обладалъ женщиной прекрасной въ дѣйствительности, но которая слыла уродомъ, онъ испыталъ настоящую боль и онъ не хотѣлъ больше видѣть Валкизу.

У Валтасара была безхитростная душа; но любовь все-таки очень сложное чувство.

Съ этого дня царь сталъ дѣлать большіе успѣхи въ магіи и астрологіи. Онъ былъ особенно внимателенъ къ сочетаніямъ свѣтилъ и составлялъ гороскопы такъ же точно, какъ самъ мудрый Самбобитись.

— Самбобитись, — говорилъ онъ, — отвѣчаешь ли ты своей головой за точность моихъ гороскоповъ?

И мудрый Самбобитись отвѣчалъ:

— Господинъ, наука непогрѣшима, но ученые часто ошибаются.

У Валтасара былъ природный талантъ. Онъ говорилъ:

— Нѣтъ ничего истиннаго, кромѣ божественнаго, и божественное скрыто отъ насъ. Напрасно мы ищемъ истину. Но вотъ я открылъ новую звѣзду на небѣ. Она прекрасна, ка-

жется живой, и, когда она блистаетъ, можно подумать, что это ласково смотритъ небесный глазъ. Мнѣ кажется, что она зоветъ меня. Счастливъ, счастливъ, счастливъ, кто родился подъ этой звѣздой. Самбобитись, видишь, какъ смотритъ на насъ это очаровательное, чудное свѣтило?

Но Самбобитись не видѣлъ звѣзды, потому что не хотѣлъ ея видѣть. Будучи ученымъ и старымъ, онъ не любилъ новизны.

И Валтасаръ повторялъ одинъ въ ночной тиши:

— Счастливъ, счастливъ, счастливъ, кто родился подъ этой звѣздой!

V.

Слухъ разнесся по всей Эѳіопіи и въ сосѣднихъ царствахъ, что царь Валтасаръ пересталъ любить Валкизу.

Когда вѣсть дошла до Савской страны, Валкиза пришла въ негодованіе, какъ будто ей измѣнили. Она поспѣшила къ царю Комагенскому, который забылъ о своемъ государствѣ въ городѣ Савѣ, и сказала ему:

— Другъ мой, знаешь ли, что я узнала? Валтасаръ меня не любитъ больше.

— Что намъ до него, — отвѣтилъ улыбаясь царь Комагенскій, — если мы любимъ другъ друга!

— Но развѣ ты не чувствуешь оскорбленія, которое нанесъ мнѣ этотъ чернокожій?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ царь Комагенскій, — я не чувствую этого.

Она прогнала его съ позоромъ и приказала своему верховному визирю приготовить все для путешествія въ Эѳіопію.

— Этой же ночью мы отправляемся, — сказала она. — Я прикажу отрубить тебѣ голову, если ты не справишься до захода солнца.

Потомъ, оставшись одна, она начала плакать навзрыдъ.

— Я люблю его! Онъ не любитъ меня больше, а я люблю его!—говорила она со всей искренностью своего сердца.

Однажды ночью, когда Валтасарь находился на своей башнѣ, чтобы наблюдать за чудесной звѣздой, онъ опустилъ взоръ къ землѣ и увидѣлъ длинную, черную вереницу, которая извивалась на пескѣ пустыни; издали, казалось, что это ползуть муравьи. Мало-по-малу то, что казалось муравьями, выросло и стало настолько ясно, что царь разглядѣлъ лошадей, верблюдовъ и слоновъ. Караванъ приблизился къ городу. Валтасарь различалъ теперь блестящія сабли и вороныхъ лошадей стражи царицы Савской. Онъ узналъ и ее. И онъ былъ охваченъ сильнымъ волненіемъ. Онъ почувствовалъ, что любовь къ ней возвращается опять. Въ зенитѣ горѣла чудеснымъ свѣтомъ звѣзда. Внизу, на пурпуровыхъ съ золотомъ носилкахъ, лежала Валкиза. Она казалась маленькой и свѣтящейся, какъ звѣзда. Валтасара влекла къ ней ужасная сила. Однако, онъ, съ отчаяннымъ усиліемъ повернулъ голову и, поднявъ глаза, снова увидѣлъ звѣзду. Тогда звѣзда заговорила и сказала ему:

— Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе!

Возьми мурры, кроткій царь Валтасарь, и слѣдуй за мной. Я приведу тебя къ ногамъ младенца, родившагося въ ясляхъ, между осломъ и быкомъ.

И это дитя есть царь царей. Онъ утѣшитъ всѣхъ, кто нуждается въ утѣшеніи.

Онъ зоветъ тебя къ себѣ, о, Валтасарь. Твоя душа такъ же мрачна, какъ и лицо, но сердце твое чисто, какъ сердце младенца.

Онъ избралъ тебя потому, что ты страдалъ, и онъ дастъ тебѣ богатство, радость и любовь.

Онъ скажетъ тебѣ: переноси бѣдность съ радостью, и въ этомъ истинное богатство. Онъ скажетъ тебѣ еще: истинная радость — есть отреченіе отъ радости. Люби меня, и люби всѣхъ во мнѣ, потому что я — любовь.

При этихъ словахъ божественный миръ освѣтилъ печальное лицо царя.

Восхищенный Валтасаръ слушалъ звѣзду и чувствовалъ себя другимъ, новымъ человѣкомъ.

Самбобитись и Манкера распростерлись на камнѣ и тоже поклонились. Царица Валкиза посмотрѣла на Валтасара. Она поняла, что никогда ужъ больше не встрѣтитъ любви къ себѣ въ этомъ сердцѣ, полномъ божественной любви. Она поблѣднѣла отъ гнѣва и дала приказъ каравану возвращаться немедленно въ страну Савскую.

Когда звѣзда перестала говорить, царь и два его друга сошли съ башни, потомъ, приготовивъ мурры, они снарядили караванъ и отправились, куда вела ихъ звѣзда. Долго они ѣхали по неизвѣстнымъ странамъ, и звѣзда шла впереди нихъ.

Однажды, очутившись въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходились три дороги, они увидѣли двухъ царей, которые двигались въ сопровожденіи многочисленной свиты. Одинъ былъ молодъ и бѣлъ лицомъ. Онъ привѣтствовалъ Валтасара и сказалъ ему:

— Мое имя Гаспаръ, я царь и хочу принести золото въ даръ младенцу, который родился въ Виоелемѣ Іудейскомъ.

Другой царь приблизился тоже. Это былъ старецъ, бѣлая борода его покрывала грудь.

— Мое имя Мелхіоръ, — сказалъ онъ. — Я царь и несу ладанъ божественному младенцу, который пришелъ научить людей истинѣ.

— Я иду къ нему такъ же, какъ вы, — отвѣтилъ Вал-

тасарь. Я побѣдилъ мое сладострастіе, и поэтому звѣзда говорила со мной.

— Я,—сказалъ Мелхиоръ,—побѣдилъ мою гордость и поэтому я былъ призванъ.

— Я,—сказалъ Гаспаръ,—побѣдилъ мою жестокость, и поэтому я иду съ вами.

И три волхва продолжали свой путь вмѣстѣ. Звѣзда, которую они видѣли на востокѣ, предшествовала имъ до тѣхъ поръ, пока не остановилась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ младенецъ.

И, увидя звѣзду остановившеюся, они возрадовались великой радостью. И, войдя въ домъ, они нашли младенца съ Маріей — матерью Его, и упали ницъ и поклонились имъ. И, открывъ свои сокровища, они предложили ему золото, ладанъ и мирру, какъ сказано въ Евангеліи.

РЕЗЕДА ГОСПОДИНА КЮРЭ.

НЪКОГДА я зналъ въ селеніи Бокажа одного святого чело-
вѣка, который строго воздерживался отъ сластолюбія,
исполнялъ это отреченіе съ веселіемъ и не зналъ иной
радости, кромѣ радости жертвы. Это былъ кюрэ. Онъ разводилъ
въ своемъ саду фруктовыя деревья, овощи и лѣкарственныя травы.
Но, боясь прелести даже въ цвѣтахъ, онъ не хотѣлъ ни розъ,
ни жасмина. Онъ позволялъ себѣ лишь невинное удовольствіе
посадить нѣсколько кустиковъ резеды. Своими извилистыми,
такъ скромно цвѣтущими стеблями она не могла привлечь
его взгляда въ то время, когда онъ читалъ свой требникъ
среди грядъ капусты, подъ открытымъ небомъ.

Святой мужъ такъ мало остерегался резеды, что очень
часто мимоходомъ онъ срывалъ вѣтку и долго вдыхалъ аро-
мать. Растеніе это очень неприхотливо. Въмѣсто одной сорван-
ной вѣточки вырастаютъ четыре такихъ же, такъ что, съ
помощью дьявола, резеда господина кюрэ заняла порядочное
пространство въ саду. Она стелилась уже и по дорожкамъ и,
когда добрый священникъ проходилъ мимо, цѣплялась за его
сутану, и онъ, отвлеченный этимъ сумасшедшимъ растеніемъ,

двадцать разъ въ часъ прерываль свое чтеніе или молитву. Съ весны до осени домъ кюрэ былъ наполненъ благовоніями резеды.

Вотъ какъ немощенъ и слабъ человѣкъ! Справедливо говорится, что всѣхъ насъ влечетъ къ грѣху природная склонность. Святой человѣкъ сумѣлъ уберечь свои глаза, но онъ оставилъ безъ защиты свои ноздри, и вотъ уже дьяволъ проникъ въ него черезъ носъ. Этотъ святой человѣкъ вдыхаль теперь запахъ резеды съ чувственностью и вожделѣніемъ, т.-е. съ тѣмъ дурнымъ инстинктомъ, который внушаетъ намъ искать наслажденій на землѣ и вводитъ насъ во всевозможныя искушенія. Съ тѣхъ поръ онъ уже меньше наслаждался небесными ароматами и благоуханіями св. Дѣвы Маріи; святость его уменьшилась черезъ это, и онъ впалъ бы, можетъ быть, въ изнѣженность, душа его сдѣлалась бы мало-по-малу подобной тѣмъ нерадивымъ душамъ, которыхъ низвергаетъ небо, если бы ему во-время не явилась помощь.

Нѣкогда въ Оивайдѣ ангель похитилъ у отшельника золотую чашу, которая привязывала еще святого человѣка къ суетѣ этого міра. Подобная же милость была оказана священнику изъ Бокажа. Какая-то бѣлая курица такъ сильно взрыла землю подъ кустами резеды, что резеда вся погибла. Никто не зналъ, откуда взялась эта птица. Что касается меня, то я склоненъ думать, что ангель, укравшій чашу у отшельника, принялъ образъ бѣлой курицы для того, чтобы разрушить препятствіе, преграждавшее доброму священнику путь къ совершенству.

Г-НЪ ПИЖОНО.

Всю мою жизнь, какъ извѣстно, я посвятилъ изученію египетской археологіи. Я оказался бы неблагодарнымъ передъ отечествомъ, наукой и передъ самимъ собой, если бы пожалѣлъ о томъ, что съ юныхъ дней былъ призванъ на этотъ путь, по которому слѣдую съ честью вотъ уже сорокъ лѣтъ. Труды мои не были бесплодны. Не хвастаясь, могу сказать, что мои „Записки о ручкѣ египетскаго зеркала, находящагося въ луврскомъ музеѣ“, до сихъ поръ еще могутъ быть полезны для справокъ, хотя ими я дебютировалъ въ наукѣ. Что касается моего довольно объемистаго труда, который я позднѣе посвятилъ одной изъ бронзовыхъ гирь, найденныхъ въ 1851 году при раскопкахъ Серапеума, то мнѣ не подобаетъ думать о немъ дурно, такъ какъ онъ открылъ мнѣ двери академіи.

Поощренный лестнымъ пріемомъ, который встрѣтили мои научныя изысканія въ этомъ направленіи у нѣкоторыхъ моихъ новыхъ коллегъ, я чуть было не поддался искушенію заключить въ одно сочиненіе описанія всѣхъ мѣръ и вѣсовъ, употреблявшихся въ Александріи при Птоломееѣ Авлетѣ (80—52 г.

до Р. Х.). Но вскорѣ я понялъ, что такая обширная тема не можетъ быть предметомъ изслѣдованія истиннаго ученаго, что строгая наука не можетъ взять на себя такой трудъ безъ опасенія скомпрометировать себя всевозможными рискованными попытками. Я понялъ, что, изучая нѣсколько предметовъ сразу, я удалился бы отъ основныхъ принциповъ археологіи. И если я каюсь теперь въ моемъ заблужденіи, если каюсь въ томъ непостижимомъ увлеченіи, которое внушило мнѣ мысль о невозможномъ, то я дѣлаю это въ интересахъ молодыхъ людей, которые на моемъ примѣрѣ научатся побѣждать самага коварнаго врага нашего — воображеніе. Ученый, не сумѣвшій побѣдить его въ себѣ, навсегда потерянь для науки. И до сихъ поръ еще я содрогаюсь при одной мысли о той безднѣ, въ которую могъ завлечь меня мой дерзкій умъ. Я былъ на волосокъ отъ того, что называется исторіей. Какое паденіе! Я чуть было не опустился до искусства. Вѣдь исторія есть не что иное, какъ искусство или, самое большее, ложная наука. Теперь извѣстно всѣмъ, что историки предшествовали археологамъ, какъ астрологи предшествовали астрономамъ, алхимики — химикамъ, обезьяна — человѣку. Слава Богу, я отдѣлался только страхомъ. Спѣшу сказать, что, приступая къ моему третьему труду, я уже не былъ такъ неблагоразумень. Сочиненіе это носило слѣдующее названіе: „Объ одеждѣ египетской женщины въ эпоху средней имперіи, по неизданному рисунку“. Изучая предметъ, я строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не сбиться съ истиннаго пути. Я не сдѣлалъ ни одного обобщенія. Я остерегался тѣхъ соображеній, сближеній, взглядовъ, какими нѣкоторые изъ моихъ коллегъ портятъ изложенія прекраснѣйшихъ открытій. Зачѣмъ понадобилось, чтобы это совершенно здравое сочиненіе постигла такая странная судьба? Благодаря какому злему року стало оно причиной

ужаснѣйшихъ заблужденій моего ума? Но я долженъ быть послѣдовательнымъ и не забѣгать впередъ. Мое сочиненіе было назначено къ чтенію въ публичномъ собраніи академіи. Честь тѣмъ болѣе высокая, что она рѣдко выпадаетъ на долю произведеній такого рода.

Эти собранія очень охотно посѣщаетъ великосвѣтская публика въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ тотъ день, когда я читалъ, зала была полна избраннымъ обществомъ. Было много женщинъ. На хорахъ мелькали красивыя лица и элегантныя туалеты. Меня слушали почтительно. Не было тѣхъ необдуманныхъ и шумныхъ выраженій чувствъ, которыя обыкновенно прерываютъ литературныя чтенія. Нѣтъ,—поведеніе публики было болѣе соотвѣтствующимъ характеру сочиненія, которое ей предлагалось. Она вела себя серьезно и съ достоинствомъ.

Какъ бы для того, чтобы лучше отфѣнить мысли, я дѣлалъ паузы между фразами, и поэтому у меня было достаточно времени, чтобы внимательно осмотрѣть поверхъ очковъ всю залу. Могу сказать, что я не замѣтилъ ни одной улыбки. Напротивъ, самыя молодыя лица приняли строгое выраженіе, Казалось, что подъ моимъ вліяніемъ, какъ по волшебству, умы эти дѣлались болѣе зрѣлыми. Во время чтенія то тамъ, то здѣсь юноши что-то шептали на ухо своимъ сосѣдкамъ. Безъ сомнѣнія, они говорили о какихъ-нибудь специальныхъ вопросахъ, затронутыхъ въ моемъ сочиненіи.

Больше того! Красивая особа 22—24 лѣтъ, сидѣвшая въ лѣвомъ углу сѣверныхъ хоръ, слушала съ особеннымъ вниманіемъ и записывала. Ея лицо отличалось необыкновенно тонкими чертами и замѣчательной подвижностью. Внимательность, съ какою она слушала меня, увеличивала прелесть ея страннаго лица. Она была не одна. Высокій и плотный мужчина съ длинными

черными волосами и съ завитой бородой, какую носили ассирийскіе цари, стоялъ около нея и время отъ времени говорилъ ей что-то вполголоса. Мое вниманіе, обращенное вначалѣ на всю мою аудиторію, мало-по-малу сосредоточилось на этой молодой женщинѣ. Признаюсь, она внушала мнѣ интересъ, который нѣкоторые изъ моихъ коллегъ нашли бы недостойнымъ такого ученаго, какъ я, но я утверждаю, что они не были бы равнодушнѣе меня, если бы съ ними случилось что-нибудь подобное. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, она записывала въ памятную книжку. Было очевидно, что чтеніе мое вызывало въ ней разнообразныя чувства: то удовольствіе, то радость, то удивленіе и безпокойство. Я смотрѣлъ на нее съ возрастающимъ любопытствомъ. Ахъ, если бы въ тотъ вечеръ я не смотрѣлъ ни на кого, кромѣ нея!

Я кончалъ; мнѣ оставалось прочесть самое большее двадцать пять — тридцать страницъ, когда глаза мои встрѣтились съ глазами человѣка съ ассирийской бородой. Не могу объяснить того, что произошло тогда, такъ какъ самъ этого не понимаю. Знаю только, что взгляды этого человѣка повергъ меня въ какое-то необъяснимое волненіе. На меня смотрѣли неподвижные зеленоватые зрачки. Я не могъ отвести отъ нихъ глазъ. Я онѣмѣлъ и остался съ поднятой кверху головой. Видя, что я замолчалъ, мнѣ начали аплодировать. Когда тишина была восстановлена, я хотѣлъ снова начать чтеніе, но, несмотря на всѣ мои усилія, я не могъ оторвать глазъ отъ этихъ двухъ живыхъ огоньковъ, къ которымъ они были прикованы какой-то таинственной силой. Но мало этого. По какой-то еще болѣе непонятной причинѣ, вопреки обычаямъ всей моей жизни, я началъ импровизировать. Одинъ Богъ знаетъ, насколько эта импровизація была произвольна! Повинуясь внѣшней, невѣдомой и непреодолимой силѣ, я съ

изяществомъ и жаромъ философствовалъ по поводу одежды женщины въ разные вѣка. Я обобщалъ, поэтизировалъ и говорилъ даже — да простить мнѣ Богъ — о вѣчной женственности и о желаніи, витающемъ наподобіе дуновенія вѣтра вокругъ ароматныхъ тканей, которыми женщины умѣютъ украшать себя.

Человѣкъ съ ассирійской бородой не сводилъ съ меня пристального взгляда. Я говорилъ. Наконецъ, онъ опустилъ глаза, и я сразу замолчалъ. Мнѣ тяжело говорить о томъ, что эта часть моей лекціи была покрыта восторженными аплодисментами, хотя она была такъ же чужда моему личному настроенію, какъ и противна духу науки. Молодая женщина съ сѣверныхъ хоръ аплодировала и улыбалась.

Меня смѣнилъ членъ французской академіи, видимо недовольный тѣмъ, что ему пришлось читать послѣ меня. Его опасенія были преувеличены. То, что онъ читалъ, было прослушано довольно терпѣливо. Мнѣ же показалось, что онъ читалъ стихи.

Засѣданіе окончилось, и я покинулъ залу вмѣстѣ съ нѣсколькими моими сотоварищами, которые возобновили свои поздравленія—вполнѣ искреннія, я думаю.

Остановившись на нѣкоторое время на набережной около львовъ Крезю, чтобы обмѣняться нѣсколькими рукопожатіями, я увидѣлъ человѣка съ ассирійской бородой и его прекрасную спутницу. Они сѣли въ карету. Случайно въ это время рядомъ со мной стоялъ одинъ краснорѣчивый философъ, какъ говорили, равно свѣдущій въ свѣтскомъ обращеніи, какъ и въ космическихъ теоріяхъ. Молодая женщина, высунувъ изъ окна кареты свою изящную головку и протянувъ маленькую ручку, назвала его по имени съ легкимъ англійскимъ акцентомъ

— Дорогой, вы забыли меня, это нехорошо.

Когда карета удалилась, я спросил у моего знаменитого собрата, кто эта прелестная особа и ея спутникъ.

— Какъ! — отвѣтилъ онъ, — вы не знаете миссъ Морганъ и ея доктора Дауда, который лѣчитъ всѣ болѣзни магнетизмомъ, гипнотизмомъ и внушеніемъ? Ани Морганъ — дочь самаго богатаго купца въ Чикаго. Два года тому назадъ она пріѣхала въ Парижъ со своей матерью. У нея превосходный особнякъ, специально для нея выстроенный на улицѣ Императрицы. Это очень образованная и замѣчательно умная особа.

— О, я не удивляюсь, — сказалъ я, — я уже имѣю нѣкоторое основаніе предположить въ этой американкѣ серьезный умъ.

Мой знаменитый собратъ улыбнулся, пожимая мнѣ руку.

Я добрался пѣшкомъ до улицы Сень-Жака, гдѣ живу уже тридцать лѣтъ въ скромной квартиркѣ, изъ оконъ которой я могу любоваться верхушками деревьевъ Люксембургскаго сада. Я принялся за работу.

Я усердно работаль цѣлыхъ три дня. Передо мной на столѣ стояла статуэтка богини Пахтъ съ кошачьей головой. На этомъ маленькомъ монументѣ имѣется надпись, которую такъ плохо понялъ г-нъ Гребо. На тему этой надписи я готовилъ лекцію съ поясненіями. Приключеніе въ академіи произвело на меня менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ можно было бы ожидать. Я не слишкомъ былъ потрясенъ имъ. Сказать по правдѣ, я даже немного забылъ о немъ. И только благодаря новымъ обстоятельствамъ воспоминаніе о немъ снова оживило.

Такимъ образомъ мнѣ ничто не мѣшало кончить мою лекцію въ эти три дня. Я отрывался лишь для того, чтобы прочесть газеты, наполненные похвальными отзывами обо мнѣ,

Газеты, наименѣ интересующіяся наукой, съ похвалою отзывались о „прекрасномъ отрывкѣ“, которымъ оканчивались мои записки. „Это—откровеніе,—говорилось въ нихъ.—„Господинъ Пижоно приготовилъ намъ пріятный сюрпризъ. Не знаю, зачѣмъ я рассказываю о подобныхъ пустякахъ; вѣдь я совершенно равнодушенъ къ тому, что обо мнѣ говорятъ въ печати.

Итакъ, я сидѣлъ, запершись въ своемъ кабинетѣ уже три дня, какъ вдругъ звонокъ заставилъ меня вздрогнуть. Въ манерѣ звонить было что-то властное, своенравное и незнакомое, что взволновало меня, и съ неподдѣльной тревогой я самъ пошелъ отворить дверь. Кого же я увидѣлъ на площадкѣ лѣстницы! Молодую американку, бывшую когда-то такой внимательной къ чтенію моихъ записокъ, миссъ Морганъ, явившуюся самолично.

— Господинъ Пижоно?

— Это я самый.

— Я васъ отлично узнала, хотя вы уже не въ томъ прекрасномъ одѣяніи съ зелеными пальмами. Но, пожалуйста, не вздумайте надѣвать его для меня. Въ халатѣ вы нравитесь мнѣ еще больше.

Я провелъ ее въ кабинетъ. Она бросила любопытный взглядъ на папирусы, оттиски, отпечатки и всевозможные рисунки, которыми были до потолка увѣшаны стѣны моего кабинета; потомъ молча смотрѣла нѣкоторое время на богиню Пахтъ.

— Она прелестна,—сказала она, наконецъ.

— Вы говорите объ этой статуэткѣ, сударыня? Она дѣйствительно представляетъ довольно интересную эпиграфическую особенность. Не могу ли я узнать, чему я обязанъ честью видѣть васъ у себя?

— О, я презираю эпиграфическія особенности,—отвѣчала она.—У ней такая замѣчательно изящная мордочка. Вы не со-

миѣваете въ томъ, что это была настоящая богиня, не правда ли, господинъ Пижоно?

Я сталъ защищаться отъ этого оскорбительнаго подозрѣнія.

— Такая вѣра называется фетишизмомъ,—сказалъ я.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня своими большими зелеными глазами.

— А, такъ вы не фетишистъ. Я не думала, что можно быть археологомъ и не быть фетишистомъ. Какъ можетъ васъ интересовать Пахтъ, если вы не вѣрите, что она богиня? Но оставимъ это. Я пришла къ вамъ, господинъ Пижоно, по одному очень важному дѣлу.

— Очень важному?

— Да. По поводу костюма. Посмотрите на меня.

— Съ удовольствіемъ.

— Не находите ли вы, что въ моемъ профилѣ есть что-то свойственное племени кушитовъ?

Я не зналъ, что сказать. Такая бесѣда была слишкомъ необычна для меня. Она продолжала:

— О, это неудивительно. Я помню себя египтянкой. А вы, господинъ Пижоно, были египтяниномъ? Вы не помните? Странно. Но вы не сомнѣваетесь, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что мы переживаемъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ воплощеній?

— Я не знаю.

— Вы удивляете меня, господинъ Пижоно?

— Но могу ли я узнать, чему я обязанъ честию?

— Ахъ, да, я вамъ еще не сказала, что я пришла просить васъ помочь миѣ сдѣлать египетскій костюмъ для костюмированного бала у графини N***. У меня долженъ быть костюмъ строго выдержанный и изумительно красивый. Я уже много работала надъ нимъ, господинъ Пижоно. Я призывала на помощь мои воспоминанія, потому что я вѣдь отлично помню

себя живущей въ Оивахъ шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Я выписала рисунки изъ Лондона, Булака и Нью-Йорка.

— Это вѣрнѣе.

— Нѣтъ! Нѣтъ ничего вѣрнѣе внутренняго откровенія! Я изучала египетскій музей въ Луврѣ. Тамъ множество восхитительныхъ вещей. Тонкія и чистыя формы, строгое изящество профилей, женщины, похожія на цвѣты, и прямыя и гибкія въ одно и то же время. Тамъ я видѣла бога Бэсса, похожаго на Сарсэ. Боже! Какъ это все красиво!

— Сударыня, я до сихъ поръ не знаю еще...

— Но это не все. Я была на вашей лекціи объ одеждѣ египетской женщины въ эпоху средней имперіи и сдѣлала выписки. Ваша лекція была немного трудна, но я упорно разбиралась въ ней. На основаніи всѣхъ этихъ документовъ я придумала костюмъ, но онъ еще не совсѣмъ удовлетворяетъ меня. Я хочу просить васъ исправить его. Дорогой, приходите ко мнѣ завтра. Сдѣлайте это изъ любви къ Египту. Это рѣшено. До завтра! Я спѣшу. Меня ждетъ мама въ каретѣ.

Говоря эти послѣднія слова, она уже уходила; я пошелъ за ней. Когда я дошелъ до передней, она уже спустилась съ лѣстницы, и оттуда слышался ея тонкій голосокъ:

— До завтра! Улица Буа-де-Булонъ, около виллы Саидъ.

„Не пойду я къ этой сумасшедшей“,—подумалъ я.

На слѣдующій день, въ четыре часа, я звонилъ у двери ея дома. Лакей ввелъ меня въ залу со стекляннымъ потолкомъ, загроможденную картинами, мраморными и бронзовыми статуями. Тутъ были портшезы, покрытые лакомъ Мартэна, украшенные фарфоромъ; перуанскія муміи; двѣнадцать манекеновъ мужинъ и лошадей въ доспѣхахъ, среди которыхъ выдѣлялся огромнымъ ростомъ польскій рыцарь съ бѣлыми крыльями за плечами и французскій рыцарь въ турнирномъ одѣяннѣ. На его

шлемъ была изображена голова женщины въ прическѣ XIV столѣтія, съ нарумяненнымъ лицомъ и подъ вуалью. Цѣлый лѣсъ пальмъ, растущихъ въ кадкахъ, украшалъ залу, въ центрѣ которой возсѣдалъ гигантскій золотой Будда. У ногъ божества читала библию старая женщина, одѣтая нищенски. Я еще не успѣлъ опомниться отъ всѣхъ этихъ чудесъ, когда миссъ Морганъ, поднявъ тяжелую пурпуровую портьеру, предстала предо мной въ бѣломъ пенюарѣ, отдѣланномъ лебяжьимъ пухомъ. Она приблизилась ко мнѣ. Впереди нея шли двѣ большія датскія собаки съ длинными мордами.

— Я была увѣрена въ томъ, что вы придете, господинъ Пижоно.

— Какъ отказать такой очаровательной особѣ?— пробормотала я.

— О, мнѣ ни въ чемъ не могутъ отказать совсѣмъ не потому, что я красива. Я знаю секретъ, съ помощью котораго я заставляю повиноваться мнѣ.

Потомъ она указала мнѣ на старую женщину, читавшую библию, и сказала:

— Это — мама; не обращайтесь вниманія. Я васъ не представляю ей. Если бы вы заговорили съ ней, она не могла бы отвѣтить вамъ: она принадлежитъ къ одной религіозной сектѣ, запрещающей праздныя слова. Это самая новая секта. Послѣдователи ея одѣваются въ рубища и ѣдятъ изъ деревянной чашки. Мамѣ очень нравятся эти правила. Впрочемъ, я позвала васъ не затѣмъ, чтобы говорить о мамѣ. Я надѣну сейчасъ мой египетскій костюмъ. Это недолго. А вы пока посмотрите вотъ эти вещицы.

И она усадила меня передъ шкафомъ, въ которомъ находилась мумія, нѣсколько статуэтокъ, относящихся къ эпохѣ

средней имперіи, нѣсколько скарабеевъ и отрывки превосходнаго погребальнаго требника.

Оставшись одинъ, я сталъ изучать этотъ папирусъ. Онъ особенно интересовалъ меня потому, что онъ былъ помѣченъ подписью, которую я раньше прочелъ на одной печати. Это было имя писца при царѣ Сети I. Я тотчасъ же принялся возстановлять нѣкоторыя интересныя особенности этого документа. Не могу точно опредѣлить, сколько я просидѣлъ, погружившись въ это занятіе. Но вдругъ я инстинктивно почувствовалъ, что позади меня кто-то стоитъ. Я обернулся и увидѣлъ очаровательную женщину. Голову ея украшалъ золотой ястребъ, узкая бѣлая одежда позволяла любоваться юностью ея очаровательнаго и цѣломудреннаго стана. Поверхъ этой одежды спадала симметричными складками легкая розовая туника, схваченная въ талии поясомъ изъ драгоценныхъ камней. Голыя руки и ноги украшены кольцами.

Миссъ Морганъ стояла предо мной, склонивъ голову на правое плечо. Эта іератическая поза придавала ея чарующей красотѣ что-то божественное.

— Неужели это вы, миссъ Морганъ?

— Если только не сама Неферу-Ра. Знаете, у Леконтъ де-Лиля, Красота солнца?..

„Voici qu'elle languit sur son lit virginal,
Très pale, enveloppée avec de fines toiles“ *).

Нѣтъ, вы не знаете! Вы не знаете стиховъ. А какъ прекрасны стихи!.. Теперь за дѣло!

Овладевъ собой, я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній этой очаровательной особѣ по поводу ея восхитительнаго костюма. Я

---

*) Вотъ она лежитъ томная на своемъ дѣвственномъ ложѣ, блѣдная, облеченная въ тонкія ткани.

рѣшился спорить противъ нѣкоторыхъ деталей, грѣшавшихъ противъ археологической точности. Я предложилъ вѣнчать нѣкоторые камни въ перстняхъ другими, болѣе подходящими къ употреблявшимся въ эпоху средней имперіи. Наконецъ, я рѣшительно возсталъ противъ эмалевой застежки, которая являлась гнуснымъ анахронизмомъ. Мы рѣшили замѣнить ее плоской бляхой изъ драгоценныхъ камней, оправленныхъ въ золото. Она покорно слушала меня и до того была довольна моими совѣтами, что стала просить меня остаться обѣдать. Я сослался на регулярность моихъ привычекъ и на строгость моего режима и откланялся.

Я былъ уже въ передней, когда она крикнула мнѣ:

— Какъ вы думаете, вѣдь мой костюмъ будетъ самый лучший? Пожалуй, всѣ дамы разозлятся на меня на балу у графини N***.

Я былъ неприятно пораженъ этими словами, но, обернувшись, я увидѣлъ ее опять и снова почувствовалъ себя во власти ея чаръ.

Она снова позвала меня:

— Господинъ Пижоно, вы такой милый. Напишите для меня сказочку, и я васъ очень буду любить за это.

— Я не умѣю,— отвѣтилъ я.

Она пожалала своими прекрасными плечами.

— Какой же толкъ отъ науки, если съ помощью ея нельзя научиться сочинять сказки? Вы должны сочинить для меня сказку, господинъ Пижоно.

Считая бесполезнымъ повторять мой рѣшительный отказъ, я ушелъ, не сказавъ ничего въ отвѣтъ.

У двери я встрѣтилъ доктора Дауда, того самаго человѣка съ ассирійской бородой, который такъ непонятно взволновалъ меня своимъ взглядомъ въ залѣ академіи. Онъ произвелъ на

меня, печальнѣе очень вульгарнаго человѣка, и встрѣча съ нимъ была мнѣ тяжела.

Баль у графини N*** состоялся черезъ двѣ недѣли послѣ моего визита. Я не былъ удивленъ, когда прочелъ въ газетахъ, что прекрасная миссъ Морганъ произвела сенсацію своимъ костюмомъ Неферу-Ра.

До конца 1886 года я не слыхалъ больше ничего о ней. Но въ первый же день новаго года, когда я писалъ въ своемъ кабинетѣ, лакей принесъ мнѣ письмо и корзинку.

— Отъ миссъ Морганъ, — сказалъ онъ мнѣ и ушелъ.

Корзинка осталась на столѣ, и оттуда послышалось мяуканье. Я раскрылъ корзинку, и изъ нея выскочила маленькая сѣрая кошка.

Эта кошка не принадлежала къ ангорской породѣ. Она была изъ породы, встрѣчающейся на Востокѣ, болѣе гибкая, чѣмъ наши кошки, и, сколько я могу судить, очень похожая на тѣхъ своихъ родственницъ, которыхъ въ большомъ количествѣ находятъ въ подземельяхъ Фивъ въ видѣ мумій, заключенныхъ въ толстыя повязки. Она встряхнулась, посмотрѣла вокругъ себя, потянулась и, мурлыча, стала тереться о богиню Пахтъ, которая стояла на столѣ, красуясь своимъ безупречнымъ станомъ и острой мордочкой. Несмотря на короткую шерсть и темный цвѣтъ, она была прелестна. Она казалась умной и совсѣмъ не дикой. Я не могъ постигнуть смысла этого страннаго подарка. Письмо миссъ Морганъ мало просвѣтило меня въ этомъ отношеніи. Вотъ что было тамъ написано:

„Дорогой мой, посылаю вамъ кошечку, которую привезъ изъ Египта докторъ Даудъ и которую я очень люблю. Обращайтесь съ ней получше изъ любви ко мнѣ. Бодлэръ — величайшій французскій поэтъ послѣ Стефана Малларме — сказалъ:

„Les amoureux fervents et les savants austères
 Aiment également, dans leur mûre saison,
 Les chats puissants et doux, orgueil de la maison,
 Qui comme eux sont frileux et comme eux sédentaires“^{*)}).

Кажется, мнѣ не нужно напоминать вамъ, что вы *должны* сочинить для меня сказку. Вы принесете ее мнѣ на Крещение. Мы пообѣдаемъ вмѣстѣ.

Анни Морганъ.

Р. S. Вашу кошку зовуть Пору“.

Я прочель это письмо и посмотрѣлъ на Пору. Она стояла на заднихъ лапкахъ и лизала черную мордочку Пахтъ, своей божественной сестры. Она посмотрѣла на меня, и я долженъ сказать, что изъ насъ двоихъ менѣе удивлена была она.

„Что это значить?“ спрашиваль я себя мысленно. Но скоро я отказался понять что-нибудь. Какое мнѣ дѣло искать смыслъ въ дурачествахъ какой-то помѣшанной? За работу! Что касается этого маленькаго животнаго, то моя экономка, мадамъ Маглуаръ, позаботится о немъ. Я снова погрузился въ свою работу по хронологіи, которая тѣмъ болѣе занимала меня, что въ ней я немножко пробираль моего знаменитаго сотоварища Масперо. Пору не сходила съ моего стола. Усѣвшись и настороживъ уши, она слѣдила за моей работой. Удивительная вещь, въ этотъ день я не написалъ ничего дѣльнаго. Мысли путались въ головѣ, мнѣ приходили на умъ отрывки пѣсенъ и дѣтскихъ сказокъ. Ложась спать, я испытываль недовольство собою. На слѣдующій день Пору опять сидѣла на столѣ и умывалась. Въ этотъ день я также плохо работаль. Я и Пору

---

*) Пылкіе влюбленные и суровые ученые одинаково въ зрѣломъ возрастѣ любятъ кошекъ, сильныхъ и ласковыхъ — гордость дома, — которыя такъ же зябки и такъ же любятъ домашній очагъ, какъ они.

смотрѣли другъ на друга и въ этомъ занятіи провели большую часть времени. Такъ было и завтра и послѣзавтра, словомъ, всю недѣлю. Я долженъ былъ бы очень огорчиться этимъ, но, признаюсь, мало-по-малу я сталъ переносить этотъ недугъ терпѣливо и даже весело. Есть что-то ужасающее въ той быстротѣ, съ какою развращается честный человѣкъ. 6-го января я проснулся въ радостномъ настроеніи и быстро направился къ столу, гдѣ по своему обыкновенію уже сидѣла кошка. Я взялъ красивую тетрадь изъ бѣлой бумаги, обмакнулъ перо въ чернила и подъ взглядомъ моего новаго друга крупными буквами написалъ: Непріятныя приключенія кривого носильщика. Потомъ, не отводя глазъ отъ глазъ Пору, я сталъ писать съ поразительной быстротой и писалъ цѣлый день рассказъ о приключеніяхъ такихъ чудесныхъ, такихъ забавныхъ и разнообразныхъ, что самъ я забавлялся, читая ихъ. Мой кривой носильщикъ перепутывалъ всѣ вещи, которыя онъ долженъ былъ переносить, и дѣлалъ удивительно комичные промахи. Влюбленные, находясь въ трагическомъ положеніи, получаютъ отъ него неожиданную помощь, и онъ даже не подозрѣваетъ объ этомъ. Онъ переносилъ шкафы, въ которыхъ были спрятаны мужчины. И эти послѣдніе, водворенные на новое мѣсто, пугали старыхъ женщинъ. Какъ анализировать эту веселую сказку? Двадцать разъ я раздражался смѣхомъ, когда писалъ ее. Если Пору не смѣялась, то ея степенный видъ былъ забавнѣе самыхъ смѣшныхъ гримасъ. Было семь часовъ вечера, когда я окончилъ эту пріятную работу. Цѣлый часъ уже комната освѣщалась лишь фосфорическимъ свѣтомъ глазъ Пору. Я писалъ въ темнотѣ такъ же легко, какъ и при свѣтѣ хорошей лампы. Кончивъ сказку, я сталъ одѣваться. Я надѣлъ черный фракъ и бѣлый галстукъ и, простившись съ Пору, быстро спустился съ лѣст-

ницы и ринулся на улицу. Пройдя не болѣе двадцати шаговъ, я почувствовалъ, что кто-то трогаетъ меня за рукавъ.

— Куда вы такъ бѣжите, дядюшка, какъ лунатикъ?

Это былъ мой племянникъ Марсель, честный и умный молодой человѣкъ, занимающійся въ Сальпетриерѣ. Ему предсказываютъ успѣхъ въ медицинѣ... И, дѣйствительно, его можно было бы считать здравомыслящимъ человѣкомъ, если бы онъ меньше довѣрялъ своему капризному воображенію.

— Да вотъ несю сказку, которую я сочинилъ для миссъ Морганъ.

— Какъ! Вы сочиняете сказки и знаете миссъ Морганъ? Она очень красива. Можетъ быть, вы знаете и доктора Дауда, который всюду ее сопровождаетъ?

— Это лѣкаришка, шарлатанъ!

— Безъ сомнѣнія, дядюшка, но онъ необыкновенный экспериментаторъ. Ни Бернгеймъ, ни Льежуа, ни даже самъ Шарко не могли вызвать такихъ явленій, какія онъ производитъ совершенно легко. Онъ гипнотизируетъ и внушаетъ безъ прикосновенія, безъ непосредственнаго воздѣйствія, а съ помощью животнаго. Онъ пользуется обыкновенно кошками съ короткой шерстью. Онъ дѣйствуетъ такъ: онъ внушаетъ извѣстный поступокъ кошкѣ, потомъ посылаетъ животное въ корзинкѣ тому, на кого онъ хочетъ вліять. Животное передаетъ полученное имъ внушеніе, и пациентъ, подъ вліяніемъ животнаго, исполняетъ все, что приказалъ этотъ лѣкарь.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, дядюшка.

— А какое же участіе принимаетъ миссъ Морганъ въ этихъ великолѣпныхъ экспериментахъ?

— Миссъ Морганъ, дядюшка, заставляетъ доктора Дауда трудиться для нея и пользуется гипнотизмомъ и внушеніемъ для

того, чтобы заставлять людей дѣлать глупости, какъ будто для этого недостаточно ея красоты.

Больше я уже ничего не слыхалъ. Непреодолимая сила увлекала меня къ миссъ Морганъ.

ДОЧЬ ЛИЛИТЪ.

ВЕЧЕРОМЪ я покинулъ Парижъ и провелъ въ вагонѣ долгую безмолвную снѣжную ночь. Я прождалъ шесть мучительныхъ часовъ въ Х... и только послѣ полудня нашель деревенскую телѣжку, въ которой можно было ѣхать въ Артигъ. Долина, холмы которой то подымались, то пропадали по обѣимъ сторонамъ дороги и которую я видѣлъ когда-то веселой и залитой свѣтомъ, была теперь покрыта толстой пеленой снѣга, и по ней ползли черныя виноградныя лозы. Мой возница слегка погонялъ свою старую лошадь, и мы ѣхали, охваченные безконечнымъ молчаніемъ, которое лишь по временамъ нарушалъ жалобный крикъ какой-то птицы. Въ смертельной тоскѣ я произносилъ въ глубинѣ своего сердца слѣдующую молитву: „Боже мой, Боже милосердный, сохрани меня отъ отчаянія, не допусти меня совершить тотъ единственный грѣхъ, который Ты не можешь простить послѣ столькихъ моихъ прегрѣшеній“. Тогда я увидѣлъ солнце, красное, безъ лучей, опускающееся за горизонтъ какъ кровавая жертва, и, вспомнивъ божественную жертву на Голгоѣ, я почувствовалъ, что въ душѣ моей рождается надежда. Нѣкоторое время снѣгъ продолжалъ еще

скрипѣть подѣ колесами. Наконецъ возница показаль мнѣ концомъ кнута колокольню въ Артигѣ, видѣвшуюся какъ тѣнь въ красноватомъ туманѣ.

— Такъ васъ нужно подвезти къ дому священника? Вы, стало быть, знаете его?—сказаль онъ мнѣ.

— Я знаю его съ дѣтства. Онъ былъ моимъ учителемъ въ школѣ.

— Онъ очень ученый?

— Другъ мой, господинъ Сафракъ столько же ученъ, какъ и добръ.

— Говорять. Говорять также кое-что и другое.

— Что же говорятъ, мой другъ?

— Говорять, что хотятъ, а мое дѣло сторона.

— Что же однако?

— Нѣкоторые думаютъ, что кюрэ колдунъ и что онъ напускаетъ порчу.

— Какой вздоръ!

— Да я ничего не говорю. Но, если господинъ Сафракъ не колдунъ и не напускаетъ порчи, зачѣмъ бы ему читать книги.

Телѣжка остановилась у дома кюрэ.

Я покинулъ этого глупца и послѣдовалъ за служанкой кюрэ, которая провела меня къ своему господину въ комнату, гдѣ уже былъ накрытъ столъ. Я нашель господина Сафрака сильно измѣнившимся за эти три года, что я не видѣль его. Его высокій станъ согнулся. Худоба стала чрезмѣрна. Два зоркихъ глаза блестяли на его исхудаломъ лицѣ. Его словно увеличившійся носъ пригнулся къ тонкимъ губамъ. Я упаль въ его объятія и, рыдая, воскликнулъ:— Отецъ мой! отецъ мой! Я пришелъ къ вамъ потому, что я согрѣшилъ. Отецъ мой, мой старый учитель, ваши глубокия и таинственныя знанія пугали меня, но вы успокаивали мою душу, открывая мнѣ свое

отеческое сердце; спасите вашего сына на краю пропасти. О, мой единственный другъ, спасите меня, просвѣтите меня, о, мой единственный свѣтъ!

Онъ обнялъ меня, улыбнулся мнѣ съ той особенной добротой, которую онъ столько разъ проявлялъ въ моей ранней молодости, и отступилъ на шагъ, какъ бы желая лучше разглядѣть меня.

— Милости просимъ!—Такъ привѣтствовалъ онъ меня по обычаю своей родины. Г-нъ Сафракъ родился на берегу Гаронны, въ странѣ, славящейся своими винами, которыя служатъ какъ бы эмблемой его души, бодрой и ароматной.

Послѣ блестящаго преподаванія философіи въ Бордо, Пуатье и Парижѣ онъ испросилъ себѣ, какъ единственную милость, бѣдный приходъ въ той странѣ, гдѣ онъ родился и хотѣлъ умереть. Онъ служилъ священникомъ въ Артигѣ шесть лѣтъ, и въ этомъ захолустномъ селеніи дѣла его были отмѣчены самымъ смиреннымъ благочестіемъ и самыми высокими знаніями.

— Милости просимъ, дитя мое,—повторялъ онъ.—Я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы извѣщаете меня о вашемъ приѣздѣ, и оно меня очень тронуло. Такъ, значитъ, вы не забыли вашего стараго учителя?

Я хотѣлъ броситься къ его ногамъ, все еще бормоча: „Спасите меня! Спасите меня!“ Но онъ остановилъ меня жестомъ руки, властнымъ и мягкимъ въ одно и то же время.

— Ари,—сказалъ онъ,—завтра вы расскажете мнѣ все. А теперь обогрѣйтесь. Потомъ мы поужинаемъ, такъ какъ вы навѣрно озябли и проголодались!

Служанка подала на столъ миску, изъ которой столбомъ подымался ароматный паръ. Это была старая женщина, волосы ея были закрыты чернымъ фуляромъ, и ея морщинистое лицо

сочетало красоту типа съ безобразіемъ старости. Я былъ сильно взволнованъ, но мало - по - малу душу мою наполнилъ миръ, исходящій отъ этого святаго жилища, и мнѣ стало весело при видѣ яркаго огня горѣвшихъ въ каминѣ виноградныхъ лозъ, бѣлой скатерти, налитаго вина, дымящихся блюдъ. За ужиномъ я почти забылъ, что я пришелъ къ очагу этого священника съ цѣлью оросить благодатнымъ покаяніемъ жестокаго угрызенія совѣсти. Г-нъ Сафракъ напомнилъ мнѣ давно минувшіе часы, проведенные нами вмѣстѣ подъ кровлей коллѣжа, гдѣ онъ преподавалъ философію.

— Ари, вы были моимъ лучшимъ ученикомъ, — сказала онъ. — Вашъ быстрый умъ часто опережалъ мысль учителя. Вотъ почему я такъ быстро привязался къ вамъ. Я люблю смѣлость въ христіанинѣ. Вѣра не должна быть робкой въ то время, когда беззаконіе проявляетъ необузданную дерзость. Нынѣ церковь имѣетъ лишь ягнятъ — ей нужны львы. Кто замѣститъ теперь тѣхъ отцовъ и ученыхъ, взоръ которыхъ обнималъ всѣ науки? Истина подобна солнцу: ее могутъ созерцать только орлы.

— Ахъ, господинъ Сафракъ, вы имѣете этотъ дерзновенный взоръ, который не боится свѣта. Ваши мнѣнія приводили въ ужасъ даже тѣхъ вашихъ братьевъ, которые восторгались святостью вашей жизни. Вы не боялись новшествъ. Такъ, на примѣръ, вы были склонны признать множественность обитаемыхъ міровъ.

Взоръ его загорѣлся.

— Что скажутъ трусы, когда прочтутъ мою книгу? Ари, подъ этимъ прекраснымъ небомъ, въ этой странѣ, которую Богъ создалъ съ особенной любовью, я размышлялъ, я трудился. Вы знаете, что я довольно хорошо владѣю еврейскимъ, арабскимъ и персидскимъ языками и нѣсколькими индійскими

нарѣчїями. Вамъ извѣстно также, что я перевезъ сюда богатую бібліотеку древнихъ манускриптовъ. Я основательно изучилъ духъ языка и преданій древняго Востока. Этотъ трудъ, Богъ дастъ, не останется безплоднымъ. Недавно я окончилъ мою книгу Началъ; въ ней я возстановляю и защищаю то священное толкованіе, которое было обречено на гибель нечестивой наукой. Ари, Богу въ своемъ милосердіи угодно было, чтобы наука и вѣра примирились, наконецъ. Чтобы произвести это сближеніе, я исходилъ изъ слѣдующей мысли: Библия, внушенная Св. Духомъ, говоритъ истину, но она не говоритъ всей истины. Да и какъ бы она могла сказать ее, если ея единственное назначеніе научить насъ тому, что необходимо намъ для вѣчнаго спасенія? Кромѣ этой великой цѣли, для нея не существуетъ ничего. Ея тема такъ же проста, какъ и обширна. Она обнимаетъ собою паденіе и искупленіе. Это божественная исторія человѣка. Она полна и ограничена. Въ ней нѣтъ ничего такого, что могло бы служить для удовлетворенія невѣжественнаго любопытства. Пусть же не торжествуетъ больше нечестивая наука надъ молчаніемъ Бога. Пора сказать: „Нѣтъ, Библия не лгала, но она открыла не все“. Такова истина, которую я провозглашаю. Опираясь на геологію, доисторическую археологію, восточную космогонію, суммерійскіе памятники, халдейскія и вавилонскія преданія, древнія легенды, сохранившіяся въ Талмудѣ, я заявилъ о существованіи преадамитовъ. Авторъ „Бытія“, вдохновленный свыше, не говоритъ о нихъ только потому, что ихъ существованіе не имѣетъ отношенія къ вѣчному спасенію дѣтей Адама. Кромѣ того, тщательное изслѣдованіе первыхъ главъ „Бытія“ доказываетъ, что было два акта, сотворенія, которые раздѣляютъ многіе годы, и изъ нихъ второй былъ не болѣе, какъ приспособленіемъ одной части земли для нуждъ Адама и его потомковъ.

Онъ остановился на мгновеніе и продолжалъ тихимъ голосомъ съ чисто религіозной серьезностью.

— Я, Марціаль Сафракъ, недостойный священникъ, докторъ теологіи, покорный, какъ послушный сынъ, матери нашей св. Церкви, я утверждаю съ совершенной увѣренностью—при условіи, что святой отецъ папа и соборы засвидѣтельствуютъ это,—что Адамъ, сотворенный по образу Божію, имѣлъ двухъ женъ, изъ которыхъ Ева была второю.

Эти необыкновенныя слова постепенно отвлекали меня отъ моихъ думъ, и у меня явился къ нимъ странный интересъ. Я даже испыталъ нѣкоторое разочарованіе, когда господинъ Сафракъ, облокотившись на столъ, сказалъ мнѣ:

— Довольно на эту тему. Можетъ быть, вы прочтете со временемъ мою книгу, которая просвѣтитъ васъ на этотъ счетъ. Желая быть послушнымъ строгому долгу, я долженъ былъ представить эту работу епископу и просить одобренія его преосвященства. Рукопись находится теперь въ епархіи, и я съ часу на часъ жду отвѣта, который по всѣмъ моимъ предположеніямъ долженъ быть благопріятнымъ. Дорогое дитя мое, кушайте эти грибы изъ нашего лѣса, пейте это вино нашихъ виноградниковъ и скажите мнѣ, не находите ли вы, что наша страна есть вторая обѣтованная земля и что первая была лишь ея подобіемъ и предзнаменованіемъ.

Съ этого момента разговоръ нашъ сдѣлался болѣе дружескимъ и перешелъ на наши общія воспоминанія.

— Да, дитя мое,—сказалъ мнѣ г-нъ Сафракъ,— вы были самымъ любимымъ моимъ ученикомъ. Богъ позволяетъ дѣлать предпочтенія, если они основаны на справедливомъ сужденіи. А я тогда же рѣшилъ, что въ васъ были способности человѣка и христіанина. Это не значитъ, что въ васъ не было недостатковъ. Вы были непостоянны, переменчивы, вспыльчивы.

Въ вашей душѣ таился скрытый еще пылъ. Я любилъ васъ за вашу великую мятежность такъ же, какъ другого моего ученика за обратное качество. Поль д'Эрви былъ дорогъ мнѣ его непоколебимой твердостью духа и сердца.

При этомъ имени я покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ и едва сдержалъ крикъ. Я хотѣлъ отвѣтить, но не могъ произнести слова. Г-нъ Сафракъ, казалось, не замѣтилъ моего смущенія.

— Насколько я помню, это былъ вашъ лучший товарищъ. Вы все такъ же дружны съ нимъ, не правда ли? Я слышалъ, что онъ началъ дипломатическую карьеру и что на этомъ поприщѣ ему предсказываютъ блестящее будущее. Я желаю ему быть призваннымъ въ лучшія времена къ папскому престолу. Въ немъ вы имѣете вѣрнаго и преданнаго друга.

— Отецъ мой,—отвѣтилъ я,—завтра я поговорю съ вами о Полѣ д'Эрви и еще объ одной особѣ.

Г-нъ Сафракъ пожалъ мнѣ руку. Мы разстались, и я ушелъ въ пригостовленную мнѣ комнату. Засыпая въ моей постели, пропитанной запахомъ лаванды, я видѣлъ во снѣ, что я еще мальчикъ, что я стою на колѣняхъ въ часовнѣ коллѣжа и съ восторгомъ смотрю на бѣлыхъ и сіяющихъ женщинъ, стоящихъ на почетномъ мѣстѣ, и что надъ головой моей раздался голосъ, выходящій изъ облака, который говорилъ мнѣ: „Ари, ты думаешь, что любишь ихъ въ Богѣ, но ты любишь Бога въ нихъ“.

Утромъ, проснувшись, я увидѣлъ г-на Сафрака у изголовья моей кровати.

— Ари, — сказалъ онъ, — приходите къ обѣднѣ, которую я буду служить для васъ. По окончаніи литургіи я буду готовъ выслушать васъ.

Церковь въ Артигѣ представляетъ собою маленькій храмъ романскаго стиля, процвѣтавшаго въ Аквитаніи еще въ XII

вѣкъ. 20 лѣтъ тому назадъ при реставраціи ея къ ней пристроили колокольню, которая не имѣлась въ виду на первоначальномъ планѣ. Но, будучи бѣдной, она, по крайней мѣрѣ, сохранила свою непорочную наготу. Я присоединился къ молитвѣ служащаго литургію, насколько мнѣ позволяло состояніе моего духа, потомъ вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ его домъ. Позавтракавъ молокомъ и хлѣбомъ, мы вошли въ комнату г-на Сафрака.

Подвинувъ стулъ къ камину, надъ которымъ висѣло распятіе, онъ, пригласивъ меня сѣсть и, усѣвшись рядомъ, знакомъ предложилъ говорить. На дворѣ падалъ снѣгъ. Я началъ такъ:

— Отецъ мой, десять лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ, выйдя изъ-подъ вашего попеченія, я попалъ въ свѣтъ. Я сохранилъ въ немъ мою вѣру, но не сохранилъ моей чистоты. Не буду описывать вамъ мою жизнь: вы ее знаете, вы, мой духовный наставникъ, мой единственный духовный отецъ. Къ тому же я спѣшу скорѣе коснуться того событія, которое перевернуло мою жизнь. Въ прошломъ году мои родные рѣшили женить меня, и я охотно согласился на это. Молодая дѣвушка, предназначавшаяся мнѣ, имѣла всѣ достоинства, которыхъ обыкновенно ищутъ родители. Кромѣ того, она была красива; она нравилась мнѣ настолько, что вмѣсто брака по расчету мнѣ предстоялъ бракъ по любви. Предложеніе мое было принято. Насъ обручили. Счастье и покой моей жизни казались обезпеченными, какъ вдругъ я получилъ письмо отъ Поля д'Эрви, который извѣщалъ меня о своемъ приѣздѣ въ Парижъ и изъявлялъ сильное желаніе видѣть меня. Я поспѣшилъ къ нему и сообщилъ ему о своей женитьбѣ. Онъ сердечно поздравилъ меня.

— Братъ мой, я радуюсь твоему счастью, — сказалъ онъ.

Я сказалъ ему, что надѣюсь имѣть его моимъ свидѣтелемъ: онъ очень охотно согласился. День моей свадьбы былъ назначенъ на 15-е мая, а онъ долженъ былъ вернуться къ своимъ обязанностямъ только въ первыхъ числахъ іюня.

— Какъ все хорошо выходитъ,— сказалъ я.— Ну, а какъ ты?..

— О, я,— отвѣтилъ онъ съ улыбкой, которая выражала въ одно и то же время и радость и печаль.— Я... Какая перемена!.. Я безъ ума... Одна женщина... Ари, я очень счастливъ, а можетъ быть, очень несчастливъ! Какъ назвать счастье, купленное цѣною дурного поступка? Я обманулъ, я довелъ до отчаянія прекраснаго друга... я увезъ оттуда, изъ Константинополя...

Г-нъ Сафракъ прервалъ меня:

— Сынъ мой, не касайтесь проступковъ, совершенныхъ другими, и не называйте никого по имени.

Я обѣщалъ повиноваться и продолжалъ такъ:

— Едва только Поль сказалъ это, въ комнату вошла женщина. Очевидно, это была она: на ней былъ длинный голубой пениюаръ, и она вела себя какъ у себя дома. Попробую описать вамъ однимъ словомъ то ужасное впечатлѣніе, которое она произвела на меня. Она показалась мнѣ неестественной. Чувствую, что слово это неясно и плохо выражаетъ мою мысль. Но, можетъ быть, изъ продолженія разсказа оно станетъ понятнѣе. Въ выраженіи ея золотыхъ глазъ, бросавшихъ повремениамъ снопы искръ, въ изгибѣ ея загадочнаго рта, въ ткани ея смуглой и блестящей кожи, въ игрѣ линий ея тѣла, неправильныхъ и все-таки гармоничныхъ, въ необыкновенной воздушности ея походки и даже въ ея обнаженныхъ рукахъ, къ которымъ, казалось, были прикрѣплены невидимыя крылья, наконецъ, во всемъ ея существѣ, огненномъ и зыбкомъ, чув-

ствовалось что-то несвойственное человѣческой природѣ, что-то и ниже и выше женщины, какой ее создалъ Богъ въ своей страшной милости, для того чтобы она была намъ подругой на этой отверженной землѣ. Съ той минуты, когда я увидѣлъ ее, во мнѣ родилось одно чувство, наполнившее всю мою душу: у меня явилось безконечное отвращеніе ко всему, кромѣ этой женщины.

Когда она входила, Поль нахмурился слегка, но, тотчасъ же одумавшись, онъ попытался улыбнуться.

— Леила, представляю вамъ моего лучшаго друга.

Леила отвѣтила:

— Я знаю господина Ари.

Это были очень странныя слова, такъ какъ мы, разумѣется, никогда не видѣли другъ друга, но еще страннѣе былъ звукъ ея голоса. Если бы хрусталь могъ думать; то онъ говорилъ бы такъ же.

— Мой другъ Ари, — прибавилъ Поль, — черезъ шесть дней женится.

При этихъ словахъ Леила посмотрѣла на меня, и я ясно увидѣлъ, что ея золотые глаза говорили нѣтъ.

Я ушелъ, сильно взволнованный, и мой другъ не проявилъ ни малѣйшаго желанія удержать меня. Весь день я безцѣльно бродилъ по улицамъ съ опустошеннымъ и скорбнымъ сердцемъ. Вечеромъ, случайно очутившись около цвѣточной лавки на бульварѣ, я вспомнилъ о моей невѣстѣ и зашелъ купить для нея вѣтку сирени. Едва только я взялъ цвѣтокъ, какъ чья-то маленькая рука вырвала его у меня, и я увидѣлъ Леилу, которая со смѣхомъ уходила отъ меня. На ней было короткое сѣрое платье, такой же жакетъ и маленькая круглая шляпа. Долженъ замѣтить, что этотъ костюмъ для гулянья, какой обыкновенно носятъ парижанки, такъ не шелъ къ волшебной

красотѣ этого созданія, что она казалась переряженной. Тѣмъ не менѣе, увидѣвъ ее, я почувствовалъ, что люблю ее неугасимою любовью. Я хотѣлъ догнать ее, но она исчезла среди прохожихъ и экипажей.

Съ этого момента я точно не жилъ. Нѣсколько разъ я приходилъ къ Полю и не видѣлъ Леилы. Онъ дружески встрѣчалъ меня, но ничего не говорилъ мнѣ о ней. Мы не находили темъ для разговора, и я печально оставлялъ его. Наконецъ, однажды лакей сказалъ мнѣ: „Барина нѣтъ“; и прибавилъ: „Можетъ быть, господинъ желаетъ говорить съ барыней?“ Я отвѣтилъ: „Да“. О, отецъ мой, какія кровавыя слезы могутъ искупить это слово? Я вошелъ. Я нашелъ ее въ гостиной. Она полулежала на диванѣ въ желтомъ какъ золото платьѣ, которое закрывало ея ноги. Я видѣлъ ее... Но нѣтъ, я уже не видѣлъ ее. Я не могъ говорить, у меня вдругъ захватило дыханье. Запахъ мурры и какихъ-то благовонныхъ веществъ распространялся отъ нея и опьянялъ меня, навѣвая истому и желанія, какъ будто всѣ ароматы таинственнаго Востока сразу стали доступны моему трепетному обонянiю. Нѣтъ, конечно, это не была обыкновенная женщина, такъ какъ ничего человѣческаго не было въ ней. Лицо ея не выражало никакого чувства, ни добраго ни дурнаго, кромѣ чувства сладострастiя, которое въ то же время казалось какимъ-то неземнымъ. Безъ сомнѣнiя, она замѣтила мое смущенiе, такъ какъ спросила меня голосомъ, который былъ прозрачнѣе журчанiя ручья въ лѣсу:

— Что съ вами?

Я бросился къ ея ногамъ и со слезами воскликнулъ:

— Я безумно люблю васъ!..

Тогда она открыла объятiя и, устремивъ на меня взоръ своихъ сладострастныхъ и искреннихъ глазъ, сказала:

— Почему вы не сказали мнѣ этого раньше, другъ мой?

О, мгновеніе, которому нѣтъ имени! Я сжималъ Леилу въ моихъ объятіяхъ. Мнѣ казалось, что оба мы унеслись въ небо и наполнили его все собою. Я чувствовалъ себя ставшимъ подобнымъ Богу, и мнѣ казалось, что въ сердцѣ моемъ я ношу всю красоту міра и всю гармонію природы, звѣзды и цвѣты, и поющіе лѣса, и рѣки, и глубокія моря. Въ одинъ поцѣлуй я вложилъ вѣчность...

При этихъ словахъ Сафракъ, слушавшій меня съ нѣкотораго времени съ видимымъ нетерпѣніемъ, поднялся и, ставъ противъ камина съ поднятой до колѣнъ сутаной, чтобы согрѣть свои ноги, сказалъ мнѣ сурово, почти съ презрѣніемъ:

— Вы — жалкій богохульникъ и далеки отъ раскаянія въ вашихъ преступленіяхъ; вы исповѣдуетесь въ нихъ ради гордости и наслажденія. Я не слушаю васъ больше.

Услыша эти слова, я залился слезами и сталъ просить прощенія. Почувствовавъ искренность въ моемъ смиреніи, онъ позволилъ мнѣ продолжать мои признанія съ условіемъ не увлекаться ими.

Я снова сталъ продолжать мой рассказъ послѣдовательно и стараясь какъ можно болѣе сократить его.

— Отецъ мой, я покинулъ Леилу мучимый угрызеніями совѣсти. Но на слѣдующій день она пришла ко мнѣ, и тогда началась жизнь, которая измучила меня наслажденіями и пытками. Я ревновалъ къ Полю, котораго я обманулъ, и жестоко страдалъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ болѣзни болѣе унижительной, чѣмъ ревность, болѣзни, которая наполняла бы душу болѣе гнусными образами. Леила не желала даже лгать и ложью облегчить мои муки. Къ тому же поведеніе ея было непонятно. Я не забываю, съ кѣмъ я говорю, я боюсь оскорбить слухъ почтеннѣйшаго изъ священниковъ. Я скажу только, что Леила, казалось, была чужда той любви, которую дарила мнѣ. Но

все мое существо она отравила ядомъ сладострастія. Я не могъ отойти отъ нея и дрожалъ отъ страха потерять ее. Леила была совершенно лишена того, что называется у насъ нравственнымъ чувствомъ. Это не значитъ, что она была зла или жестока. Наоборотъ, она была нѣжна и полна жалости. Тѣмъ болѣе ее нельзя было назвать и неумной, но умъ ея былъ иной природы, чѣмъ нашъ. Она мало говорила и отказывалась отвѣчать, когда ее спрашивали о ея прошломъ. Она не знала ничего изъ того, что извѣстно намъ, но она знала многое, чего не знаемъ мы. Воспитанная на Востокѣ, она знала всевозможныя индусскія и персидскія легенды, которыя она рассказывала монотоннымъ голосомъ съ безконечной граціей. Слушая ея повѣствованія о чудесномъ зарожденіи міра, можно было подумать, что она жила при сотвореніи его. Однажды я сказалъ ей это. Она отвѣтила мнѣ, улыбаясь:

— „Я старая, это правда“.

Г-нъ Сафракъ, все еще стоя у камина, съ нѣкотораго времени слушалъ меня съ живѣйшимъ вниманіемъ и даже наклонился ко мнѣ.

— Продолжайте,— сказалъ онъ.

— Нѣсколько разъ, отецъ мой, я спрашивалъ Леилу о ея религіи. Она отвѣчала мнѣ, что у нея нѣтъ религіи и не чувствуетъ необходимости въ ней; что ея мать и сестры были дочерьми Бога и все-таки она не связана съ Нимъ никакимъ культомъ. Она носила на шеѣ медальонъ, наполненный землей, которую, по ея словамъ, она благоговѣнно хранитъ изъ любви къ своей матери.

Лишь только я произнесъ эти слова, какъ г-нъ Сафракъ, блѣдный и трепещущій, подпрыгнулъ и, сжимая мои руки, закричалъ надъ моимъ ухомъ:

— Она говорила правду! Теперь я знаю, кто была она,

Ари, вашъ инстинктъ не обмануль васъ. Это была не женщина. Кончайте, кончайте, прошу васъ!

— Отецъ мой, я почти кончилъ. Увы, изъ любви къ Леилѣ, я нарушилъ мое торжественное обрученіе, я обмануль лучшаго друга моего. Я оскорбилъ Бога. Поль, узнавъ о невѣрности Леилы, сошелъ съ ума отъ горя. Онъ грозилъ убить ее, но она спокойно отвѣтила ему:

„Попытайся, другъ мой, я желала бы умереть, но не могу“

„Шесть мѣсяцевъ она принадлежала мнѣ. Однажды утромъ она сказала мнѣ, что она возвращается въ Персію и что мы не увидимся больше. Я плакалъ, я стоналъ и говорилъ ей: „Вы не любили меня никогда!“ И она кротко отвѣтила мнѣ:

„Нѣтъ, мой другъ. Но ни одна женщина, которая любила бы васъ такъ же, какъ я, не сумѣла бы дать вамъ того, что вы получили отъ меня. Вы еще должны быть мнѣ признательны. Прощайте!“

Два дня я находился между изступленіемъ и апатіей. Потомъ, вспомнивъ о спасеніи души, я пришелъ къ вамъ, отецъ мой. Очистите мое сердце, ободрите его, дайте ему силы! Я люблю ее!

Я замолчалъ. Г-нъ Сафракъ думалъ, приложивъ руку ко лбу. Онъ первый нарушилъ молчаніе.

— Сынъ мой, вотъ что подтверждаетъ мои важныя открытія. Вотъ чѣмъ можно смутить высокоуміе нашихъ новѣйшихъ скептиковъ. Нынѣ мы живемъ въ такихъ же чудесахъ, какъ и перворожденные люди. Слушайте, слушайте! У Адама была, какъ я вамъ сказалъ, первая жена, о которой умалчиваетъ Библия, но о которой говоритъ намъ Талмудъ. Ее звали Лилить. Созданная не изъ его ребра, но изъ глины, изъ ко-

торой былъ сдѣланъ онъ самъ, она не была плотью отъ плоти его. Она добровольно отдѣлилась отъ него. Онъ пребывалъ еще въ невинности, когда она покинула его и ушла въ свои страны, гдѣ, спустя долгія времена, поселились персы и гдѣ обитали тогда преадамиты, которые были умнѣе и прекраснѣе людей. Такимъ образомъ она не участвовала въ грѣхѣ нашего прародителя и не была осквернена первороднымъ грѣхомъ и потому избѣжала проклятія, обрушившагося на Еву и ея потомство. Она свободна отъ скорби и смерти; не имѣя души, о спасеніи которой нужно заботиться, она не способна ни на хорошее ни на дурное. Что бы она ни дѣлала, она не дѣлаетъ ни добра ни зла. Ея дочери отъ какого-то таинственнаго брака безсмертны, какъ она, и, какъ она, свободны въ своихъ поступкахъ и мысляхъ, такъ какъ онѣ не могутъ ни заслужить ни провиниться передъ Богомъ. Сынъ мой, по нѣкоторымъ знакамъ, созданіе, заставившее васъ пасть, Леила, была дочерью Лилить. Молитесь, завтра вы исповѣдуетесь у меня.

Одно мгновеніе онъ оставался задумчивымъ, потомъ, вынувъ изъ кармана бумагу, сказалъ:

— Вчера, послѣ того какъ я пожелалъ вамъ спокойной ночи, почтальонъ запоздавшій изъ-за снѣга, подалъ мнѣ непріятное письмо. Викарій пишетъ мнѣ, что моя книга огорчила епископа и заранѣе омрачила въ его душѣ радости праздника ордена Кармелитовъ. Это сочиненіе,—прибавляетъ онъ,—полно дерзкихъ предположеній и мнѣній, осужденныхъ уже учеными. Его преосвященство не согласился бы одобрить этотъ зловредный плодъ настойчиваго труда. Вотъ что мнѣ пишутъ. Но я расскажу ваше приключеніе епископу. Оно докажетъ ему, что Лилить существуетъ и что я не грежу.

Я попросилъ г-на Сафрака удѣлить мнѣ еще минуту.

— Леила, отецъ мой, уходя, оставила мнѣ пластинку кипа-

риса, на которой остріемъ стила начертаны знаки. Я не могу разобрать ихъ. Вотъ она.

Г-нъ Сафракъ взялъ тонкую дощечку, которую я подаль ему, внимательно посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Это написано на персидскомъ языкѣ эпохи расцвѣта и легко переводится. Написано здѣсь слѣдующее:

Молитва Леилы, дочери Лилитъ.

Боже мой, пошли мнѣ смерть, чтобы я могла наслаждаться жизнью. Боже мой, дай мнѣ муки совѣсти, чтобы я могла испытывать радость. Боже мой, сдѣлай меня подобной дочерямъ Евы.

ЛЭТА АЦІЛІЯ.

ЛЭТА Ацилія жила въ Массаліи *) при императорѣ Тиверіи. Будучи уже нѣсколько лѣтъ замужемъ за римскимъ всадникомъ, котораго звали Гельвіемъ, она не имѣла еще ни одного ребенка и горячо желала стать матерью. Однажды, когда она шла въ храмъ поклониться богамъ, она увидѣла подъ портикомъ толпу полуголыхъ людей, исхудалыхъ, пораженныхъ проказой и язвами. Ужаснувшись ихъ, она остановилась на первой ступени храма. Лэта Ацилія совсѣмъ не была жестокосердой. Она жалѣла бѣдныхъ, но боялась ихъ. Къ тому же она никогда еще не видѣла нищихъ такихъ свирѣпыхъ, какъ тѣ, которые толпились теперь передъ ней, — синіе, окоченѣвшіе, съ пустыми сумками, лежащими у ихъ ногъ. Она поблѣднѣла и прижала руку къ сердцу. Не находя въ себѣ силъ ни убѣжать ни двинуться впередъ, она почувствовала, что ноги ея подкашиваются. Вдругъ изъ толпы несчастныхъ вышла женщина ослѣпительной красоты и подошла къ ней.

— Не бойся, женщина, — сказала эта незнакомка серьезно и кротко. — Люди, которыхъ ты видишь, совсѣмъ не жестоки.

---

*) Марсель.

Не обманъ и обиду приносятъ они, но истину и любовь. Мы пришли изъ Іудеи, гдѣ Сынъ Божій умеръ и воскресъ. Когда онъ вознесся одесную Отца, вѣрующіе въ него много страдали. Народъ побилъ камнями Стефана. Насъ же священники посадили на корабль безъ вѣтриль и руля и отдали насъ на волю волнамъ морскимъ, чтобы мы погибли въ нихъ. Но Богъ, который любилъ насъ въ своей земной жизни, привелъ насъ благополучно къ пристани въ этомъ городѣ. Увы! Масалиоты скупы и жестоки. Они идолопоклонники. Они допускаютъ умирать отъ холода и голода учениковъ Іисуса. И если бы мы не укрылись въ этомъ храмѣ, который они считаютъ священнымъ, они уже бросили бы насъ въ темныя тюрьмы. Между тѣмъ, приличнѣе было бы порадоваться нашему приходу, ибо мы несемъ добрую вѣсть.

Сказавъ это, чужестранка стала показывать рукой поочередно на cadaго изъ своихъ спутниковъ.

— Этотъ старецъ,— сказала она,— который обращаетъ къ тебѣ свой свѣтоносный взоръ, это— Седонъ, слѣпой отъ рожденія, котораго Учитель исцѣлилъ. Седонъ видитъ нынѣ съ одинаковой ясностью вещи видимыя и невидимыя. Другой старецъ, борода котораго бѣла какъ горный снѣгъ,— это Максиминъ. Тотъ молодой еще человекъ, который кажется такимъ усталымъ,— мой братъ. Онъ обладалъ большимъ богатствомъ въ Іерусалимѣ; рядомъ съ нимъ моя сестра Марѳа и Мантила, вѣрная служанка, которая нѣкогда въ счастливые дни срывала оливки на холмахъ Виѳаніи.

— А ты,— спросила Лэта Ацилія,— ты, голосъ которой такъ сладокъ и лицо такъ прекрасно, какое имя ты носишь?

Еврейка отвѣтила:

— Меня зовутъ Марія Магдалина. Я узнала по золотой вышивкѣ на твоей одеждѣ и по невичной гордости твоего

взгляда, что ты жена одного изъ знатныхъ гражданъ этого города. Вотъ почему я подошла къ тебѣ. Я хочу, чтобы ты смягчила сердце твоего мужа на пользу учениковъ Иисуса Христа. Скажи этому богатому человѣку: „Господинъ мой, они голы, одѣнемъ ихъ; они алчутъ и жаждутъ, дадимъ имъ хлѣба и вина, и Богъ вернетъ намъ въ царствѣ Своемъ то, что было взято у насъ во имя Его“.

Лэта Ацилія отвѣтила:

— Марія, я сдѣлаю все, что просишь. Моего мужа зовутъ Гельвиемъ, онъ всадникъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ жителей города: никогда онъ не отказывалъ мнѣ въ томъ, чего я хотѣла, потому что онъ любитъ меня; теперь твои друзья не страшатъ меня, у меня хватить смѣлости пройти близко около нихъ, несмотря на то, что язвы покрываютъ ихъ тѣла, и я пойду въ храмъ молить безсмертныхъ боговъ, чтобы они исполнили мое желаніе. Увы! они до сихъ поръ отказывали мнѣ въ этомъ!..

Марія загородила ей путь руками.

— Женщина, — вскричала она, — остерегайся поклоняться ничтожнымъ идоламъ! Не жди отъ мраморныхъ кумировъ словъ надежды и жизни. Есть одинъ только Богъ, и Богъ этотъ былъ человѣкомъ, и мои волосы осушили ноги Его.

При этихъ словахъ глаза ея — чернѣе неба въ грозу — засверкали, и на нихъ показались слезы, и Лэта Ацилія подумала:

— Я набожна, я исполняю точно всѣ обряды, предписываемые религіей, но въ этой женщинѣ есть какое-то странное чувство божественной любви.

А Магдалина въ экстазѣ продолжала:

— Это былъ Богъ неба и земли, и Онъ говорилъ притчами, сидя на скамьѣ у порога, подъ тѣнью старой смоков-

ницы. Онъ былъ молодъ и прекрасенъ; Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ любили Его. Когда Онъ приходилъ ужинать въ домъ сестры моей, я садилась у Его ногъ, и слова лились изъ устъ Его, какъ вода потока. И когда сестра моя, скорбя о моей безопасности, восклицала:—Учитель, скажи ей, что она должна помочь мнѣ приготовить ужинъ,—Онъ прощалъ меня, улыбаясь, и оставлялъ у ногъ Своихъ и говорилъ мнѣ, что я избрала благую часть. Его можно было принять за молодого пастуха изъ горъ, но взоръ Его металъ пламя, подобное тому, какое исходило отъ головы Моисея. Его нѣжность была подобна ночному покою, а гнѣвъ Его былъ ужаснѣ грозы. Онъ любилъ смиренныхъ и дѣтей. Дѣти бѣжали къ Нему навстрѣчу на дорогѣ и цѣплялись за Его одежды. Это былъ Богъ Авраама и Иакова. И той же самой рукой, что сотворила солнце и звѣзды, ласкалъ Онъ новорожденныхъ, которыхъ протягивали къ нему радостныя матери на порогѣ хижины... Онъ былъ и простъ какъ дитя, и воскрешалъ мертвыхъ. Ты видишь здѣсь между моими спутниками моего брата, котораго Онъ поднималъ изъ могилы. Смотри, о женщина! На своемъ челѣ онъ сохранилъ еще блѣдность смерти, и въ очахъ его ужасъ отъ созерцанія загробной жизни.

Но Лэта Ацилія уже не слушала ее больше.

Она обратила къ еврейкѣ свои правдивые глаза и свое ясное личико.

— Марія, — сказала она ей, — я набожная женщина, преданная религіи моихъ отцовъ. Женщина не должна быть нечестивой. И не приличествуетъ супругѣ римскаго всадника принимать новую религію. Однако я признаю, что на востокѣ есть милостивые боги. Твой богъ, Марія, кажется мнѣ таковымъ. Ты сказала мнѣ, что Онъ любилъ дѣтей и что Онъ цѣловалъ малютокъ на рукахъ у ихъ молодыхъ матерей. По-

этому я вижу, что это богъ благосклонный къ женщинамъ, и я сожалью, что Онъ не въ почетѣ у аристократовъ и должностныхъ лицъ, ибо тогда я охотнѣе принесла бы ему въ жертву медовыя лепешки. Но слушай, Марія еврейка, обратись къ Нему ты, которую Онъ любитъ, и попроси для меня то, что я не смѣю у Него просить и въ чемъ мои богини отказывали мнѣ.

Лэта Ацилія произнесла эти слова нерѣшительно. Она замолчала и покраснѣла.

— Что же это такое, — спросила быстро Магдалина, — и чего недостаетъ, женщина, твоей безпокойной душѣ?

Успокоившись немного, Лэта Ацилія отвѣчала:

— Марія, ты — женщина, и хотя я не знаю тебя, я рѣшусь сказать тебѣ одну женскую тайну. Уже шесть лѣтъ я замужемъ, а у меня нѣтъ еще ребенка. Это большое горе для меня. Мнѣ хочется отдать свою нѣжность ребенку; я ношу въ моемъ сердцѣ любовь къ тому маленькому существу, котораго я, можетъ быть, никогда не дождусь, и отъ этой любви я задыхаюсь. Если твой Богъ, Марія, исполнить черезъ тебя то, въ чемъ мнѣ отказывали богини, я скажу, что Онъ добрый Богъ, и буду любить Его и заставлю любить Его моихъ подругъ, которыя такъ же, какъ я, молоды, богаты и принадлежать къ знатнѣйшимъ семействамъ города.

Тогда Магдалина отвѣчала торжественнымъ голосомъ:

— Дочь римлянъ, когда ты получишь просимое, вспомни твое обѣщаніе, которое ты дала служанкѣ Иисуса!

— Я вспомню, — отвѣчала массалиотка. — А пока возьми этотъ кошелекъ, Марія, и раздѣли серебро, которое находится въ немъ, съ твоими спутниками. Прощай, я возвращаюсь домой. Какъ только я приду туда, я пришлю твоимъ спутникамъ и тебѣ корзины, полная хлѣба и мяса. Скажи твоему брату, твоей

сестрѣ и твоимъ друзьямъ, что они могутъ безъ страха покинуть пріютъ, въ которомъ они укрылись, и вернуться въ какую-нибудь гостиницу въ предмѣстьѣ. Гельвій имѣетъ власть въ городѣ. Онъ не допуститъ, чтобы имъ сдѣлали какое-нибудь зло. Боги да сохранятьъ тебя, Марія Магдалина! Когда тебѣ захочется снова увидѣть меня, спроси у прохожихъ, гдѣ живетъ Лэта Ацилія — всякій горожанинъ укажетъ тебѣ безъ труда мой домъ.

II.

И вотъ, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого Лэта Ацилія лежала на пурпурномъ ложѣ во дворѣ своего дома. Она напѣвала пѣсенку, безъ особеннаго смысла, которую нѣкогда пѣла ея мать. Вода въ водоемѣ съ мраморными тритонами весело журчала, и теплый вѣтерокъ нѣжно колыхалъ шелестящіе листья стараго платана. Усталая, томная и счастливая, отяжелѣвшая какъ пчела, вылетающая изъ цвѣтущаго сада, молодая женщина скрестила руки на своемъ округлившемся станѣ и, переставъ пѣть, посмотрѣла вокругъ себя и вздохнула съ радостью и гордостью. У ногъ ея черныя, желтыя и бѣлыя рабыни работали иглой, челнокомъ и веретеномъ и съ усердіемъ готовили приданое для ожидаемаго дитяти. Лэта, протянувъ руку, взяла чепчикъ, который, смѣясь, подала ей старая черная невольница. Она надѣла его на свой кулакъ и, въ свою очередь, засмѣялась. Это былъ маленькій чепчикъ изъ пурпура, золота, серебра и жемчуга, прекрасный какъ мечта бѣдной африканки.

Въ это время на внутреннемъ дворѣ появилась чужестранка. Она была одѣта въ платье изъ цѣлаго куска матеріи, цвѣтомъ похожаго на дорожную пыль. Ея длинные волосы были посы-

паны пепломъ, но лицо ея, сожженное слезами, сіяло блаженствомъ и красотой.

Рабыни приняли ее за нищую и уже встали, чтобы прогнать ее, но Лэта Ацилія, узнавъ ее съ перваго взгляда, встала и побѣжала къ ней.

— Марія, Марія, воистину ты была избранницей Божіей. Тотъ, Кто любилъ тебя на землѣ, услышалъ тебя на своемъ небѣ и далъ мнѣ то, что я просила у Него черезъ тебя. Посмотри, — прибавила она.

И она показала чепчикъ, который она еще держала въ рукѣ.

— Какъ я счастлива и какъ благодарна тебѣ!

— Я знала, — отвѣчала Марія Магдалина, — и пришла наставить тебя, Лэта Ацилія, въ истинѣ Иисуса Христа.

Тогда массаліотка отослала своихъ рабынь и предложила еврейкѣ кресло изъ слоновой кости съ подушками, вышитыми золотомъ. Но Магдалина съ отвращеніемъ отвергла это сѣдалище, сѣла на землю, скрестивъ ноги, около большого платана, который трепеталъ отъ дуновенія вѣтерка.

— Дочь язычниковъ, — сказала она, — ты не оттолкнула учениковъ Господа. Они жаждали — и ты напоила ихъ; они были голодны — и ты дала имъ ѣсть. Вотъ поэтому я расскажу тебѣ о Иисусѣ, какимъ я Его знала, для того, чтобы ты любила Его, какъ я Его люблю. Я была грѣшницей, когда впервые увидѣла прекраснѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ.

И она рассказала, какъ она бросилась къ ногамъ Иисуса въ домѣ Симона прокаженнаго и какъ она вылила на обожаемыя ноги Учителя все мѣдро изъ алебастроваго сосуда. Она передала слова, которыя сказалъ тогда сладчайшій Учитель въ отвѣтъ на ропотъ своихъ грубыхъ учениковъ.

— Почему хулите вы эту женщину? — сказалъ Онъ. — То,

что она сдѣлала для Меня, она хорошо сдѣлала. Ибо всегда съ вами будутъ бѣдныя, но Я съ вами не всегда буду. Она заранѣе умастила благовоніями Мое тѣло для Моего погребенія. Истинно говорю вамъ: по всему міру, гдѣ будутъ проповѣдовать Евангеліе, разскажутъ о томъ, что она сдѣлала, и она будетъ прославлена.

Потомъ она разсказала, какъ Іисусъ прогналъ изъ нея семь бѣсовъ, которые жили въ ней.

Она прибавила:

— Съ тѣхъ поръ, восхищенная, сжигаемая всѣми радостями вѣры и любви, я жила подъ сѣнью Учителя, какъ въ новомъ раю.

Она говорила о полевыхъ лиліяхъ, которыми они вмѣстѣ любовались, и о счастьѣ безконечномъ, о единомъ счастьѣ вѣрить. Потомъ она сказала, какъ Онъ былъ проданъ и умеръ для спасенія Своего народа. Она припомнила неизреченныя явленія страстей, положенія во гробъ и воскресенія.

— Это я, — воскликнула она, — я первая увидала Его! Я нашла двухъ ангеловъ, одѣтыхъ въ бѣлое, сидящихъ одинъ у изголовья, другой у ногъ, тамъ, куда положили тѣло Іисуса. И они мнѣ сказали: — Женщина, почему ты плачешь? — Я плачу потому, что похитили моего Господа, и я не знаю, куда положили Его. — О, радость! Іисусъ идетъ ко мнѣ, и я думала сначала, что это садовникъ. Но онъ назвалъ меня: Марія! — и я узнала его по голосу. Я воскликнула: — Учитель! и протянула руки, но Онъ тихо отвѣтилъ мнѣ: — Не прикасайся ко мнѣ, ибо я еще не возносился къ Отцу Моему.

Слушая этотъ разсказъ, Лэта Ацилія мало-по-малу лишилась своей радости и душевнаго покоя. Оглядываясь на свое прошлое, она вспомнила свою жизнь и находила ее однообразной рядомъ съ жизнью этой женщины, которая любила

Бога. Самыми замѣчательными днями жизни ея — молодой и набожной патриціанки — были тѣ, когда она ѣла лакомства съ своими подругами. Игры въ циркѣ, любовь Гельвія и шитье занимали также ея жизнь. Но что это значило въ сравненіи съ тѣми событіями, которыя воспламеняли чувства и душу Магдалины? Она чувствовала, что въ сердцѣ ея зарождается горькая ревность и мрачныя сѣтованія.

Она завидовала этимъ божественнымъ приключеніямъ и даже неизяснимой скорби этой еврейки, красота которой сіяла еще изъ-подъ пепла покаянія.

— Уходи, еврейка! — закричала она, сдерживая слезы, — уходи, уходи! Я была такъ спокойна сейчасъ, я считала себя счастливой, я не знала другого счастья, кромѣ того, которымъ я наслаждалась. Я не знала другой любви, кромѣ любви моего добраго Гельвія, и другой святой радости, кромѣ той, какую я испытывала, когда участвовала въ служеніяхъ богинямъ по обычаю моей матери и моей бабки. О, это было такъ просто! Злая женщина, ты хотѣла вселить въ меня отвращеніе къ той жизни, которую я вела. Но ты не успѣла въ этомъ. Зачѣмъ говоришь ты мнѣ о своей любви къ Видимому Богу? Для чего ты хвалишься передо мною тѣмъ, что видѣла воскресшаго Учителя, если я не могу его увидѣть? Ты надѣешься испортить мнѣ даже самую радость имѣть дитя. Это дурно! Я не хочу знать твоего Бога. Ты слишкомъ любила Его; чтобы Ему понравиться, нужно упасть съ распущенными волосами къ Его ногамъ. Такое положеніе неприлично для жены всадника. Гельвій разсердился бы, если бы я стала когда-нибудь такой поклонницей. Я не хочу такой вѣры, которая портитъ прическу. Нѣтъ, конечно, я не расскажу о твоёмъ Христѣ ребенку, котораго я ношу подъ сердцемъ моимъ. Если это бѣдное маленькое существо будетъ дочь, я научу ее любить нашихъ маленькихъ

богинь изъ глины, которыя не больше пальца и съ которыми она можетъ безъ боязни играть. Вотъ — божества, нужныя матерямъ и дѣтямъ. Ты слишкомъ дерзка. Хвалишь мнѣ твою любовь и зовешь раздѣлить ее. Какъ же могъ бы твой Богъ быть и моимъ? Моя жизнь не была жизнью грѣшницы, я не была одержима семью бѣсами, я не скиталась по дорогамъ, я уважаемая женщина. Уходи!

Магдалина, увидя, что ей не суждено быть проповѣдницей, удалилась въ дикую пещеру, которую назвали потомъ „Святѣмъ Утѣшеніемъ“. Историки заявляютъ единогласно, что Лэта Ацилія была обращена въ христіанскую вѣру только спустя долгіе годы послѣ бесѣды, которую я точно передалъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Нѣкоторые упрекнули меня за то, что я смѣшалъ въ этомъ разсказѣ Марію изъ Вифаніи, сестру Марѳы, и Марію Магдалину. Прежде всего я долженъ указать, что Евангеліе, кажется, принимаетъ Марію, пролившую благовонія мурра на ноги Иисуса, и Марію, которой Учитель сказалъ: „Noli me tangere“, за двухъ совершенно различныхъ женщинъ. Въ этомъ пунктѣ я соглашаюсь съ тѣми, кто сдѣлалъ мнѣ честь поправить меня. Между множествомъ таковыхъ есть одна княгиня, принадлежащая къ православію. Это меня не удивляетъ. Греки во всѣ времена различали двухъ Марій. Но въ церкви запад-

ной было не такъ. Тамъ, наоборотъ, давно уже произошло отождествленіе сестры Марѣы и Магдалины. Текстъ плохо согласовался съ этимъ, но трудности, представляемая текстомъ, стѣсняють лишь ученыхъ. Народная поэзія болѣе хитра, чѣмъ наука, она не останавливается ни передъ чѣмъ, она умѣетъ обойти препятствія, которыя смущають критиковъ. По счастливому капризу народной фантазіи, двѣ Маріи сочетались въ одномъ чудесномъ символѣ Магдалины. Легенда освятила его, и эта легенда вдохновляла меня въ этомъ маленькомъ разсказѣ. Въ этомъ я кажусь себѣ безупречнымъ. Это не все. Я могу еще сослаться на авторитетъ ученыхъ. Безъ всякой лести для себя, могу сказать, что на моей сторонѣ Сорбонна. Она заявила 1-го декабря 1521 года, что существуетъ только одна Марія.

КРАСНОЕ ЯЙЦО.

ДОКТОРЪ N*** поставилъ чашку кофе на каминъ, бросилъ въ огонь свою сигару и сказалъ мнѣ:

— Дорогой другъ, вы когда-то рассказали мнѣ о странномъ самоубійствѣ одной женщины, которую преслѣдоваль страхъ и мучили угрызенія совѣсти. Она была прекрасно образована и обладала чуткой душой. Ее подозрѣвали въ соучаствіи въ преступленіи, нѣмой свидѣтельницей котораго ей пришлось быть. Придя въ отчаяніе отъ непоправимаго малодушія, она сдѣлалась безпомощной добычей своей болѣзненной воспріимчивости. Ее терзали непрестанные кошмары, въ которыхъ она видѣла своего мужа мертвымъ и разложившимся. Онъ указывалъ на нее пальцемъ предъ лицомъ испытующихъ судей. Въ то время, когда она находилась въ такомъ состояніи, одно ничтожное и случайное обстоятельство рѣшило ея участь. У нея жилъ мальчикъ, ея племянникъ. Однажды утромъ онъ, какъ всегда, готовилъ уроки въ столовой. Она была тоже тамъ. Ребенокъ началъ переводить слово за словомъ стихи Софокла. Онъ произносилъ вслухъ греческія и французскія слова по мѣрѣ того, какъ записывалъ ихъ: *Καὶρα θεῖου*, божественная го-

лова; *Ιοκάστης*, Иокасты; *τεθνευθε* мертва... *Στόμα χόμιεν*, вырывая свои волосы; *καλεῖ*, она зоветъ; *Λαῖου νεκρόν*, мертвого Лая... *εἰσέβομεν*, мы увидѣли; *τῆν ὑψηλὴν κτεράστῃν*, повѣшенную женщину.

Онъ сдѣлалъ росчеркъ и прорвалъ бумагу. Потомъ, высунувъ языкъ, синій отъ чернилъ, онъ пропѣлъ: „Повѣшенную, повѣшенную, повѣшенную!“ Несчастная покорно повиновалась внушенію этого слова, которое она услышала три раза. У ней уже не было своей воли. Она выпрямилась и боязливо, ничего не видя, пошла въ свою комнату. Полицейскій комиссаръ, приглашенный черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, чтобы засвидѣтельствовать насильственную смерть, сказалъ: „Я видѣлъ много женщинъ - самоубійць, но повѣсившуюся вижу впервые“.

Говорять о внушеніи. Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о внушеніи самомъ обыкновенномъ и наиболѣе вѣроятномъ. Вообще я немного не довѣряю внушенію, которое производится въ клиникахъ. Но что существо съ умершей волей повинуется всякому внѣшнему воздѣйствію, это — истина, пріемлемая для разума и которую оправдываетъ опытъ. Примѣръ вашъ напоминаетъ мнѣ другой случай, подобный ему. Это случай съ моимъ несчастнымъ товарищемъ Александромъ Ле-Манзель. Стихъ Союокла убилъ вашу героиню. Мой другъ, о которомъ я хочу вамъ разсказать, погибъ изъ-за одной фразы Лампридія.

Ле-Манзель, съ которымъ я вмѣстѣ учился въ лицей въ Авраншѣ, не былъ похожъ ни на одного изъ своихъ товарищей. Онъ казался и моложе и старше своего настоящаго возраста. Слабый и худощавый, онъ даже въ пятнадцать лѣтъ боялся того, что можетъ испугать только маленькихъ дѣтей. Темнота внушала ему непреодолимый страхъ. Каждый разъ, когда онъ встрѣчалъ одного нашего лицейскаго служителя, у

котораго была на головѣ большая опухоль, онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Но иногда вблизи онъ казался совсѣмъ старымъ. Его сухая кожа, обтянутая на вискахъ, плохо питала его рѣдкіе волосы. У него былъ гладкій лобъ какъ у пожилыхъ людей. Его глаза, казалось, не видѣли ничего. Много разъ посторонніе принимали его за слѣпого. Только ротъ придавалъ выразительность его лицу. Его подвижныя губы выражали то ребяческую радость, то скрытое страданіе. Тембръ его голоса былъ чистый и пріятный. Отвѣчая урокъ, онъ передавалъ плавность и ритмъ стиховъ, и это очень смѣшило насъ. Во время переменъ онъ охотнѣе участвовалъ въ нашихъ играхъ и не былъ въ нихъ особенно неловкимъ, но онъ вносилъ въ эти игры лихорадочную горячность и приемы лунатика, что внушало непреодолимое отвращеніе нѣкоторымъ изъ насъ. Его не любили. Мы сдѣлали бы его посмѣшищемъ, если бы онъ не imponировалъ намъ своей какой-то дикой гордостью и репутаціей хорошаго ученика. Будучи неровнымъ въ занятіяхъ, онъ все-таки часто былъ первымъ ученикомъ. Про него говорили, что онъ разговариваетъ ночью въ дортуарѣ и даже во снѣ встаетъ съ постели. Этого никто изъ насъ не видѣлъ своими глазами, такъ какъ мы были въ томъ возрастѣ, когда спать крѣпко.

Долгое время онъ возбуждалъ во мнѣ скорѣе удивленіе къ себѣ, чѣмъ симпатію. Мы нечаянно сдѣлались друзьями во время прогулки, которую мы совершали всѣмъ классомъ въ аббатство Монъ-Сэнъ-Мишель. Мы шли босикомъ по морскому берегу, неся наши башмаки и хлѣбъ на палкѣ черезъ плечо, и громко пѣли. Мы прошли черезъ входъ въ укрѣпленіе и, бросивъ нашъ багажъ возлѣ пушекъ, усѣлись рядомъ на одну изъ этихъ старыхъ бомбардъ, которыя вотъ уже пять вѣковъ ржавѣютъ подъ дождемъ и брызгами отъ морскихъ волнъ. Тамъ,

переводя свой неопредѣленный взглядъ со старыхъ камней на небо и болтая босыми ногами, онъ сказалъ мнѣ: „Я хотѣлъ бы жить во время этихъ войнъ и быть рыцаремъ. Я взялъ бы двѣ пушки, я взялъ бы двадцать пушекъ, сто пушекъ, я взялъ бы всѣ пушки у англичанъ. Я сражался бы одинъ на укрѣпленіи, и Архангелъ Михаилъ виталъ бы надъ моей головой какъ бѣлое облако“.

Эти слова, произнесенныя съ какимъ-то протяжнымъ пѣніемъ, заставили меня вздрогнуть. Я сказалъ: „Я былъ бы твоимъ оруженосцемъ, Ле-Манзель, ты мнѣ нравишься. Хочешь быть моимъ другомъ?“ И я протянулъ ему руку, которую онъ торжественно пожалъ.

По приказанію учителя мы обулись, и нашъ маленькій отрядъ перешель узкую покатошь, ведущую въ аббатство. На половинѣ пути около стелющейся по землѣ смоковницы мы увидѣли домикъ, гдѣ подъ вѣчной угрозой моря жила Тифанія Рагель, вдова Бертрана-дю-Гесклена. Это такое тѣсное помѣщеніе, что кажется удивительнымъ, что въ немъ кто-то жилъ. Если Тифанія жила тамъ, то она была, должно быть, удивительной старушкой, скорѣе святой, ведущею вполне духовную жизнь. Ле-Манзель протянулъ руки, какъ бы желая обнять это жалкое ангельское жилище, и, ставъ на колѣни, онъ сталъ цѣловать камни. Онъ не замѣчалъ смѣха товарищей, которые, расшалившись, стали бросать въ него камешками. Не буду рассказывать о нашей прогулкѣ по тюрьмамъ, монастырю, заламъ и часовнѣ. Ле-Манзель, казалось, ничего не видѣлъ. Впрочемъ, я вспоминаю этотъ эпизодъ лишь для того, чтобы показать вамъ, какъ началась наша дружба.

На слѣдующій день въ дортуарѣ я былъ разбуженъ голосомъ, говорящимъ мнѣ на ухо: „Тифанія не умерла“. Я сталъ протирать глаза и увидѣлъ около себя Ле-Манзеля въ одной

рубашкѣ. Я сурово попросилъ его не мѣшать мнѣ спать и больше уже не думать о томъ, что по секрету сообщилъ мнѣ Ле-Манзель.

Съ того дня я лучше понялъ характеръ нашего товарища по школѣ, чѣмъ за все время до этого, и я открылъ въ немъ такую безмѣрную гордость, которой и не подозрѣвалъ. Васъ не удивить, конечно, мое признаніе, что въ одиннадцать лѣтъ я былъ плохимъ психологомъ; однако гордость Ле-Манзеля не была уже такой очевидной, чтобы сразу броситься въ глаза. Она обнаруживалась лишь въ его далекихъ мечтахъ и не имѣла осязаемой формы. Однако она вліяла на всѣ мысли моего друга и связывала въ одно его странныя и безсвязныя идеи.

Во время вакацій, вскорѣ послѣ нашей прогулки въ Монъ-Сэнъ-Мицель, Ле-Манзель пригласилъ меня провести одинъ день у его родителей, землевладѣльцевъ, имѣющихъ помѣстье въ Сэнъ-Жульенѣ. Моя мать отпустила меня не особенно охотно. Сэнъ-Жульенъ находится въ шести километрахъ отъ города. Надѣвъ бѣлый жилетъ и голубой галстукъ, я отправился туда рано утромъ въ воскресенье.

Александръ ждалъ меня на порогѣ, улыбаясь какъ маленький ребенокъ. Онъ взялъ меня за руку и повелъ въ „залу“. Домъ, наполовину деревенскій, наполовину городской, не былъ особенно бѣденъ и содержался довольно хорошо. Однако, входя въ него, я почувствовалъ, что сердце мое сжимается отъ царившаго въ немъ молчанія и грусти. Въ залѣ у окна съ приподнятой кѣмъ-то, словно изъ любопытства, занавѣской я увидѣлъ женщину, которая показалась мнѣ старой. Пожалуй, что это и было такъ въ дѣйствительности. Она была желта и худа, глаза горѣли въ черныхъ орбитахъ подъ красными вѣками. Хотя было лѣто, ея тѣло и голова были уку-

таны шерстяными одеждами. Но особенно странной дѣлала ее металлическая пластинка, окружавшая ее лобъ какъ діадема.

— Это мама, — сказалъ мнѣ Ле-Манзель. — У нея мигрень.

Госпожа Ле-Манзель стонуцимъ голосомъ сказала мнѣ какое-то привѣтствіе и, замѣтивъ, вѣроятно, мой недоумѣвающий взглядъ, устремленный на ея лобъ, она добавила, улыбаясь:

— Молодой человѣкъ, не думайте, что я ношу корону, нѣтъ, это магнетическій кругъ, который помогаетъ отъ головной боли.

Я искалъ подходящаго отвѣта, но Ле-Манзель увелъ меня въ садъ. Тамъ мы увидѣли маленькаго лысаго мужчину, который скользилъ по аллеямъ какъ привидѣніе. Онъ былъ такъ тщедушенъ и легокъ, что, казалось, вѣтеръ могъ его унести. Его робкая походка, длинная и худая шея, которую онъ вытягивалъ впередъ, его голова величиной съ кулакъ, его манера смотрѣть какъ-то вбокъ, подпрыгивающіе шаги, короткія руки, поднятыя наподобіе крыльевъ, — все это придавало ему видъ, какъ нельзя болѣе напоминающей общипанную птицу.

Мой другъ, Ле-Манзель, сказалъ мнѣ, что это его отецъ, что онъ идетъ на птичій дворъ и что мы не должны ему мѣшать итти туда, такъ какъ онъ живетъ исключительно въ обществѣ своихъ куръ и даже отвыкъ разговаривать съ людьми. Пока онъ говорилъ мнѣ это, г-нъ Ле-Манзель скрылся. Вскорѣ воздухъ огласился радостнымъ кудахтаньемъ. Онъ пришелъ на свой птичій дворъ.

Ле-Манзель прошелъ со мной нѣсколько разъ по саду и сообщилъ мнѣ, что сейчасъ за обѣдомъ я увижу его бабушку, что она добрая женщина, но что не нужно обращать вниманія на то, что она говоритъ, потому что иногда у нея бы-

вають припадки помѣшательства. Потомъ онъ привелъ меня въ красивую буковую аллею и, краснѣя, сказалъ мнѣ на ухо:

— Я сочинилъ стихи о Тифаніи Рагель; я прочту ихъ тебѣ въ другой разъ.

Колоколь прозвонилъ къ обѣду. Мы вернулись въ залу. За нами вошелъ и отецъ Ле-Манзель съ корзиной яицъ.

— Сегодня восемнадцать,— сказалъ онъ, и голосъ его напомнилъ кудахтанье.

Намъ подали прекрасную яичницу. Я сидѣлъ между г-жей Ле-Манзель, вздыхающей подъ своей діадемой, и ея матерью, старой нормандкой съ полными щеками, которая за неимѣніемъ зубовъ улыбалась глазами. Она показалась мнѣ очень благообразной. Пока мы ѣли жареную утку и цыплятъ подъ соусомъ, добрая женщина рассказывала намъ забавныя сказки, и я не замѣтилъ, чтобы умъ ея былъ хоть сколько-нибудь не въ порядкѣ, какъ это говорилъ мнѣ ея внукъ. Мнѣ казалось, наоборотъ, что она была радостью дома.

Послѣ обѣда мы прошли въ маленькую гостиную съ орфховой мебелью, обитой желтымъ утрехтскимъ бархатомъ. На каминѣ между двумя канделябрами стояли часы. Подъ стекляннымъ колпакомъ, закрывающимъ часы, на черномъ пьедесталѣ часовъ лежало красное яйцо. Почему-то, замѣтивъ яйцо, я сталъ внимательно смотрѣть на него. У дѣтей бываетъ такое необъяснимое любопытство. Я долженъ еще сказать, что это яйцо было необыкновенной и великолѣпной окраски. Оно ничѣмъ не напоминало тѣ пасхальныя яйца, окрашенныя сокомъ свеклы съ оттѣнкомъ вина, которыя привлекають взоръ рабятишекъ въ лавочку фруктовщика. Со свойственной моему возрасту нескромностью я спросилъ объ этомъ яйцѣ.

Г-нъ Ле-Манзель отвѣтилъ мнѣ чѣмъ-то похожимъ на кукареку, что должно было выразить его восторгъ.

— Это яйцо не крашеное, — прибавилъ онъ, — какъ вы полагаете, молодой человѣкъ; оно снесено курицей изъ моего курятника такимъ, какимъ вы его видите. Это феноменальное яйцо.

— Нужно еще присовокупить, мой другъ, — сказала г-жа Ле-Манзель томнымъ голосомъ, — что это яйцо было снесено въ день рожденія нашего Александра.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ г-нъ Ле-Манзель.

Въ это время старая бабушка смотрѣла на меня смѣющимися глазами и, кусая губы, дѣлала мнѣ знакъ, чтобы я ничему не вѣрилъ.

— Гм!.. иногда подъ курами находятъ яйца, которыхъ онѣ не снесли, — сказала она тихо. — И если какой-нибудь проказникъ сосѣдь подложитъ подъ курицу...

Ея внукъ сердито прервалъ ее. Онъ былъ блѣденъ, руки его дрожали.

— Не слушай! — закричалъ онъ мнѣ. — Помни, что я тебѣ сказалъ. Не слушай!

— Совершенно вѣрно, — повторялъ г-нъ Ле-Манзель и смотрѣлъ вбокъ своимъ круглымъ глазомъ на пурпурное яйцо.

Въ моихъ отношеніяхъ къ Ле-Манзелю послѣ того не было ничего интереснаго, о чемъ стоило бы рассказать. Мой другъ часто говорилъ мнѣ о стихахъ въ честь Тифаніи, но никогда не показывалъ мнѣ ихъ. Впрочемъ, скоро я потерялъ его изъ виду. Моя мать послала меня въ Парижъ оканчивать мои научныя занятія. Въ Парижѣ я прошелъ двѣ степени бакалаврства и изучилъ медицину. Когда я готовилъ мою докторскую диссертацию, я получилъ письмо отъ матери, въ которомъ она писала мнѣ, что бѣдный Александръ былъ очень боленъ и что послѣ ужаснаго кризиса онъ сдѣлался болѣз-

неннымъ и до крайности мнительнымъ, что онъ попрежнему смиренный и, несмотря на пошатнувшееся здоровье и поврежденный разумъ, онъ проявилъ необыкновенную способность въ математикѣ. Эти новости не удивили меня. Часто, изучая поражение нервныхъ центровъ, я вспоминалъ моего бѣднаго друга изъ Сэнъ-Жульена и предсказывалъ ему общій параличъ, какъ сыну страдающей мигренью матери и ревматика-микроцефала.

Но въ первое время предсказанія мои не подтверждались. Ле-Манзель, по свѣдѣнїямъ изъ Авранша, достигнувъ возмужалости, снова сталъ пользоваться нормальнымъ здоровьемъ и представилъ нѣкоторыя доказательства утонченности своего ума. Онъ сильно преуспѣвалъ въ своихъ математическихъ наукахъ. Онъ прислалъ въ академію наукъ даже новое рѣшеніе нѣсколькихъ уравненій, и рѣшеніе это было найдено не только точнымъ, но и легкимъ. Поглощенный своими занятіями, онъ лишь изрѣдка находилъ время написать мнѣ. Письма его были восторженныя, ясныя по мысли и хорошо составленныя. Въ нихъ не было ничего подозрительнаго на взглядъ самаго опытнаго невропатолога. Но скоро переписка наша прекратилась совсѣмъ, и цѣлая десять лѣтъ я ничего не слыхалъ о немъ.

Въ прошломъ году я былъ очень удивленъ, когда мой слуга подаль мнѣ карточку Александра Ле-Манзель и сказалъ, что этотъ господинъ ждетъ меня въ передней. Я былъ въ своей комнатѣ, гдѣ съ однимъ моимъ товарищемъ обсуждалъ одно профессиональное дѣло, необычайно важное. Однако я попросилъ моего коллегу подождать меня немного и поспѣшилъ обнять моего давнишняго товарища. Онъ сильно постарѣлъ, сталъ лысымъ и необыкновенно худымъ. Я привелъ его въ гостиную

— Я радъ, что увидѣлъ тебя, — сказалъ онъ мнѣ, — мнѣ нужно о многомъ поговорить съ тобой. Меня жестоко преслѣдуютъ. Но я храбръ, я мужественно сражаюсь и поборю своихъ враговъ!

Эти слова встревожили меня, какъ встревожили бы они всякаго другого доктора по нервнымъ болѣзнямъ, если бы онъ былъ на моемъ мѣстѣ.

Я видѣлъ въ этомъ признакъ экзальтаціи, которая угрожала моему другу въ силу неизбѣжныхъ законовъ наслѣдственности.

— Дорогой другъ, мы поговоримъ обо всемъ, — сказалъ я. — Побудь здѣсь немного. Я окончу одно дѣло. Возьми книгу, чтобы не было скучно ждать.

Вы знаете, что у меня много книгъ и что въ моей гостиной въ трехъ шкапахъ краснаго дерева заключается до шести тысячъ томовъ. Нужно же было, чтобы мой бѣдный другъ взялъ именно тотъ томъ, который причинилъ ему зло, и чтобы онъ открылъ его на той пагубной страницѣ! Я совѣщался около двадцати минутъ съ моимъ коллегой и, отпустивъ его, вернулся въ гостиную, гдѣ я оставилъ Ле-Манзеля. Я нашелъ несчастнаго въ ужасномъ состояніи. Онъ размахивалъ передъ собой открытой книгой, въ которой я сейчасъ же узналъ переводъ „*Historiae augustae*“. И онъ читалъ вслухъ фразу Лампридія: „Въ день рожденія Александра Севера курица, принадлежавшая отцу новорожденнаго, снесла красное яйцо, предзнаменованіе царской пурпурной мантии, въ которую долженъ былъ облечься ребенокъ“.

Его экзальтація доходила до неистовства.

Онъ кричалъ: „Яйцо, яйцо, снесенное въ день моего рожденія! Я императоръ! Я знаю, что ты хочешь убить меня. Не подходи ко мнѣ, несчастный!“ Онъ отходилъ отъ меня, потомъ, протягивая руку, снова шелъ ко мнѣ и говорилъ: „Мой

другъ, мой старый товарищъ, скажи, чего ты желаешь, и я дамъ тебѣ!.. Императоръ... Императоръ... Мой отецъ былъ правъ... Пурпурное яйцо... Императоръ, я долженъ быть императоромъ... Негодяй! Зачѣмъ ты спряталъ отъ меня эту книгу? Эта государственная измѣна будетъ мною наказана... Императоръ!.. Императоръ! Я долженъ имъ быть. Да, это долгъ. Впередъ! Впередъ!“

Онъ ушелъ. Напрасно я старался удержать его. Онъ вырвался. Остальное вамъ извѣстно. Во всѣхъ газетахъ писали о томъ, какъ онъ, выйдя отъ меня, купилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ лобъ часовому, загородившему ему входъ въ Елисейскій дворецъ.

Такимъ образомъ фраза, написанная въ IV вѣкѣ латинскимъ историкомъ, спустя пятнадцать столѣтій служить причиной смерти несчастнаго жителя нашей страны. Удастся ли кому-нибудь распутать этотъ клубокъ причинъ и послѣдствій? Кто можетъ смѣло сказать, совершая какое-либо дѣло: „Я знаю, что дѣлаю“? Дорогой другъ, вотъ все, что я хотѣлъ рассказать вамъ. Остальное можетъ интересовать только медицинскую статистику и можетъ быть передано двумя словами. Запертый въ домъ умалишенныхъ, Ле-Манзель пятнадцать дней былъ въ состояніи буйнаго помѣшательства, послѣ чего впалъ въ полный идиотизмъ. Въ это время его прозорливость была такъ велика, что онъ съѣдалъ воскъ для натирки половъ. Три мѣсяца тому назадъ онъ задохся, проглотивъ губку.

Докторъ умолкъ и закурилъ папиросу.

— Докторъ, — сказалъ я послѣ непродолжительнаго молчанія, — вы рассказали ужасную исторію.

— Да, и все-таки это было именно такъ. Я выпью рюмочку коньяку.

ПЧЕЛКА.

Г Л А В А I,

КОТОРАЯ СОДЕРЖИТЪ ВЪ СЕБѢ РАЗСУЖДЕНІЕ О ВИДѢ ЗЕМЛИ И СЛУЖИТЬ
ВВЕДЕНІЕМЪ.

МОРЕ покрываетъ теперь землю, гдѣ было раньше герцогство Кларидское. Никакого слѣда не осталось отъ города и замка, но говорятъ, за милю отъ берега, въ тихую погоду подъ водою видны еще и теперь огромные стволы деревьевъ. Одно мѣсто на морскомъ берегу, гдѣ помѣщается теперь таможенный сторожевой постъ, называется до сихъ поръ „Лавочкой портного“. Весьма вѣроятно, что названіе это связано съ воспоминаніемъ о нѣкоемъ мастерѣ Жанѣ, о которомъ говорится въ нашемъ разсказѣ. Съ каждымъ годомъ море разливается все шире и шире; скоро оно покроетъ и это мѣсто, носящее такое странное названіе.

Такія измѣненія очень естественны. Горы дѣлаются ниже съ теченіемъ времени; наоборотъ, дно морское подымается и несетъ въ страны тучъ и льда свои раковины и кораллы.

Все преходяще. Видъ земель и морей мѣняется безостановочно. Только воспоминанія о душахъ и образахъ переживаютъ годы и являютъ намъ настоящимъ то, чего давно уже нѣтъ.

Мой разсказъ о герцогствѣ Кларидскомъ унесетъ васъ въ весьма отдаленное прошлое.

Я начинаю:

Надѣвъ на свои золотые волосы черную шапочку, вышитую жемчугомъ, графиня де-Бланшеландъ...

Но прежде, чѣмъ продолжать, я умоляю серьезныхъ особъ не читать меня. Это написано не для нихъ, написано это отнюдь не для тѣхъ разсудительныхъ людей, которые не терпятъ пустяковъ и хотятъ, чтобы ихъ всегда обучали. Я не смѣю предложить эту исторію никому, кромѣ тѣхъ, кто не прочь позабавиться, у кого молодая и веселая душа. Тѣ, кто не чуждается невинной забавы, прочтутъ меня до конца. Этихъ послѣднихъ я прошу познакомить съ моей Пчелкой ихъ дѣтей, если у нихъ есть дѣти. Я желалъ бы, чтобы этотъ разсказъ понравился юношамъ и молодымъ дѣвушкамъ, но, по правдѣ сказать, не смѣю надѣяться на это. Онъ слишкомъ легкомысленъ для нихъ и годился бы только для дѣтей стараго времени. У меня была хорошенькая маленькая сосѣдка девяти лѣтъ, у которой мнѣ пришлось увидѣть необыкновенную библіотеку. Я нашелъ въ ней много книгъ съ описаніемъ микроскопическихъ изслѣдованій и зоофитовъ, а также нѣсколько научныхъ романовъ. Я раскрылъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ и увидѣлъ слѣдующія строки: „Каракатица, *Sepia officinalis*, молюскъ головоногій, въ тѣлѣ его находится губчатый органъ, въ ткани котораго содержится углекислая известь“... и т. д. Моя хорошенькая маленькая сосѣдка находитъ этотъ романъ очень занимательнымъ. Я умоляю ее, если она не хочетъ, чтобы я умеръ отъ стыда, никогда не читать исторіи Пчелки.

ГЛАВА II,

изъ которой можно узнать, что предвѣщаетъ бѣлая роза графинѣ де-Бланшеландъ.

Надѣвъ на свои золотые волосы черную шапочку, вышитую жемчугомъ, и опоясавъ станъ вдовѣимъ поясомъ, графиня де-Бланшеландъ вошла въ свою молельню, гдѣ она имѣла обыкновеніе молиться каждый день о душѣ своего супруга, убитаго на поединкѣ съ ирландскимъ великаномъ.

Въ этотъ день она увидѣла бѣлую розу на подушкѣ своего анаоя. При видѣ ея она поблѣднѣла, взоръ ея помутился, и въ отчаяніи она заломила руки. Она знала, что наканунѣ своей смерти каждая графиня де-Бланшеландъ находитъ бѣлую розу на подушкѣ анаоя. Зная поэтому, что насталь часъ покинуть этотъ міръ, гдѣ она успѣла уже быть въ такое короткое время женой, матерью и вдовой, она пошла въ комнату своего сына Жоржа, спавшаго подъ охраной служанокъ. Ему было три года; его длинныя рѣсницы бросали очаровательную тѣнь на его лицо, а ротъ его былъ похожъ на цвѣтокъ. Увидя его такимъ маленькимъ и такимъ прекраснымъ, она начала плакать.

— О, моя крошка, — сказала она угасшимъ голосомъ, — мое дорогое дитя, ты никогда не будешь знать меня, и мой образъ скоро навсегда изгладится изъ твоихъ милыхъ очей. А я кормила тебя моимъ молокомъ, чтобы быть тебѣ настоящей матерью, и изъ любви къ тебѣ я отказывала въ рукѣ лучшимъ рыцарямъ.

Съ этими словами она поцѣловала медальонъ, въ которомъ былъ ея портретъ и локонъ ея волосъ, и повѣсила его на шею сына. Тогда слеза матери упала на щеку ребенка, онъ зашевелился въ своей колыбели и сталъ тереть глаза своими ма-

ленькими кулачками. Графиня отвернулась и вышла изъ комнаты. Развѣ могутъ глаза, готовые погаснуть, вынести блескъ обожаемыхъ глазъ, въ которыхъ начинается свѣтиться разумъ?

Она приказала осѣдлатъ себѣ лошадь и, въ сопровожденіи своего шталмейстера Франкера, отправилась въ замокъ Кларидскій.

Герцогиня Кларидская обняла графиню де-Бланшеландъ.

— Дорогая моя, какая добрая судьба привела васъ сюда?

— Судьба, которая привела меня сюда, совѣмъ не добрая: слушайте меня, другъ мой. Мы вышли замужъ почти въ одно и то же время и сдѣлались вдовами при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Во времена рыцарства лучшіе гибнуть первыми, и нужно быть монахомъ, чтобы жить долго. Когда вы стали матерью, я была ею уже два года. Ваша дочь Пчелка прекрасна какъ день, а мой маленькій Жоржъ добръ. Я люблю васъ, и вы любите меня. Узнайте же, что я нашла бѣлую розу на подушкѣ моего аналая. Я должна умереть и оставляю вамъ моего сына.

Герцогинѣ было извѣстно, что предвѣщаетъ бѣлая роза графинямъ де-Бланшеландъ. Она начала плакать и среди слезъ обѣщала ей воспитать Пчелку и Жоржа какъ брата и сестру, и слѣдить за тѣмъ, чтобы они всегда все получали поровну.

Тогда, обнявшись, подошли обѣ женщины къ колыбели, гдѣ подъ легкими занавѣсками, голубыми какъ небо, спала маленькая Пчелка. Она, не открывая глазъ, зашевелила ручками, и, когда она раздвигала пальцы, казалось, что изъ каждаго рукава выходило пять маленькихъ розовыхъ лучиковъ

— Онъ будетъ защищать ее, — сказала мать Жоржа.

— А она будетъ любить его, — отвѣтила мать Пчелки.

— Она будетъ любить его, — повторилъ тоненькій, звон-

кій голосокъ, въ которомъ герцогиня узнала голосъ Духа, давно уже жившаго подъ печкой.

По возвращеніи своемъ въ замокъ госпожа де-Бланшеландъ раздѣлила свои драгоценности между своими служанками и, приказавъ умастить себя благовонными эссенціями и одѣтъ въ лучшія одежды, чтобы достойно украсить свое тѣло, которое должно воскреснуть въ день послѣдняго суда, она легла на свою постель и уснула, чтобы не проснуться больше.

Г л а в а III,

въ которой начинается любовь Жоржа де-Бланшеландъ и Пчелки Кларидской.

Вопреки судьбѣ всѣхъ людей, въ силу которой люди имѣютъ больше доброты, чѣмъ красоты, или больше красоты, чѣмъ доброты, герцогиня была столько же добра, сколь и прекрасна. Она была такъ красива, что, увидѣвъ только ея портретъ, принцы просили ее выйти за нихъ замужъ. Но на всѣ просьбы она отвѣчала:

— У меня долженъ быть одинъ только мужъ, ибо у меня только одна душа.

Однако послѣ пятилѣтняго траура она сняла свой длинный вуаль и свои черныя одежды, чтобы не омрачать радости тѣхъ, кто ее окружалъ, и чтобы въ ея присутствіи могли смѣяться и веселиться. Герцогство ея занимало огромныя пространства земли со степями, покрытыми верескомъ, озерами, гдѣ рыболовы ловили рыбу и вылавливали иногда волшебныхъ рыбъ, и горами, которыя возвышались въ ужасныхъ пустыняхъ надъ подземными странами, гдѣ жили карлики.

Она управляла герцогствомъ Кларидскимъ подъ руководствомъ стараго монаха, бѣжавшаго изъ Константинополя, кото-

рый видѣлъ много насилій и вѣроломствъ и мало вѣрилъ въ благоразуміе людей. Онъ жилъ, запершись въ байнѣ со своими птицами и книгами. Оттуда онъ и исполнялъ свою службу: подавалъ совѣты согласно небольшому числу правилъ.

Правила его были слѣдующія: „Никогда не вводитъ снова закона, вышедшаго изъ употребленія; уступать желаніямъ народа изъ страха возстанія и уступать по возможности медленно, ибо, какъ только согласишься на одну реформу, народъ потребуеть другой, и одинаково опасно какъ уступать слишкомъ скоро, такъ и упорствовать слишкомъ долго“.

Ничего не понимая въ политикѣ, герцогиня предоставила ему право дѣйствовать. Она была сострадательна, и если не могла уважать всѣхъ людей, то умѣла жалѣть тѣхъ, кто имѣлъ несчастье быть дурнымъ. Она помогала несчастнымъ разными способами: посѣщая больныхъ, утѣшая вдовъ и давая пристанище бѣднымъ сиротамъ.

Она воспитывала свою дочь Пчелку съ удивительнымъ благоразуміемъ. Внушивъ ей, что не должно быть другого удовольствія, кромѣ удовольствія отъ добрыхъ дѣлъ, она сама не отказывала ей ни въ одномъ удовольствіи.

Эта прекрасная женщина сдержала обѣщаніе, данное ею несчастной графинѣ де-Бланшеландъ. Она замѣнила мать Жоржу и не дѣлала никакого различія между своей дочерью и имъ. Они росли вмѣстѣ, и Жоржу нравилась Пчелка, хотя онъ находилъ, что она слишкомъ мала. Однажды, когда они находились еще въ самомъ раннемъ возрастѣ, Жоржъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Хочешь играть со мною?

— Хочу, — сказала Пчелка

— Мы будемъ дѣлать пирожки изъ песку.

И они стали дѣлать пирожки Но такъ какъ Пчелка дѣлала

ихъ нехорошо, Жоржъ ударилъ ее лопаткой по пальцамъ, Пчелка отчаянно закричала, и шталмейстеръ Франкеръ, который гулялъ въ саду, сказалъ молодому учителю:

— Бить барышень — дѣло недостойное графа де-Бланшеландъ, ваше сіятельство.

Сначала Жоржъ хотѣлъ было проткнуть шталмейстера этой же лопаткой, но предпріятіе это представляло непреодолимыя трудности, и онъ рѣшилъ совершить болѣе легкое дѣло, — онъ уткнулся носомъ въ толстый стволъ дерева и залился слезами.

Въ это время Пчелка старательно терла кулаками глаза и не переставала плакать. Въ отчаяніи она терлась носомъ о стволъ сосѣдняго дерева. Когда ночь спустилась [на землю, Пчелка и Жоржъ все еще плакали, каждый у своего дерева. Сама герцогиня Кларидская должна была привести ихъ въ замокъ, взявъ одной рукой свою дочь, другой — Жоржа. Глаза у нихъ были красные, носы красные, щеки блестяи отъ слезъ. Они такъ вздыхали и всхлипывали, что, глядя на нихъ, сжималось сердце. Поужинали они съ большимъ аппетитомъ, послѣ чего ихъ уложили спать, каждыя въ свою кроватку. Но, лишь только потушили свѣчи, они вышли изъ кроватокъ, похожіе на маленькія привидѣнія въ своихъ ночныхъ рубашкахъ, и громко смѣясь, обнялись.

Такъ началась любовь Пчелки Кларидской и Жоржа де-Бланшеландъ.

Г л а в а IV,

въ которой заключается разсужденіе по поводу воспитанія вообще и воспитанія Жоржа въ частности.

Жоржъ росъ въ замкѣ вмѣстѣ съ Пчелкой, которую онъ, желая быть съ ней поласковѣе, называлъ сестрой, хотя и зналъ, что она ему не сестра.

У него были учителя фехтованія, верховой ѣзды, плаванья, гимнастики, танцевъ, псовой охоты, соколиной охоты, игры въ мячъ и вообще всѣхъ искусствъ. У него былъ даже учитель чистописанія. Это былъ старый писецъ, смиренный въ обхожденіи и очень гордый въ душѣ. Онъ обучалъ Жоржа различному письму, при чемъ самый красивый способъ письма былъ наименѣе удобочитаемъ. Уроки этого стараго писца приносили мало пользы и доставляли мало удовольствія Жоржу, но еще меньше удовольствія получалъ онъ отъ уроковъ одного монаха, который обучалъ его грамматикѣ. Жоржу было непонятно, какъ можно тратить время на изученіе того языка, на которомъ говоришь и который называешь роднымъ.

Ему было хорошо только съ шталмейстеромъ Франкеромъ, который много ѣздилъ по бѣлу свѣту, зналъ нравы людей и животныхъ. Онъ описывалъ всевозможныя страны и сочинялъ пѣсни, которыхъ не могъ записать. Онъ былъ единственнымъ учителемъ, который чему-нибудь научилъ Жоржа, потому что онъ былъ единственный, который любилъ его по-настоящему, а только тѣ уроки хороши, которые даются съ любовью. Но два старика, учитель чистописанія и учитель грамматики, ненавидѣвшіе другъ друга, сошлись на одной общей ненависти противъ стараго шталмейстера и обвиняли его въ пьянствѣ.

Правда, онъ немножко увлекался посѣщеніемъ кабачка подъ названіемъ „Оловянный Горшокъ“. Только тамъ онъ забывалъ свои невзгоды и могъ сочинять пѣсни. Конечно, онъ былъ виноватъ. Гомеръ сочинялъ стихи еще лучше, чѣмъ Франкеръ, а Гомеръ пилъ только ключевую воду. Что касается невзгодъ,—всѣ имѣютъ ихъ, а избавляются отъ нихъ не только благодаря вину, но и благодаря заботамъ о благѣ ближняго. Франкеръ былъ челоувѣкъ, состарившійся на службѣ бранной, преданный и имѣющій за собою не мало заслугъ, и

два учителя должны были бы скрывать его слабости вмѣсто того, чтобы доносить о нихъ герцогинѣ въ преувеличенномъ видѣ.

— Франкеръ—пьяница,—говорилъ учитель чистописанія,—и когда онъ идетъ изъ „Оловяннаго Горшка“, онъ пишетъ ногами букву „S“. Это единственная буква, госпожа, которую онъ когда-либо написалъ, потому что этотъ пьяница—осель, герцогиня.

Учитель грамматики прибавлялъ:

— Онъ поетъ, шатаясь, пѣсни, которыя грѣшатъ противъ правилъ и вообще ни на что непохожи. Онъ не знаетъ, что такое синекдоха, госпожа герцогиня.

У герцогини было природное отвращеніе къ педантамъ и доносчикамъ. Она поступила такъ, какъ поступилъ бы каждый изъ насъ на ея мѣстѣ: сначала она ихъ не слушала, но, такъ какъ они не переставали ей доносить, она кончила тѣмъ, что удалила Франкера. Однако, чтобы сдѣлать его удаленіе приличнымъ, она послала его въ Римъ за благословеніемъ папы.

Это путешествіе было очень продолжительно, потому что множество трактировъ, посѣщаемыхъ музыкантами, отдѣляли герцогство Кларидское отъ апостольской столицы.

Изъ продолженія разсказа видно будетъ, что герцогиня вскорѣ раскаялась, лишивъ дѣтей ихъ самаго надежнаго хранителя.

ГЛАВА V,

въ которой говорится о томъ, какъ герцогиня съ Пчелкой и Жоржемъ посѣтили монастырь и о встрѣчѣ съ ужасной старухой.

Въ первое воскресенье послѣ Пасхи герцогиня выѣхала изъ замка на своемъ рыжемъ конѣ. Жоржъ де-Бланшеландъ ѣхалъ слѣва отъ нея верхомъ на вороной лошади съ бѣлой звѣздой

кой на лбу, а справа ѣхала Пчелка на своей буланой лошаdkѣ и держала въ рукахъ розовые поводѣ. Они ѣхали въ монастырь къ обѣднѣ. Ихъ сопровождали солдаты, вооруженные копьями, и множество народа толпилось на ихъ пути, чтобы полюбоваться на нихъ. И, дѣйствительно, всѣ трое они были прекрасны. Подъ своимъ вуалемъ съ серебряными цвѣтами и въ своемъ развѣвающимся плащѣ герцогиня была необыкновенно величественна, а жемчугъ, которымъ былъ вышитъ ея головной уборъ, бросалъ нѣжный отблескъ, который подходилъ къ лицу и душѣ этой прекрасной женщины. Рядомъ съ ней Жоржъ казался очень красивымъ съ его развѣвающимися волосами и горящими глазами. Чистый и нѣжный цвѣтъ лица Пчелки, ѣхавшей по другую сторону, ласкалъ взоръ, но ничто не могло сравниться съ красотой ея свѣтлыхъ волосъ, перевязанныхъ лентой съ тремя золотыми цвѣтами. Волосы падали на плечи какъ блестящій плащъ ея юности и красоты. При видѣ ея люди говорили: „Какая милая барышня!“

Старый портной Жанъ взялъ на руки своего внука Пьера, чтобы показать ему Пчелку, и Пьеръ спросилъ, живая ли она или сдѣлана изъ воску. Онъ не могъ понять, какъ можно быть такой бѣлой и нѣжной, будучи такимъ же человѣкомъ, какимъ былъ и онъ, маленькій Пьеръ, съ своими толстыми, добрыми загорѣвшими щеками и въ своей темной рубашонкѣ. зашнурованной сзади по-деревенски.

Въ то время, какъ герцогиня благосклонно отвѣчала на поклоны, на лицахъ двухъ дѣтей видна была плохо скрываемая гордость: Жоржъ краснѣлъ, а Пчелка улыбалась. Вотъ почему герцогиня сказала имъ:

— Эти добрые люди привѣтствуютъ насъ отъ чистаго сердца. Что ты думаешь объ этомъ, Жоржъ? И что ты, Пчелка, думаешь объ этомъ?

— Что они поступаютъ хорошо,— отвѣтила Пчелка.

— И что это ихъ обязанность,— прибавилъ Жоржъ.

— А почему же это ихъ обязанность? — спросила герцогиня.

Видя, что они не отвѣчаютъ, она сказала:

— Я вамъ объясню сейчасъ. Болѣе трехсотъ лѣтъ всѣ поколѣнія герцоговъ Кларидскихъ защищаютъ съ мечомъ въ рукахъ этихъ бѣдныхъ людей, которые, благодаря этой защитѣ, могутъ собирать жатву съ полей. Болѣе трехсотъ лѣтъ всѣ герцогини Кларидскія прядутъ шерсть для бѣдныхъ, навѣщаютъ больныхъ и принимаютъ отъ купели ихъ новорожденныхъ дѣтей. Вотъ почему они васъ привѣтствуютъ, дѣти мои.

Жоржъ подумалъ: „Нужно будетъ защищать земледѣльцевъ“.

Пчелка подумала: „Нужно будетъ пряхъ шерсть для бѣдныхъ“.

Такъ разговаривая и думая, ѣхали они полями, усѣянными цвѣтами. Голубыя горы зубцами выдѣлялись на горизонтѣ. Жоржъ указалъ на востокъ и сказалъ:

— Мнѣ кажется, я вижу тамъ вдали большой стальной щитъ.

— Это скорѣе серебряная застежка съ луну величиной,— сказала Пчелка.

— Это не стальной щитъ и не серебряная застежка, дѣти мои,— отвѣтила герцогиня.— Это озеро, которое блеститъ на солнцѣ. Поверхность воды кажется вамъ издали гладкой какъ зеркало, но на самомъ дѣлѣ по ней ходятъ безчисленныя волны. Берега озера кажутся вамъ гладкими, точно выточенными изъ металла,— на самомъ дѣлѣ они покрыты тростникомъ съ легкими султанами и ирисомъ, цвѣты котораго похожи на человѣческой глазъ, смотрящій изъ-за мечей. Каждое утро бѣлый паръ одѣваетъ озеро, и въ полдень при солнцѣ оно сіяетъ

какъ доспѣхи. Но къ нему отнюдь не нужно приближаться, потому что въ немъ живутъ ундины, ноторыя увлекаютъ прохожихъ въ свой хрустальный дворецъ.

Въ это время они услышали звонъ колокольчика въ монастырѣ.

— Сойдемъ съ лошадей и пойдемъ пѣшкомъ въ часовню. Не на слонахъ и ослахъ приближались короли-маги къ яслямъ.

Они прослушали обѣдню, которую служилъ отшельникъ.

Страшная старуха, покрытая рубищемъ, стояла на колѣняхъ около герцогини. Выходя изъ церкви, герцогиня предложила ей святой воды и сказала:

— Возьми, матушка.

Жоржъ удивился.

— Развѣ ты не знаешь, что въ бѣдныхъ мы должны почитать избранниковъ Иисуса Христа? Нищая, подобная этой, держала тебя у купели съ добрымъ герцогомъ де-Рошнуаръ, и у сестры твоей Пчелки крестнымъ отцомъ былъ такъ же бѣднякъ.

Старуха, угадавъ мысли мальчика, нагнулась къ нему и, усмѣхаясь, сказала:

— Желаю вамъ, добрый принцъ, завоевать столько царствъ, сколько я ихъ потеряла. Я была царицей Жемчужнаго острова и Золотыхъ горъ, каждый день за обѣдомъ у меня было четырнадцать сортовъ рыбы, и маленькій негръ носилъ мой шлейфъ.

— Какое же несчастье заставило васъ потерять ваши острова и горы, добрая женщина? — спросила герцогиня.

— Я прогнѣвила карликовъ, и они унесли меня далеко отъ моихъ владѣній.

— Развѣ карлики такъ могущественны? — спросилъ Жоржъ.

— Живя въ землѣ, — отвѣчала старуха, — они знаютъ свойства камней, умѣютъ обрабатывать металлы и открываютъ родники.

— Чѣмъ же вы ихъ разсердили?—спросила герцогиня.

Старуха отвѣтила:

— Одинъ изъ нихъ пришелъ ко мнѣ въ декабрьскую ночь просить позволенья приготовить большой ужинъ въ кухнѣ моего замка, которая была больше капитульской залы и вся была заставлена кастрюлями, печами, рашперами, противнями, сковородами, рыбными котлами, лоханями, формами для пирожного, мѣдными кувшинами, золотыми и серебряными кубками, не считая вертеловъ, искусно выкованныхъ изъ желѣза, и большихъ черныхъ котловъ, подвѣшенныхъ на крюкѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ, что ни одна вещь не будетъ испорчена и не пропадетъ. Однако я ему отказала въ его просьбѣ, и онъ удалился, бормоча неясныя угрозы. На третью ночь — наканунѣ Рождества—тотъ же карликъ пришелъ въ мою комнату, гдѣ я спала: его сопровождало безчисленное множество другихъ карликовъ, которые взяли меня съ постели и перенесли въ одной рубашкѣ въ невѣдомую страну

— Вотъ, — сказали они мнѣ, оставляя меня, — вотъ наказаніе богатымъ, которые не хотятъ удѣлить часть своихъ сокровищъ рабочему и кроткому народу, карликамъ, которые обрабатываютъ золото и открываютъ родники.

Такъ говорила беззубая старуха, и герцогиня, утѣшивъ ее словами и снабдивъ деньгами, отправилась съ двумя дѣтьми обратно въ замокъ.

Г л а в а VI,

описывающая то, что можно видѣть съ башни замка Кларидскаго.

Немного времени спустя послѣ того Пчелка и Жоржъ взобрались однажды тайкомъ по лѣстницѣ на башню, возвышающуюся по срединѣ замка Кларидскаго. Достигнувъ площадки, они громко закричали и захлопали въ ладоши.

Взору ихъ стали доступны холмы, изрѣзанные зелеными и черными квадратиками обработанной земли. Лѣса и горы синѣли на далекомъ горизонтѣ.

— Сестрица, — закричалъ Жоржъ, — сестрица, посмотри, отсюда видна вся земля!

— Она очень большая, — сказала Пчелка.

— Мои учителя говорили мнѣ, что она большая, но, какъ говорить наша ключница Гертруда, нужно самому видѣть, чтобы повѣрить.

Они прошлись по площадкѣ.

— Посмотри, какъ это чудесно, братецъ, — закричала Пчелка. — Замокъ стоитъ въ срединѣ земли, а мы стоимъ на башнѣ, которая въ срединѣ замка, и поэтому мы находимся въ самой срединѣ земли. Ха-ха-ха!

И въ самомъ дѣлѣ горизонтъ образовывалъ кругъ, въ центрѣ котораго стояла башня.

— Мы стоимъ въ срединѣ земли, ха-ха-ха! — повторилъ Жоржъ.

Потомъ они оба задумались.

— Какое несчастье, что мѣръ такъ великъ! — сказала Пчелка: — въ немъ можно заблудиться и потерять своихъ друзей.

Жоржъ пожалъ плечами:

— Какое счастье, что мѣръ такъ великъ: въ немъ можно искать приключеній. Слушай, Пчелка, когда я буду большимъ, я завоюю эти горы, которыя стоятъ на самомъ краю земли. Тамъ восходитъ луна; я схвачу ее и отдамъ тебѣ, моя Пчелка

— Да, — сказала Пчелка, — ты отдашь ее мнѣ, а я припилю ее къ моимъ волосамъ.

Потомъ они начали разыскивать, какъ на картѣ, знакомыя имъ мѣста.

— Я прекрасно узнаю все, — сказала Пчелка, которая со-

вѣтъмъ ничего не узнавала,—но я не могу понять, что это за квадратные камешки, которыми усянянъ косогоръ.

— Дома!—отвѣтилъ ей Жоржъ.—Это дома. Ты не узнаешь, сестрица, столицы герцогства Кларидскаго? Это однако большой городъ: въ немъ три улицы, и по одной изъ нихъ можно ѣздить. Мы проѣзжали по ней на прошлой недѣлѣ, когда ѣхали въ монастырь. Помнишь?

— А этотъ ручеекъ, который вьется тамъ?

— Это рѣка. Видишь тамъ старый каменный мостъ.

— Тотъ мостъ, подъ которымъ мы ловили раковъ?

— Тотъ самый. Тамъ еще въ нишѣ есть статуя „Женщина безъ головы“. Но ея отсюда невидно, потому что она слишкомъ мала.

— Я помню ее. Почему у ней нѣтъ головы?

— Вѣроятно потому, что она ее потеряла.

Пчелка смотрѣла на горизонтъ и не сказала, осталась ли она довольна такимъ объясненіемъ.

— Братецъ, братецъ, видишь около голубыхъ горъ блеститъ что-то? Это озеро?

— Да, это озеро!

Тогда они вспомнили, что говорила имъ герцогиня о его опасныхъ, чудесныхъ водахъ, гдѣ находится замокъ ундины.

— Пойдемъ туда!—сказала Пчелка.

Это намѣреніе поразило Жоржа, и отъ удивленія онъ раскрылъ ротъ.

— Герцогиня запретила намъ выходить изъ дому однимъ, и какъ же мы пойдемъ къ этому озеру, когда оно на краю свѣта?

— Какъ пойдемъ, я не знаю. Но ты долженъ это знать, вѣдь ты мужчина, и у тебя есть учитель грамматики.

Уязвленный Жоржъ отвѣтилъ, что можно быть мужчиной

и даже очень хорошимъ мужчиной и не знать всѣхъ дорогъ на землѣ.

Тогда Пчелка, сдѣлавъ презрительную гримасу, которая заставила Жоржа покраснѣть до ушей, сказала сухимъ тономъ:

— Не я обѣщала завоевать синія горы и сорвать луну. Я не знаю дороги къ озеру, но я найду ее сама!

— Ахъ! ахъ! ахъ!—закричалъ Жоржъ, стараясь засмѣяться.

— Вы смѣтаетесь какъ корнишонъ, сударь.

— Пчелка, корнишоны не умѣютъ ни смѣяться, ни плакать.

— Ну, если бы они умѣли смѣяться, то смѣялись бы какъ вы, сударь. Я пойду одна къ озеру. И въ то время, когда я найду прекрасныя воды, въ которыхъ живутъ ундины, вы будете сидѣть въ замкѣ одинъ, какъ маленькая дѣвочка. Я вамъ оставлю мои пальцы и куклу. Вы, конечно, будете прекрасно смотрѣть за ними, Жоржъ, прекрасно смотрѣть.

Жоржъ былъ самолюбивъ. Онъ былъ чувствителенъ къ стыду. А Пчелка стыдила его. Опустивъ голову, мрачный, онъ сказалъ глухимъ голосомъ:

— Ну, хорошо, идемъ къ озеру!

Г л а в а VII,

въ которой разсказано о томъ, какъ Пчелка и Жоржъ отправились къ озеру.

На слѣдующій день послѣ обѣда, который былъ въ полдень, въ то время какъ герцогиня удалилась въ свою комнату, Жоржъ взялъ Пчелку за руку.

— Идемъ,—сказалъ онъ ей.

— Куда?

— Тсл..

Они спустились по лѣстницѣ и прошли черезъ дворъ. Когда

они вышли изъ воротъ замка, Пчелка во второй разъ спросила, куда они идутъ.

— Къ озеру! — рѣшительно отвѣтилъ Жоржъ.

Пчелка раскрыла ротъ отъ удивленія и притихла. Итти такъ далеко безъ позволенія, въ атласныхъ башмачкахъ! (На ней были атласные башмачки.) Развѣ это благоразумно?

— Нужно итти туда, и совсѣмъ нѣтъ необходимости быть благоразумнымъ.

Такъ хорошо отвѣтилъ Жоржъ Пчелкѣ. Раньше она пристыдила его, а теперь онъ удивилъ ее... На этотъ разъ уже онъ презрительно отсылалъ ее къ куклѣ. Дѣвочки подзадориваютъ искать приключенія, а сами удираютъ. Фи! гадкій характеръ! Пусть остается! Онъ пойдетъ одинъ!

Она схватила его за руку, онъ оттолкнулъ ее. Она повисла на шеѣ своего брата.

— Братецъ, — говорила она рыдая, — я пойду съ тобой.

Такое искреннее раскаяніе тронуло его.

— Итти, — сказалъ онъ, — но не нужно итти городомъ, такъ какъ насъ могутъ увидѣть. Лучше итти по валу и добраться до большой дороги окольными путями.

И они пошли, держась за руки. Жоржъ объяснялъ свой планъ.

— Мы пойдемъ по дорогѣ, по которой мы ходили въ монастырь: мы непременно увидимъ озеро, какъ увидѣли его въ тотъ разъ, и тогда мы направимся къ нему прямо черезъ поля, какъ летаетъ пчелка.

Какъ летаетъ пчелка. Такъ называютъ въ деревнѣ прямую линію. Имъ стало смѣшно, что это красивое выраженіе заключаетъ въ себѣ имя дѣвочки.

Пчелка нарвала цвѣтовъ на краю оврага. Это были цвѣты мальвы, коровяка, астры и златоцвѣтъ. Она сдѣлала изъ нихъ

букетъ. Цвѣты замѣтно увядали въ ея рукахъ и, когда Пчелка прошла каменный мостъ, они стали совсѣмъ жалкими на видъ. Не зная, что дѣлать съ своимъ букетомъ, она придумала бросить его въ воду, чтобы освѣжить его, но потомъ ей захотѣлось отдать его „Женщинѣ безъ головы“.

Она попросила Жоржа поднять ее на руки, такъ какъ она была очень мала ростомъ, и положила пучокъ полевыхъ цвѣтовъ въ сложенные руки старой каменной фигуры.

Когда они были далеко уже, она обернулась и увидѣла голубя на плечѣ статуи.

Они шли еще нѣкоторое время. Пчелка сказала:

— Я хочу пить.

— Я тоже, — сказалъ Жоржъ, — но рѣка далеко позади насъ, и я не вижу ни ручья ни источника. Солнце такое палющее. Вѣроятно, оно выпило всю воду. Что же мы будемъ дѣлать?

Такъ говорили они и горевали, какъ вдругъ увидѣли идущую навстрѣчу крестьянку, которая несла корзину съ вишнями.

— Вишни! — закричалъ Жоржъ. — Какое несчастье, что у меня нѣтъ денегъ, чтобы купить вишень.

— У меня есть деньги! — сказала Пчелка.

Она достала изъ кармана кошелекъ съ пятью золотыми монетами и сказала крестьянкѣ:

— Добрая женщина, не можете ли вы дать мнѣ вишень столько, сколько войдетъ въ подолъ моего платья?

Съ этими словами она подняла обѣими руками подолъ своей юбки. Крестьянка бросила ей двѣ или три горсти вишень.

Пчелка взяла въ одну руку завернутый подолъ юбки, а другой подала золотую монету женщинѣ и сказала:

— Этого довольно?

Крестьянка схватила золотую монету, которая могла бы быть щедрой платой за всё ея вишни въ корзину и вмѣстѣ съ дерезомъ, на которомъ онѣ росли, и садомъ, гдѣ росло это дерево.

— Чтобы сдѣлать вамъ услугу, моя маленькая принцесса, я не прошу бѣльшаго, — отвѣтила хитрая женщина.

— Въ такомъ случаѣ насыпьте еще вишенъ въ шляпу моего брата, и я дамъ вамъ другой золотой, — сказала Пчелка.

Такъ и сдѣлали. Крестьянка продолжала свой путь, раздумывая, какъ положить она въ шерстяной чулокъ и спрятать въ соломенный тюфякъ эти два золотые.

А дѣти пошли своей дорогой, ѣли вишни и бросали косточки налѣво и направо. Жоржъ отыскалъ двѣ пары вишенъ, которыя висѣли на одной вѣточкѣ, чтобы сдѣлать подвѣски къ серьгамъ своей сестренкѣ, и смѣялся, увидѣвъ, какъ эти чудныя красныя ягодки-двойшки катались по щекѣ Пчелки.

Ихъ веселое путешествіе испортилъ камешекъ. Онъ попалъ въ башмачокъ Пчелки, и она начала хромать. Она пошла, прихрамывая къ краю дороги, чтобы сѣсть, и при каждомъ шагѣ ея свѣтлыя волосы падали ей на щеки. На краю дороги братъ, опустившись на колѣни, снялъ атласный башмачокъ: онъ встряхнулъ его, и оттуда выпалъ бѣлый камешекъ.

Тогда, глядя на свои ноги, Пчелка сказала:

— Братецъ, когда мы снова пойдемъ къ озеру, мы обуемъ въ сапоги.

Солнце уже закатывалось на лучезарномъ небѣ; вѣтеръ ласкалъ лицо и шею юныхъ путешественниковъ, которые, освѣжившись и отдохнувъ, храбро продолжали свой путь. Чтобы веселѣе было идти, они пѣли и держали другъ друга

за руки и смѣялись, видя впереди себя двѣ соединенныя тѣни. Они пѣли:

Marian's'en allant au moulin,
 Pour y faire moudre son grain.
 Ell' monta sur son âne.
 Ma p'tite mam'sell' Marianne!
 Ell' monta sur son âne Martin
 Pour aller au moulin *).

Но Пчелка вдругъ остановилась и закричала:

— Я потеряла мой башмачокъ, мой атласный башмачокъ!

И дѣйствительно, это было такъ. Шелковыя завязки развязались, и башмачокъ лежалъ на дорогѣ весь въ пыли.

Тогда она посмотрѣла назадъ, и сердце ея сжалось, и слезы выступили на глазахъ, когда она увидѣла, что башня замка Кларидскаго исчезла въ туманной дали.

— Насъ съѣдятъ волки,—сказала она,—и наша мать не увидитъ насъ больше и умретъ отъ горя.

Но Жоржъ снова надѣлъ ей башмакъ и сказалъ:

— Когда колоколь въ замкѣ ударитъ къ ужину, мы уже вернемся въ Клариды. Впередь!

Le meunier qui la voit venir
 Ne peut s'empêcher de lui dire:
 Attachez là votre âne,
 Ma p'tite mam'sell' Marianne.
 Attachez là votre âne Martin
 Qui vous mène au moulin **).

---

*) Марианна шла на мельницу, чтобы смолоть зерно. Она съла на осла. Моя маленькая Марианна! Она съла на своего осла Мартина, чтобы ѣхать на мельницу.

**) Ее увидѣлъ мельникъ и не могъ удержаться, чтобы не сказать ей: привяжите тамъ вашего осла, моя маленькая Марианна. Привяжите тамъ вашего осла, который везетъ васъ на мельницу.

— Озеро! Пчелка, смотри: озеро, озеро, озеро!

— Да, Жоржъ, озеро!

Жоржъ закричалъ ура! и бросилъ шляпу въ воздухъ. Пчелка была слишкомъ сдержана, чтобы бросить такъ же свою шапочку: снявъ съ ноги башмачокъ, который совѣмъ не держался, она пустила его черезъ голову въ знакъ радости. Да! Это—озеро, серебристая вода лежала въ кругообразномъ скатѣ, какъ въ чашѣ изъ цвѣтовъ и зелени. Это было озеро спокойное и прозрачное, и уже видно было волненіе, проходящее по зелени его береговъ, которые еще смутно были видны. Но въ лѣсу дѣти не видали ни одной дороги, которая вела бы къ этимъ прекраснымъ водамъ.

Въ то время, когда они разыскивали дорогу, ихъ стали щипать за ноги гуси, которыхъ гнала дѣвочка, одѣтая въ овечью шкуру. Жоржъ спросилъ, какъ ее зовутъ.

— Жильберта.

— Ну, Жильберта, какимъ путемъ ходятъ къ озеру?

— Туда не ходятъ.

— Почему?

— Потому, что...

— Ну, а если бы пошли туда?

— Если бы пошли, то была бы дорога и шли бы по ней.

Онъ не нашель, что отвѣтить пастушкѣ гусей.

— Идемъ, — сказалъ Жоржъ, — мы навѣрно найдемъ подалеже тропинку въ лѣсу.

— Мы нарвемъ тамъ орѣховъ, — сказала Пчелка, — и поѣдимъ, потому что я хочу ѣсть. Когда мы пойдемъ опять къ озеру, нужно будетъ захватить съ собой полный мѣшокъ чего-нибудь вкуснаго.

Жоржъ сказалъ:

— Мы такъ и сдѣлаемъ, сестрица: теперь я одобряю шталмейстера Франкера, который захватилъ съ собой, когда поѣхалъ въ Римъ, окорокъ и большую оплетенную бутылъ вина. Но поспѣшимъ, такъ какъ мнѣ кажется, что скоро наступить вечеръ, хотя я и не знаю, который часъ.

— Пастушки узнаютъ время по солнцу, — сказала Пчелка, — но я не пастушка. Однако мнѣ кажется, что солнце было у насъ надъ головой, когда мы вышли, а теперь оно тамъ, далеко позади города и замка Кларидскаго. Нужно было бы узнать, такъ ли бываетъ каждый день и что это значить.

Въ то время, когда они смотрѣли на солнце, на дорогѣ поднялось облако пыли, и они увидѣли всадниковъ, которые мчались во весь духъ, блестя оружіемъ. Дѣти испугались и побѣжали спрятаться въ кустарникахъ. „Это, вѣроятно, разбойники или людоѣды“, думали они. На самомъ же дѣлѣ это была стража, которую послала герцогиня Кларидская въ поиски за двумя маленькими смѣльчаками.

Маленькіе смѣльчаки нашли въ чащѣ узенькую тропинку, которая никакъ не могла быть тропинкой влюбленныхъ, такъ какъ по ней нельзя было итти рядомъ двоимъ, держась за руки наманерь обрученныхъ. На ней не было человѣческихъ слѣдовъ. Видны были только слѣды множества маленькихъ ногъ съ раздвоенными копытами.

— Это ноги чертенятъ, — сказала Пчелка.

— Или оленей, — сказалъ Жоржъ.

Такъ это и осталось невыясненнымъ. Но что было вѣрно, такъ это то, что дорожка спускалась отлогимъ скатомъ до берега озера, которое и предстало передъ дѣтьми въ томной и молчаливой красѣ. Ивы, растущія по берегамъ, окружали его своею нѣжною зеленью. Тростникъ качался надъ водою своими гибкими мечами и нѣжными султанами: онъ образовы-

валь волнующіеся острова, вокругъ которыхъ кувшинки выставляли свои огромные листья въ формѣ сердца и свои бѣлые цвѣты. На этихъ цвѣтущихъ островахъ со свистомъ летали стрекозы въ изумрудныхъ и сапфировыхъ платьицахъ съ огненными крылышками, описывая своимъ полетомъ кривыя линіи.

И дѣти съ наслажденіемъ погружали свои горячія ноги во влажный песокъ, гдѣ росла густая пихта и тростникъ съ длинными острыми листьями. Скромные стебли аира распространяли ароматъ; на берегу вокругъ спящихъ водъ разросся водяной папоротникъ съ его зубчатыми листьями, и лиловые цвѣты тальника мелькали повсюду какъ звѣзды.

Г л а в а VIII,

изъ которой видно, чѣмъ поплатился Жоржъ Бланшеландъ за то, что приблизился къ озеру, гдѣ жили ундины.

Пчелка прошла по песку впередъ между двумя группами ивъ, и передъ ней маленькій мѣстный Духъ прыгнулъ въ воду, оставляя на поверхности круги, которые увеличиваясь исчезли. Этотъ Духъ имѣлъ видъ маленькой зеленой лягушки съ бѣлымъ брюшкомъ. Было тихо; свѣжій вѣтеръ пробѣгалъ по свѣтлому озеру, и каждая волна граціозно улыбалась.

— Это озеро очень красиво, — сказала Пчелка, — но ноги мои болятъ въ разорвавшихся башмакахъ, и я очень голодна. Мнѣ бы очень хотѣлось быть въ замкѣ.

— Сестрица, — сказалъ Жоржъ, — сядь на траву. Я хочу обернуть твои ноги листьями, чтобы освѣжить ихъ. Потомъ я пойду поискать чего-нибудь тебѣ на ужинъ. Я видѣлъ тамъ наверху у дороги ежевику. Я принесу тебѣ въ своей шляпѣ самыхъ спѣлыхъ и самыхъ сладкихъ ягодъ. Дай мнѣ твой платокъ; я наберу въ него земляники, такъ какъ тутъ растеть

земляника по краямъ дорожки подъ тѣнью деревьевъ. А карманы я наполню орѣхами.

Онъ устроилъ на берегу озера подъ ивой постель изъ мха для Пчелки и ушелъ.

Пчелка легла, сложивъ руки, на своей постели изъ мха и увидѣла блѣдное небо, на которомъ загорались дрожащія звѣзды; потомъ глаза ея наполовину закрылись. Ей показалось однако, что она видитъ въ воздухѣ карлика верхомъ на воронѣ. Это совсѣмъ не было иллюзіей. Натянувъ поводъ, которые держала въ клювъ черная птица; карликъ остановился надъ дѣвочкой и уставился на нее своими круглыми глазами; потомъ пришпорилъ свою лошадь и быстро улетѣлъ.

Пчелка смутно видѣла все это и заснула.

Она спала, когда Жоржъ вернулся съ своей добычей, которую онъ положилъ около нея. Ожидая, когда она проснется, онъ сошелъ къ берегу озера. Озеро спало въ вѣнкѣ изъ нѣжной зелени. Легкій паръ лѣниво тянулся по его водѣ. Вдругъ луна показалась между вѣтвями, и по волнамъ разсыпались блески.

Жоржъ увидѣлъ, что не всѣ отблески, освѣщающіе воду, были отраженіемъ луны, такъ какъ онъ замѣтилъ голубые огни, которые двигались, кружась, волнуясь и качаясь, какъ будто они водили хороводъ. Скоро онъ узналъ, что эти огоньки дрожали на блѣдныхъ лбахъ женщинъ. Немного спустя надъ волнами поднялись прекрасныя головы, украшенныя водорослями и раковинами. По плечамъ разсыпались зеленые волосы, а съ украшенной жемчугомъ груди спадало покрывало. Ребенокъ узналъ ундины и хотѣлъ убѣжать. Но блѣдныя и холодныя руки уже схватили его и, несмотря на всѣ его усилія и крики, унесли въ воду, въ галлерей изъ хрусталя и порфира.

ГЛАВА IX,

изъ которой видно, какъ Пчелка попала къ карликамъ.

Луна поднялась надъ озеромъ, и въ водѣ отражался ея раздробленный дискъ. Пчелка еще спала. Карликъ, увидавшій ее, вернулся къ ней на своемъ вѣрнѣ. Его сопровождала толпа маленькихъ человѣчковъ. Это были очень маленькіе человѣчки. Сѣдые бороды висѣли до колѣнъ. Они имѣли видъ стариковъ и ростомъ были съ маленькаго ребенка. По ихъ кожанымъ передникамъ и молоточкамъ, которые они носили подвѣшенными къ поясу, ихъ можно было принять за рабочихъ, обдѣлывающихъ металлы. Походка ихъ была странная: они подпрыгивали на большую высоту и удивительно кувыркались, обнаруживая непостижимое проворство, и поэтому они больше были похожи на духовъ, чѣмъ на людей. Но при самыхъ игривыхъ прыжкахъ они сохраняли неизмѣнную важность, и не было возможности опредѣлить ихъ настоящій характеръ.

Они размѣстились вокругъ спящей.

— Ну, — сказалъ съ своей верховой лошади, покрытой перьями, самый маленькій карликъ, — ну, развѣ я обманывалъ васъ, когда принесъ вамъ извѣстіе, что самая красивая принцесса спитъ на берегу озера, и развѣ вы не должны мнѣ быть мнѣ благодарны, что я показалъ вамъ ее?

— Мы благодарны тебѣ, Бобъ, — отвѣтилъ одинъ изъ карликовъ, который походилъ на стараго поэта, — въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего на свѣтѣ красивѣе этой дѣвушки. Цвѣтъ лица ея розовѣе утренней зари, подымающейся надъ горами, и золото, которое мы куюмъ, не такъ блестяще, какъ золото ея волосъ.

— Правда, Пикъ, правда, — отвѣтили карлики, — но что намъ дѣлать съ этой хорошенькой дѣвушкой?

Пикъ, похожій на очень пожилого поэта, не отвѣтилъ ничего на этотъ вопросъ карликовъ, потому что онъ, такъ же какъ и они, не зналъ, что съ ней дѣлать.

Карликъ, по имени Ругъ, сказалъ имъ:

— Построимъ большую клѣтку и запремъ ее въ ней.

Другой карликъ, по имени Дигъ, опровергъ это предложеніе Руга. По мнѣнію Дига, въ клѣтки можно сажать только дикихъ животныхъ, но ничто не давало повода думать, что хорошенькая дѣвочка изъ этой породы.

Но Ругъ стоялъ на своемъ мнѣніи за немнѣишемъ другого, чтобы замѣнить его. Онъ защищалъ его съ большой находчивостью:

— Если эта особа, — сказалъ онъ, — не принадлежитъ къ породѣ дикихъ животныхъ, то она станетъ похожей на нихъ, благодаря клѣткѣ, которая, слѣдовательно, станетъ полезной и даже необходимой.

Это разсужденіе не понравилось карликамъ, и одинъ изъ нихъ, по имени Тадъ, съ негодованіемъ отвергъ его. Это былъ очень добродѣтельный карликъ. Онъ предложилъ отвести прекрасное дитя къ ея родителямъ, которые должны были быть, по его мнѣнію, знатными вельможами.

Мнѣніе добродѣтельнаго Тада было отвергнуто, какъ противорѣчащее обычаю карликовъ.

— Нужно слѣдовать справедливости, а не обычаю, — говорилъ Тадъ.

Его не слушали больше, и собраніе безпорядочно заволновалось; тогда одинъ карликъ, по имени По, который былъ недалекаго ума, но справедливый, посовѣтовалъ слѣдующее:

— Сначала нужно разбудить эту барышню, такъ какъ она не просыпается сама. Если она проведетъ ночь въ такомъ положеніи, завтра у ней распухнутъ вѣки, и она станетъ менѣе

красивой, потому что очень вредно спать въ лѣсу на берегу озера.

Это предложеніе было единодушно принято, потому что оно не противорѣчило никакому другому.

Пикъ, похожій на стараго поэта, удрученнаго горемъ, подошелъ къ дѣвушкамъ и съ серьезнымъ видомъ сталъ смотрѣть на нее, думая, что одинъ взглядъ его способенъ вывести спящую изъ ея глубокаго сна. Но Пикъ слишкомъ надѣялся на силу своего взгляда. Пчелка продолжала спать со сложенными руками.

Видя это, добродѣтельный Тадъ тихонько потянулъ ее за рукавъ. Она открыла глаза и приподнялась на локтѣ. Увидѣвъ себя на постели изъ мха, окруженною карликами, она подумала, что она видитъ сонъ, и стала протирать глаза, надѣясь, что вмѣсто фантастическаго видѣнія появится ясный утренній свѣтъ, который она видѣла каждый день въ своей голубой комнаткѣ. Мозгъ ея отяжелѣлъ отъ сна, и она не могла припомнить происшествія у озера. Но сколько она ни протирала глаза, карлики не исчезали. Приходилось повѣрить, что они настоящіе. Тогда, оглядѣвшись съ безпокойствомъ вокругъ, она увидѣла лѣсъ, воспоминанія ожили, и она съ тоской закричала:

— Жоржъ, братецъ мой, Жоржъ!

Карлики толпились около нея, а она закрывала лицо руками, боясь увидѣть ихъ.

— Жоржъ! Жоржъ! Гдѣ мой братъ Жоржъ? — кричала она рыдая.

Карлики не могли сказать ей этого, потому что они не знали объ этомъ ничего. И она плакала горькими слезами и звала мать и брата.

Карлику По захотѣлось плакать вмѣстѣ съ нею; проникнувшись желаніемъ утѣшить ее, онъ сказалъ нѣсколько неопредѣленныхъ словъ.

— Не безпокойтесь, — сказалъ онъ ей, — было бы жаль, если бы такая хорошенькая барышня стала портить глаза слезами. Расскажите намъ поскорѣй вашу исторію; она навѣрно очень интересна. Это доставитъ намъ необычайное наслажденіе.

Она не слушала его. Она встала и хотѣла бѣжать, но ея распушія босыя ноги до того сильно болѣли, что она упала на колѣни и сильнѣе заплакала. Тадъ поддержалъ ее подъ руки, а По нѣжно поцѣловалъ руку. Поэтому она осмѣлилась взглянуть на нихъ, и они показались ей такими жалостливыми. Пикъ выглядѣлъ существомъ свѣше вдохновеннымъ, но простодушнымъ. Замѣтивъ, что всѣ эти маленькіе человѣчки выражаютъ ей свою благосклонность, она сказала имъ:

— Маленькіе человѣчки, какъ жаль, что вы такъ некрасивы; но я васъ все-таки буду любить, если вы дадите мнѣ поѣсть, потому что я очень голодна.

— Бобъ,—закричали въ одно время всѣ карлики,—ступай за ужиномъ!

И Бобъ поѣхалъ на своемъ воронѣ. Но все же карлики чувствовали несправедливость въ томъ, что эта дѣвочка нашла ихъ некрасивыми. Ругъ очень разсердился за это. Пикъ сказалъ себѣ: „Она еще ребенокъ и не видитъ огня вдохновенія, которымъ горитъ мой взоръ и который даетъ ему то поражающую силу, то чарующую прелесть“. По думалъ: „Можетъ быть, было бы лучше, если бы я не будилъ эту дѣвочку, которая находитъ насъ некрасивыми“. Но Тадъ сказалъ улыбаясь:

— Барышня, мы покажемся вамъ менѣе некрасивыми, когда вы насъ сильнѣе полюбите.

При этихъ словахъ появился Бобъ на своемъ воронѣ. На золотомъ блюдѣ онъ несъ жареную куропатку, хлѣбъ цзъ крупчатой муки и бутылку бордо. Онъ положилъ этотъ ужинъ къ ногамъ Пчелки, перекувыркнувшись безконечное число разъ.

Пчелка пошла и сказала:

— Маленькіе человѣчки, вашъ ужинъ очень хорошъ. Меня зовутъ Пчелкой. Давайте искать моего брата и пойдѣмте вмѣстѣ въ Клариды. Мама ждетъ насъ и очень беспокоится.

Но Дигъ, который былъ добрымъ карликомъ, напомнилъ Пчелкѣ, что она не можетъ ходить. Онъ сказалъ ей, что братъ ея достаточно великъ, чтобы вернуться самому, что въ этой странѣ съ нимъ не могло случиться никакого несчастья, такъ какъ всѣ дикіе звѣри были тутъ истреблены.

— Мы сдѣлаемъ носилки, — прибавилъ онъ, — покроемъ ихъ слоемъ листьевъ и мха, мы положимъ тебя на нихъ, мы отнесемъ тебя въ горы и представимъ тебя королю карликовъ, какъ требуетъ того обычай нашего народа.

Всѣ карлики захопали въ ладоши. Пчелка посмотрѣла на свои больныя ноги и замолчала. Она была рада, узнавъ, что въ странѣ нѣтъ дикихъ звѣрей. Въ остальномъ она полагалась на дружбу карликовъ.

Начали строить носилки. Тѣ, у кого были топоры, живо вырубили двѣ молодыя ели.

Это снова навело Руга на его мысль.

— А что, если бы вмѣсто носилокъ, — сказалъ онъ, — мы построили клѣтку?

Но онъ вызвалъ общее порицаніе. Тадъ посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ и сказалъ:

— Ругъ, ты похожъ больше на человѣка, чѣмъ на карлика. Къ чести нашей служить, по крайней мѣрѣ, то, что самый злой карликъ въ то же время и самый глупый.

Однако работа подвигалась впередъ. Карлики прыгали въ воздухъ, чтобы добраться до вѣтокъ, которыя они рубили алету и изъ которыхъ они искусно дѣлали рѣшетчатое сидѣнье. Покрывъ носилки мхомъ и листьями, они посадили на

нихъ Пчелку. Потомъ они сразу схватили ихъ за обѣ подставки, разъ-два, положили на плечи — гофъ — и направились къ горѣ...

Г л а в а X,

подробно повѣствующая о приемѣ, сдѣланномъ королемъ Локомъ Пчелкѣ Кларидской.

По извиистой дорогѣ поднялись они на поросшій лѣсомъ косогоръ. Въ сѣрвовой зелени карликовыхъ дубовъ, тамъ и сямъ, громоздились глыбы гранита, ржавыя и бесплодныя, и рыжія горы съ ихъ голубыми ущельями замыкали дикій пейзажъ.

Процессія, предводительствуемая Бобомъ на его крылатомъ конѣ, прошла въ одну разсѣлину, поросшую ежевикой. Золотые волосы Пчелки разсыпались по плечамъ, и отъ этого она была похожа на занимающуюся надъ горой зарю. Врядъ ли только заря такъ пугается, зоветъ свою мать и старается убѣжать, какъ это дѣлала дѣвочка, лишь только увидѣла страшно вооруженныхъ карликовъ въ засадѣ во всѣхъ углубленіяхъ скалы.

Они стояли неподвижно съ натянутыми луками и готовились къ битвѣ копьями. Ихъ одежда изъ шкуръ животныхъ и длинные ножи, висѣвшіе на ихъ поясахъ, придавали имъ страшный видъ. Убитая дичь лежала около нихъ. Но стоило только посмотреть на ихъ лица, и эти охотники не казались жестокими. Наоборотъ, они были добрыми и важными, какъ лѣсные карлики, на которыхъ они очень походили.

Среди нихъ стоялъ карликъ, полный величія. За ухомъ у него было пѣтушиное перо, а на лбу діадема, украшенная огромными драгоценными камнями. Изъ-подъ его приподнятаго на плечѣ плаща видна была крѣпкая рука, на которой былъ

золотой обручъ. У пояса его висѣлъ рогъ изъ слоновой кости и чеканнаго серебра. Онъ опирался лѣвой рукой на копье въ позѣ сильнаго, который отдыхаетъ. Правую руку онъ держалъ надъ глазами, чтобы посмотрѣть на Пчелку и на свѣтъ.

— Король Локъ,—сказали ему лѣсные карлики,—мы привели тебѣ прекрасное дитя, которое мы нашли. Эту дѣвочку зовутъ Пчелкой.

— Вы хорошо сдѣлали,—сказалъ король Локъ.— Она будетъ жить съ нами, какъ требуетъ того обычай карликовъ.

Потомъ, подойдя къ Пчелкѣ, онъ сказалъ:

— Добро пожаловать, Пчелка.—Онъ говорилъ ей ласково, такъ какъ чувствовалъ уже расположеніе къ ней. Поднявшись на цыпочки, онъ поцѣловалъ ея руку, которую она опустила, и сталъ увѣрять ее, что онъ не только ей не сдѣлаетъ зла, но что будетъ исполнять всѣ ея желанія, если бы даже она захотѣла ожерелій, зеркалъ, матерій изъ кашемирской шерсти и китайскаго шелка.

— Мнѣ бы хотѣлось имѣть башмаки,—сказала Пчелка.

Тогда король ударилъ своимъ копьемъ въ бронзовый дискъ, висѣвшій на стѣнѣ скалы, и тотчасъ что-то стало подниматься изъ глубины пещеры, прыгая какъ мячъ. Оно стало увеличиваться и приняло образъ карлика, который напоминалъ лицомъ черты знаменитаго Велизарія, какимъ его изображаютъ художники. На немъ былъ передникъ съ нагрудникомъ, поэтому можно было догадаться, что это сапожникъ.

Это былъ въ самомъ дѣлѣ главный сапожникъ.

— Трюкъ,—сказалъ ему король,—выбери въ нашихъ кладовыхъ самую мягкую кожу, возьми золотой и серебряной парчи, спроси у завѣдующаго моей казной тысячу жемчужинъ самаго красиваго оттѣнка и сдѣлай изъ этой кожи, парчи и жемчуга пару башмаковъ для Пчелки.

При этихъ словахъ Трюкъ бросился къ ногамъ Пчелки и тщательно снялъ мѣрку. Но она сказала:

— Маленькій король Локъ, мнѣ нужны сію минуту красивые башмаки, которые ты обѣщаль мнѣ, и когда я ихъ надѣну, я вернусь въ Клариды къ моей матери.

— У васъ будутъ башмаки, — отвѣчалъ король Локъ, — для того, чтобы гулять въ горахъ, а не для того, чтобы вернуться домой, потому что вы не выйдете совсѣмъ изъ этого царства, гдѣ вы узнаете чудесныя тайны, какихъ не знаютъ на землѣ. Карлики мудрѣе людей, и ваше счастье, что вы попали къ нимъ.

— Это мое несчастье, — отвѣтила Пчелка. — Маленькій король Локъ, дай мнѣ лучше деревянные башмаки, какіе носятъ крестьянки, и позволь мнѣ вернуться въ Клариды.

Но король Локъ сдѣлалъ знакъ головой, который говорилъ, что это невозможно. Тогда Пчелка сложила руки и умоляющимъ голосомъ сказала:

— Маленькій король Локъ, позволь мнѣ уйти, и я буду любить тебя.

— Вы забудете обо мнѣ на освѣщенной солнцемъ землѣ.

— Маленькій король Локъ, я не забуду тебя и буду любить тебя какъ „Зефира“.

— А кто этотъ „Зефиръ“?

— Это моя буланая лошадь; у ней розовые поводя, и она ѣстъ изъ моихъ рукъ. Когда она была маленькая, Франкѣръ приводилъ ее по утрамъ въ мою комнату, и я цѣловала ее. Но теперь Франкѣръ въ Римѣ, а „Зефиръ“ такъ великъ, что не можетъ подниматься по лѣстницѣ.

Король Локъ улыбнулся:

— Пчелка, полюбите меня сильнѣе, чѣмъ вы любите вашего „Зефира“?

— Постараюсь.

— Отлично.

— Я бы очень хотѣла, но не могу; я ненавижу васъ, маленькій король Локъ, потому что вы не позволяете мнѣ увидѣть снова мою мать и Жоржа.

— Кто это Жоржъ?

— Это — Жоржъ, и я люблю его.

Склонность короля Лока къ Пчелкѣ сильно возросла въ непродолжительное время, и такъ какъ онъ надѣялся уже жениться на ней, когда она будетъ большая, и примирить черезъ нее карликовъ съ людьми, то у него явилось опасеніе, что Жоржъ станетъ его соперникомъ и разобьетъ его планы. Вотъ почему онъ нахмурилъ брови и удалился, опустивъ голову, какъ озабоченный человѣкъ.

Увидя, что она разсердила его, Пчелка тихонько тронула его за полу его плаща.

— Маленькій король Локъ,—сказала она ему печальнымъ и нѣжнымъ голосомъ,—почему мы обижаемъ другъ друга?

— Пчелка, въ этомъ виноваты обстоятельства,—отвѣтилъ король Локъ:—я не могу отвести васъ къ вашей матери, но я пошлю къ ней сновидѣнье, которое дастъ ей знать о вашей участи и утѣшить ее.

— Маленькій король Локъ, — отвѣтила Пчелка, улыбаясь сквозь слезы,—ты хорошо придумалъ, но я хочу сказать тебѣ, что еще нужно сдѣлать. Нужно каждую ночь посылать къ моей матери сновидѣнье, въ которомъ она видѣла бы меня, и ко мнѣ тоже нужно посылать каждую ночь сновидѣнье, въ которомъ я видѣла бы мою мать.

Король Локъ обѣщалъ ей это сдѣлать. Сказано — сдѣлано. Каждую ночь Пчелка видѣла свою мать, и каждую ночь герцогиня видѣла свою дочь. Это нѣсколько утѣшало ихъ.

ГЛАВА XI,

въ которой подробно описаны достопримѣчательности царства карликовъ, а также и куклы, которыя получила Пчелка.

Царство карликовъ находилось глубоко подъ землею и тянулось на большомъ пространствѣ. Хотя свѣтъ проникалъ туда только мѣстами сквозь щели въ скалѣ, однако площади, дороги, дворцы и залы этой подземной страны не были погружены въ глубокую темноту. Только нѣкоторыя комнаты и нѣсколько пещеръ оставались во мракѣ. Остальное было освѣщено не лампами и не факелами, а свѣтилами и метеорами, которые распространяли странный и фантастическій свѣтъ, и этотъ свѣтъ падалъ на невиданныя чудеса.

Огромныя зданія были высѣчены въ скалѣ, и мѣстами можно было видѣть дворцы изъ гранита такой высоты, что ихъ каменные зубцы пропадали подъ сводами глубокой пещеры въ туманѣ, пронизанномъ оранжевыми отблесками маленькихъ свѣтилъ.

Въ этомъ царствѣ были крѣпости, подавляющія своей величиной, амфитеатры, каменные уступы которыхъ образовывали полукругъ, который не могъ охватить взглядъ, и просторныя колодцы съ лѣпными стѣнками, въ которые можно было безъ конца спускаться и нельзя было достигнуть дна. Всѣ эти сооруженія, мало приспособленныя по внѣшнему виду къ росту обитателей, совершенно соответствовали ихъ пытливому и причудливому генію.

Карлики, покрытые капюшонами съ листьями папоротника, кружились вокругъ зданія съ такимъ проворствомъ, какъ будто у нихъ не было тѣла. Нерѣдко можно было видѣть, какъ нѣкоторые изъ нихъ прыгали съ высоты двухъ или трехъ этажей

на мостовую изъ лавы и снова вскакивали обратно какъ мячи. Лица ихъ сохраняли въ то же время торжественную важность, какую даетъ скульптура лицамъ великихъ людей древняго міра.

Никто не оставался празднымъ, и всѣ спѣшили работать. Цѣлые кварталы оглашались стукомъ молоточковъ; пронзительные свистки машинъ раздавались подъ сводами пещеръ. Любопытное зрѣлище представляла собою толпа рудокоповъ, кузнецовъ, золотобитовъ, ювелировъ, шлифовщиковъ алмазовъ, съ ловкостью обезьянъ владѣющихъ кирками, молотками, клещами и подпилками. Но было мѣсто болѣе тихое.

Тамъ грубыя статуи и безформенныя колонны неясно были видны въ необдѣланной скалѣ и казались созданиемъ сѣдой старины. Тамъ стоялъ массивный дворецъ съ низкими дверями, это былъ дворецъ короля Лока. Прямо противъ него стоялъ домъ Пчелки, домъ, или скорѣе домикъ, имѣющій одну только комнату, которая была обтянута бѣлой кисеей. Еловая мебель наполняла эту комнату пріятнымъ запахомъ. Черезъ расщелину въ скалѣ проникалъ сюда свѣтъ отъ неба, и въ ясныя ночи здѣсь видны были звѣзды.

У Пчелки не было собственныхъ слугъ, но весь народъ карликовъ спѣшилъ помогать ей во всемъ и предупреждать всѣ ея желанія, исключая одного желанья — вернуться на землю.

Самые ученые карлики, знающіе великія тайны, съ удовольствіемъ учили ее, но безъ книгъ, такъ какъ карлики не умѣютъ писать. Они показывали ей всѣ растенія горъ и равнинъ, различные виды животныхъ и разнообразныя камни, которые они добывали изъ земли. Они съ простодушной радостью объясняли ей наглядно на примѣрахъ диковинки природы и произведенія искусствъ. Они дѣлали ей такія игрушки,

какихъ никогда не имѣли на землѣ дѣти богатыхъ родителей, потому что эти карлики были искусны и изобрѣтали чудесные механизмы. Такъ, они надѣлали ей куколъ, которыя могли граціозно двигаться и говорить стихи. Въ маленькомъ театрѣ, сцена котораго представляла берегъ моря, голубое небо, дворцы и храмы, куклы эти давали очень интересныя представленія. Хотя ростомъ онѣ были не выше локтя, онѣ удивительно изображали—однѣ почтенныхъ старцевъ, другія мужчинъ въ расцвѣтѣ силъ или прекрасныхъ молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя туники. Между ними были также матери, прижимающія къ груди своей невинныхъ младенцевъ. И эти краснорѣчивыя куклы объяснялись и дѣйствовали на сценѣ, какъ будто ихъ волновали ненависть, любовь или честолюбіе. Онѣ ловко переходили отъ радости къ горю и были такъ естественны, что вызывали улыбку и слезы на глазахъ. Пчелка хлопала въ ладоши при этомъ зрѣлищѣ. Куклы, которыя стремились къ тираніи, внушали ей ужасъ. Наоборотъ, она чувствовала безконечную жалость къ куклѣ, бывшей нѣкогда принцессой, овдовѣвшей и попавшей въ плѣнъ. Голова ея была увѣнчана кипарисомъ, и для спасенія жизни своего ребенка она должна была выйти замужъ,—и за кого же?—за варвара, сдѣлавшаго ее вдовой.

Пчелка не уставала отъ этой игры, которую ея куклы безконечно разнообразили. Карлики давали ей концерты и научили ее играть на лютнѣ, на віоль-д'амурѣ, теорбѣ, на лирѣ и на различныхъ другихъ инструментахъ. Такимъ образомъ она стала хорошей музыкантшей, и представленія куколъ въ театрѣ помогли ей узнать людей и жизнь. Король Локъ присутствовалъ на представленіяхъ и концертахъ, но онъ не видѣлъ и не слышалъ ничего, кромѣ Пчелки, которая мало-по-малу завладѣла всею его душой.

Однако дни и мѣсяцы проходили, и годы совершали свой кругъ, а Пчелка оставалась у карликовъ, окружаемая удовольствіями и все-таки полная тоски о землѣ. Она сдѣлалась прекрасной молодой дѣвицей. Ея странная судьба оставила на ея лицѣ какой-то странный отпечатокъ, отчего оно дѣлалось еще милѣе.

Г л а в а XII,

въ которой описаны сокровища короля Локъ такъ хорошо, какъ только возможно.

Прошло ровно шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Пчелка попала къ карликамъ. Король Локъ позвалъ ее въ свой дворецъ и при ней отдалъ приказаніе своему казначею вынуть большой камень, который былъ какъ бы вмazanъ въ стѣну, но на самомъ дѣлѣ былъ только вставленъ. Они прошли втроемъ въ отверстіе, оставшееся на мѣстѣ камня, и очутились въ ущельѣ скалы, гдѣ нельзя было итти двоимъ рядомъ. Король Локъ двинулся первый впередъ по темной дорогѣ. Пчелка слѣдовала за нимъ, держалась за полу королевскаго плаща. Долго шли они. Иногда стѣны сходились такъ близко, что дѣвочка боялась застрять, ей казалось, что нельзя будетъ двинуться ни впередъ ни назадъ и придется умереть тамъ. А плащъ короля мелькалъ передъ нею на узкой и темной тропинкѣ. Наконецъ король Локъ дошелъ до бронзовой двери, открылъ ее, и вдругъ стало очень свѣтло.

— Маленькій король Локъ, — воскликнула Пчелка, — я еще не знала, что свѣтъ настолько хорошъ!

Но король Локъ, взявъ ее за руку, ввелъ въ залу, изъ которой исходилъ свѣтъ, и сказалъ:

— Посмотри!

Ослѣпленная Пчелка сначала не видѣла ничего, такъ какъ

эта огромная зала, поддерживаемая высокими мраморными колоннами, съ полу до потолка блестѣла золотомъ.

Въ глубинѣ на эстрадѣ, сдѣланной изъ сияющихъ драгоценныхъ камней, оправленныхъ золотомъ и серебромъ, ступеньки которой были покрыты удивительнымъ вышитымъ ковромъ, возвышался тронъ изъ слоновой кости и золота съ балдахиномъ изъ прозрачной эмали. По бокамъ этого трона стояли двѣ гигантскія чеканныя вазы, сдѣланныя нѣкогда лучшими художниками-карликами. Изъ этихъ вазъ стремились въ вышину два пальмовыя дерева, и каждому было по три тысячи лѣтъ. Король Локъ поднялся на этотъ тронъ и поставилъ дѣвушку по правую сторону.

— Пчелка,—сказалъ онъ,—это мои сокровища; выбирайте то, что вамъ понравится.

Солнечные лучи падали на огромные золотые щиты и отражались въ видѣ блестящихъ сноповъ. Шпаги и копья переkreщивались, и на остріяхъ ихъ горѣло пламя. На столахъ, идущихъ вдоль стѣнъ, стояли кубки, кувшины, кружки, чаши, потиры, диски, стаканы и золотые бокалы, бокалы въ видѣ роговъ изъ слоновой кости съ серебряными кольцами, огромныя бутылки изъ горнаго хрусталя, чеканныя блюда изъ золота и серебра, ларчики, ковчезцы въ видѣ церквей, зеркала, канделябры и подставки для факеловъ, одинаково удивительныя какъ по работѣ, такъ и по матеріалу, изъ котораго были сдѣланы, и курильницы, изображающія чудовищъ. На одномъ столѣ видны были шахматы изъ луннаго камня.

— Выбирайте, Пчелка,—повторилъ король Локъ.

Но, отвернувшись отъ этихъ богатствъ и поднявъ глаза вверхъ, Пчелка увидала голубое небо въ отверстіе потолка и, какъ будто понявъ, что только небесный свѣтъ придаетъ всѣмъ этимъ вещамъ ихъ блескъ, она сказала:

— Маленькій король Локъ, мнѣ хотѣлось бы подняться на землю.

Тогда король Локъ сдѣлалъ знакъ своему казначею, и тотъ поднялъ толстыя занавѣси, открылъ огромный сундукъ, весь обитый желѣзными полосами съ вырѣзною оковкою. Когда сундукъ открыли, оттуда появилась тысяча разноцвѣтныхъ лучей самыхъ различныхъ и очаровательныхъ оттѣнковъ. Каждый лучъ исходилъ отъ драгоцѣннаго камня, артистически граненаго. Король Локъ погрузилъ въ нихъ свои руки, и изъ блестящей массы появились фіолетовый аметистъ и самородный камень, изумрудъ трехъ породъ; одинъ темнозеленый, другой такъ называемый медовый, потому что онъ имѣетъ оттѣнокъ меда, третій — зеленовато-голубой, такъ называемый берилль, который приносить прекрасныя сновидѣнія; восточные топазы, рубины, прекрасные какъ кровь храбрыхъ, темноголубой сапфиръ, который называютъ мужскимъ сапфиромъ, и блѣдно-голубой — женскій сапфиръ, хризоберилль, гіацинтъ, бирюза, опаль съ переливами нѣжныя утренней зари, аквамаринъ и сирийскій гранатъ. Всѣ эти камни были самой чистой воды и прекрасныхъ цвѣтовъ. А огромные алмазы сіяли среди этихъ цвѣтныхъ огней ослѣпительнымъ бѣлымъ блескомъ.

— Выбирайте, Пчелка,—сказалъ король Локъ.

Но Пчелка покачала головою и сказала:

— Маленькій король Локъ, всѣмъ этимъ камнямъ я предпочла бы одинъ солнечный лучъ, который падаетъ на черепичную крышу замка Кларидскаго.

Тогда король Локъ велѣлъ открыть другой сундукъ, полный жемчуга. Жемчужины были круглыя и чистыя; ихъ мѣняющееся отраженіе принимало всѣ оттѣнки неба и моря, и блескъ ихъ былъ такъ нѣженъ, что казалось, въ немъ выражается мысль любви.

— Берите, — сказалъ король Локъ.

Но Пчелка отвѣчала ему:

— Маленькій король Локъ, эти жемчужины напоминаютъ мнѣ взоръ Жоржа де-Бланшеландъ; мнѣ нравятся эти жемчужины, но глаза Жоржа мнѣ нравятся больше.

Услышавъ эти слова, король Локъ отвернулся. Однако онъ велѣлъ открыть третій сундукъ и показалъ дѣвчкѣ хрусталь, въ которомъ была заключена капля воды съ первыхъ временъ міра, и, когда этотъ хрусталь трогали, видно было, какъ капля бѣгаетъ въ немъ. Онъ показалъ ей также куски янтаря, въ которыхъ миллиарды лѣтъ уже находятся насѣкомья, блестящія лучше драгоцѣнныхъ камней. Видны были ихъ хрупкія лапки и тоненькіе щупальцы, и казалось, что они снова полетятъ, если какая-нибудь сила растопила бы какъ ледъ ихъ ароматную тюрьму.

— Вотъ великія чудеса природы; я даю это вамъ, Пчелка.

Но Пчелка отвѣтила:

— Маленькій король Локъ, оставь у себя янтарь и хрусталь, потому что я не могу вернуть свободы ни мушкѣ ни каплѣ воды.

Король Локъ посмотрѣлъ на нее нѣкоторое время и сказалъ:

— Пчелка, лучшія сокровища, которыя будутъ въ вашихъ рукахъ, будутъ на своемъ мѣстѣ. Вы будете владѣть ими, а не они вами. Скупой есть рабъ своего богатства; только тотъ, кто презираетъ богатство, можетъ быть богатъ безъ страха: его душа всегда будетъ выше его сокровищъ.

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ знакъ своему казначею, который подалъ дѣвушкѣ золотую корону на подушкѣ.

— Возьмите эту драгоцѣнную вещь, какъ знакъ уваженія, которое мы питаемъ къ вамъ, Пчелка, — сказалъ король Локъ. — Отнынѣ васъ будутъ называть принцессой карликовъ.

И онъ самъ возложилъ корону на голову Пчелкѣ.

ГЛАВА XIII,

изъ которой узнають, каковъ былъ король Локъ.

Веселымъ праздникомъ почтили карлики коронаваніе ихъ первой принцессы. Игры, полныя простоты, смѣняли одна другую безъ строгаго порядка въ огромномъ амфитеатрѣ, и маленькіе человѣчки, кокетливо пришили въ капюшону вѣточку папоротника или два дубовыхъ листка, весело прыгали по подземнымъ улицамъ. Веселье продолжалось тридцать дней. Въ опьяненіи Пикъ все еще имѣлъ видъ вдохновеннаго смертнаго. Добродѣтельный Тадъ былъ упоенъ всенароднымъ счастьемъ. Нѣжный Дигъ доставилъ себѣ удовольствіе разразиться слезами. Ругъ съ радости снова просилъ посадить Пчелку въ клѣтку, чтобы карлики не боялись потерять такую очаровательную принцессу. Бобъ верхомъ на своемъ воронѣ оглашалъ воздухъ такими радостными криками, что черная птица, заразившись радостью, сама начала весело каркать.

Одинъ только король Локъ былъ печаленъ. На тридцатый же день, пригласивъ принцессу и весь народъ карликовъ на великолѣпный пиръ, онъ взошелъ на свое кресло, сталъ на него, отчего лицо его стало на уровнѣ уха Пчелки, и сказалъ:

— Принцесса Пчелка, я хочу сдѣлать вамъ предложеніе, которое вы вполнѣ свободны принять или отвергнуть. Пчелка Кларидская, принцесса карликовъ, согласны ли вы быть моей женой?

Говоря это, король Локъ, степенный и нѣжный, былъ похожъ на важнаго пуделя. Пчелка дернула его за бороду и отвѣтила ему:

— Маленькій король Локъ, я согласна быть твоей женой въ шутку, но никогда не стану твоей женой по-настоящему.

Когда ты предлагалъ мнѣ выйти за тебя замужъ, ты напомнилъ мнѣ Франкера, который, чтобы развеселить меня, когда я жила на землѣ, рассказывалъ мнѣ небылицы.

При этихъ словахъ король Локъ отвернулся, но настолько быстро, что Пчелка не замѣтила слезы, повиснувшей у него на рѣсницѣ. Тогда она стала раскаиваться, что причинила ему страданіе.

— Маленькій король Локъ,— сказала она,— я люблю тебя, какъ маленькаго короля Лока, и, если ты разсмѣшилъ меня, то въ этомъ нѣтъ ничего обиднаго для тебя, потому что Франкеръ хорошо пѣлъ и онъ могъ бы быть красивъ, не будь у него сѣдыхъ волосъ и краснаго носа.

Король Локъ отвѣтилъ ей:

— Пчелка Кларидская, принцесса карликовъ, я люблю васъ въ надеждѣ, что когда-нибудь вы полюбите меня такъ же, какъ и я васъ люблю. За мою любовь я прошу васъ только быть со мною всегда искренней.

— Я обѣщаю тебѣ это, маленькій король Локъ.

— Ну! Скажите мнѣ, Пчелка, вы любите кого-нибудь и хотите выйти за него замужъ?

— Маленькій король Локъ, я не люблю никого до такой степени.

Тогда король засмѣялся и, взявъ свой золотой кубокъ, звонкимъ голосомъ провозгласилъ здоровье принцессы карликовъ. И оглушительный крикъ поднялся изо всѣхъ глубинъ земли, такъ какъ праздничный столъ тянулся съ одного конца царства карликовъ до другого.

ГЛАВА XIV,

гдѣ разсказывается, какъ Пчелка снова увидѣла свою мать и не могла обнять ее.

Подъ своей золотой короной Пчелка стала еще задумчивѣе и печальнѣе, чѣмъ въ то время, когда волосы ея свободно разсыпались по плечамъ и когда она со смѣхомъ приходила въ кузницу карликовъ дернуть за бороду своихъ добрыхъ друзей, Пика, Тада и Дига, лица которыхъ, освѣщенные отблескомъ огня, дѣлались веселыми при ея появленіи. Добрые карлики, которые раньше держали ее у себя на колѣняхъ и называли своей Пчелкой, преклонялись теперь при встрѣчѣ съ нею и хранили почтительное молчаніе. Ей было жалко, что она перестала быть ребенкомъ, и она страдала оттого, что стала принцессой карликовъ.

Ей было неприятно встрѣчаться съ королемъ Локомъ съ тѣхъ поръ, какъ она увидѣла его плачущимъ изъ-за нея. Но она любила его за то, что онъ былъ добрый и несчастный.

Въ одинъ прекрасный день (если только можно сказать, что въ царствѣ карликовъ бываетъ день) она взяла короля Лока за руку и потащила его къ отверстию въ скалѣ, пропускающему солнечный лучъ, въ которомъ кружились золотыя пылинки.

— Маленькій король Локъ, — сказала она ему, — я страдаю. Вы король, вы любите меня, а я страдаю.

Услыхавъ эти слова прекрасной молодой дѣвушки, король Локъ отвѣчалъ:

— Я люблю васъ, Пчелка Кларидская, принцесса карликовъ, поэтому я и удержалъ васъ въ этомъ мірѣ, чтобы разсказать вамъ наши тайны, которыя важнѣе и интереснѣе всего,

что вы могли бы узнать на землѣ у людей, потому что люди не такъ способны и не такъ учены, какъ карлики.

— Да, — сказала Пчелка, — но они больше похожи на меня, нежели карлики, вотъ почему я люблю ихъ больше. Маленькій король Локъ, если вы не хотите, чтобы я умерла, позвольте мнѣ снова увидѣть мою мать.

Король Локъ удалился, не отвѣтивъ. Оставшись одна, огорченная Пчелка стала смотрѣть на лучъ свѣта, въ которомъ купается вся поверхность земли и который обливаетъ своими волнами всѣхъ живущихъ людей и даже нищихъ, бредущихъ по дорогамъ. Понемногу лучъ этотъ поблѣднѣлъ, и золотой блескъ его измѣнился на голубой свѣтъ. Ночь сошла на землю. Сквозь трещину въ скалѣ засіяла звѣздочка.

Тогда кто-то тронулъ ее за плечо, и она увидѣла короля Лока, закутаннаго въ черный плащъ. Въ рукахъ у него былъ другой плащъ, которымъ онъ одѣлъ дѣвушку.

— Идемъ, — сказалъ онъ ей.

И онъ вывелъ ее изъ подземелья. Когда она увидѣла снова деревья, качавшіяся отъ вѣтра, облака, надвигающіяся на луну, и всю прохладную и голубую ночь; когда она услышала запахъ травъ; когда воздухъ, которымъ она дышала въ дѣтствѣ, волной ворвался въ ея грудь, она глубоко вздохнула и подумала, что умереть отъ счастья.

Король Локъ взялъ ее на руки. Хотя онъ былъ совсѣмъ маленькимъ; онъ несъ ее такъ же легко, какъ перышко, и они скользили вдвоемъ по землѣ, какъ тѣни двухъ птицъ.

— Пчелка, вы увидите вашу мать. Послушайте меня. Вы знаете, что каждую ночь я посылаю вашъ образъ вашей матери. Каждую ночь она видитъ вашъ дорогой призракъ. Она улыбается ему, говоритъ съ нимъ, обнимаетъ его. Сегодня ночью я покажу ей васъ вмѣсто вашего призрака. Вы увидите

ее. Но не касайтесь ея, не говорите съ нею, потому что тогда чары будутъ разрушены, и она больше не увидитъ никогда ни васъ ни вашего призрака, котораго она не можетъ отличить отъ васъ самой.

— Ахъ! Въ такомъ случаѣ я буду благоразумна! Маленькій король Локъ... Вотъ онъ! Вотъ онъ!

Въ самомъ дѣлѣ, башня замка Кларидскаго, вся черная, возвышалась на горѣ. Едва Пчелка успѣла послать воздушный поцѣлуй любимымъ старымъ камнямъ, какъ уже увидѣла бѣгущіе валы, покрытые цвѣтушей гвоздикой, валы города Кларидскаго, и они приближались уже по склону, гдѣ въ травѣ блестѣли свѣтлячки, къ самому входу. Король Локъ легко открылъ его, потому что карликовъ, властителей металловъ, не могутъ остановить ни запоры, ни замки, ни засовы, ни цѣпи и рѣшетки.

Она поднялась по винтовой лѣстницѣ, ведущей въ комнату ея матери, и остановилась, чтобы перевести духъ.

Дверь тихо отворилась, и при свѣтѣ лампадки висѣвшей у потолка, въ религіозномъ молчаніи, которое царило въ этой комнатѣ, Пчелка увидѣла свою мать, свою похудѣвшую и поблѣднѣвшую мать съ сѣдиной на вискахъ, но казавшуюся еще болѣе прекрасной для дочери, чѣмъ въ дни, когда оно пышно одѣвалась и отважно гарцовала на лошади. Мать увидѣла ее въ это время во снѣ и хотѣла обнять ее. Дочь, смѣясь и рыдая, хотѣла броситься въ ея объятія, но король Локъ удержалъ ее отъ этого порыва и отнесъ какъ соломинку черезъ синѣющія поля въ царство карликовъ

Г Л А В А XV,

изъ когорой узнають о великомъ страданіи короля Лока.

Сидя на гранитныхъ ступенькахъ подземнаго дворца, Пчелка опять смотрѣла на синее небо сквозь разсѣлину скалы. Тамъ бузина протягивала къ свѣту свои цвѣты какъ бѣлые зонтики. Пчелка заплакала. Король Локъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— О чемъ-вы плачете, Пчелка, и чего вы желаете?

И, такъ какъ она была грустна уже нѣсколько дней, то карлики сидѣли у ея ногъ и наигрывали наивныя арійки на флейтѣ, свирѣли, дудкахъ и цимбалахъ. Другіе карлики, чтобы угодить ей, такъ кувыркались, что одинъ за другимъ падали въ траву остріемъ своихъ калпачковъ, украшенныхъ кокардой изъ листьевъ, и ничто не могло быть забавнѣе игръ этихъ маленькиихъ человѣчковъ съ бородами отшельниковъ.

Добродѣтельный Тадъ, чувствительный Дигъ, которые полюбили ее съ того самаго дня, когда увидѣли ее спящей на берегу озера, и Пикъ, старый поэтъ, нѣжно брали ее за руку и умоляли довѣрить имъ тайну ея печали. По, который былъ недалекаго ума, но справедливый, принесъ ей въ корзинѣ винограду, и всѣ они, теребя ее за подолъ юбки, повторяли вмѣстѣ съ королемъ Локомъ:

— Пчелка, принцесса карликовъ, о чемъ вы плачете?

Пчелка отвѣтила:

— Маленькій король Локъ и вы всѣ, маленькіе человѣчки, моя скорбь увеличиваетъ вашу любовь, потому что вы добры. Вы плачете, когда я плачу. Знайте же, я плачу, думая о Жоржѣ де-Бланшеландѣ, который теперь, навѣрное, сталъ храбрымъ рыцаремъ и котораго я не увижу больше. Я люблю его и хочу вытти за него замужъ.

Король Локъ взялъ свою руку изъ руки Пчелки и сказалъ:
— Пчелка, зачѣмъ вы обманули меня, сказавъ мнѣ на пиру,
что вы никого не любите?

Пчелка отвѣчала:

— Маленькій король Локъ, я не обманывала тебя на пиру. Тогда я еще не желала вытти замужъ за Жоржа де-Бланшеландъ, и это только теперь самое сильное желаніе мое, чтобы онъ попросилъ меня стать его женой. Но онъ никогда не сдѣлаетъ этого, потому что я не знаю, гдѣ онъ, и потому что онъ не знаетъ, гдѣ найти меня. Вотъ почему я плачу.

При этихъ словахъ музыканты перестали играть на своихъ инструментахъ. Прыгуны перестали скакать и остались неподвижными, кто вверхъ ногами, кто сидя. Тадъ и Дигъ оросили своими тихими слезами рукава Пчелки. Простодушный По уронилъ корзину съ виноградомъ, и всѣ маленькіе человѣчки разразились ужасными воплями.

Но король карликовъ подъ своей короной, сіяющей драгоценными камнями, огорченный больше всѣхъ другихъ, удалился, не сказавъ ни слова, и плащъ его тащился за нимъ какъ пурпурный потокъ.

ГЛАВА XVI,

въ которой излагаются слова ученаго Нура, бывшаго причиной небывалой радости для маленькаго короля Лока.

Король Локъ не обнаружилъ своей слабости передъ молодой дѣвушкой; но когда онъ остался одинъ, онъ сѣлъ на полъ, обнялъ колѣни и отдался своему горю.

Онъ былъ ревнивъ и думалъ:

„Она любить и любить не меня! Однако, я — король и обладаю знаніями, и у меня есть сокровища, я знаю чудесныя

тайны, я лучшій изъ всѣхъ карликовъ, которые всѣ лучше людей. Она не любитъ меня и любитъ молодого человѣка, у котораго нѣтъ знаній карликовъ и, можетъ быть, нѣтъ вовсе никакихъ знаній. Конечно, она не цѣнитъ достоинствъ и не умѣетъ разсуждать. Я долженъ былъ бы смѣяться надъ ея недомыслѣмъ, но я люблю ее, и ничто мнѣ не мило, потому что она не любитъ меня“.

Много дней король Локъ бродилъ одинъ въ самыхъ дикихъ ущельяхъ горы, и грустныя, а подчасъ и дурныя мысли вертѣлись у него въ головѣ. Онъ мечталъ принудить Пчелку голодомъ и лишеніемъ свободы стать его женой. Но, прогнавъ эту мысль почти тотчасъ же, какъ она появилась, онъ намѣревался итти отыскивать молодую дѣвушку и броситься къ ея ногамъ. Но и на этомъ рѣшеніи онъ не остановился и не зналъ, что дѣлать. Король Локъ справедливо рѣшилъ, что не въ его силахъ заставить Пчелку полюбить его. Гнѣвъ его обрушился вдругъ на Жоржа де-Бланшеландъ. Ему хотѣлось, чтобы какой-нибудь волшебникъ похитилъ этого молодого человѣка и унесъ его далеко, или, по крайней мѣрѣ, если онъ и узнаетъ о любви Пчелки, то чтобы отвергъ ее.

И король думалъ:

„Хотя я и не старъ, я жилъ достаточно долго, для того чтобы испытать иногда страданія. Но мои самыя глубокія страданія не были такими жестокими, какъ тѣ, которыя я испытываю теперъ. Любовь или жалость, которыя были причиной моихъ страданій, примѣшивали къ нимъ какую-то небесную сладость. Но теперъ, наоборотъ, я чувствую, что моя печаль полна мерзости и злости, какъ дурное желаніе. Душа моя пустынна, и глаза мои залиты слезами, которыя жгутъ ихъ какъ кислота.“

Такъ думалъ король. И, боясь, что ревность сдѣлаетъ его

несправедливымъ и злымъ, онъ избѣгалъ встрѣчи съ молодой дѣвушкой, чтобы помимо своего желанія не обратиться къ ней съ жестокими словами.

Однажды, когда мысль о любви Пчелки къ Жоржу мучила его больше, чѣмъ обыкновенно, онъ рѣшилъ посоветоваться съ Нуромъ, который былъ самый ученый изъ всѣхъ карликовъ и жилъ на днѣ колодца, вырытаго въ нѣдрахъ земли.

Этотъ колодецъ имѣлъ то преимущество, что температура въ немъ была ровная и умѣренная. Онъ не былъ темень, такъ какъ два свѣтила, блѣдное солнце и красная луна освѣщали попеременно всѣ части колодца. Король Локъ спустился въ этотъ колодецъ и нашелъ Нура въ его лабораторіи. На видъ Нуръ казался добрымъ старымъ маленькимъ человѣкомъ и носилъ на капюшонѣ вѣточку богородской травы. Несмотря на свою ученость, въ немъ сохранилось простодушіе и искренность его племени.

— Нуръ, — сказалъ ему король Локъ, обнимая его, — я пришелъ къ тебѣ за совѣтомъ, потому что ты ученый.

— Король Локъ, — отвѣтилъ Нуръ, — я могъ бы знать многое, и это не помѣшало бы мнѣ остаться глупцомъ. Но изъ безчисленнаго множества вещей, которыхъ я не знаю, я могу узнавать то, что мнѣ требуется, и вотъ почему я слышу за ученаго.

— Ну, — сказалъ король, — знаешь ли ты, гдѣ находится въ настоящее время одинъ молодой человѣкъ по имени Жоржъ де-Бланшеландъ.

— Не знаю и никогда не интересовался этимъ, — отвѣчалъ Нуръ. — Я знаю, насколько люди невѣжественны, глупы и злы, и потому мнѣ было мало дѣла до того, что они дѣлаютъ и что думаютъ. Чтобы имѣть понятіе о жизни этого гордаго и

ничтожнаго племени, нужно знать, что среди нихъ бываютъ храбрые мужчины, прекрасныя женщины и невинныя дѣти, но все человѣчество жалко и смѣшно. Вынужденные, какъ и карлики, работать для того, чтобы существовать, люди возстали противъ этого божественнаго закона, и, не будучи такими веселыми рабочими, какъ мы, они предпочитаютъ войну труду и взаимоистребленіе — взаимопомощи. Но, чтобы быть справедливымъ, нужно знать, что краткость ихъ жизни есть главная причина ихъ невѣжества и звѣрства. Они слишкомъ мало живутъ для того, чтобы научиться жить. Племя карликовъ, живущихъ подъ землей, лучше и счастливѣе ихъ. Если мы не безсмертны, то, по крайней мѣрѣ, каждый изъ насъ проживаетъ столько же, сколько и земля, которая держитъ насъ въ своихъ нѣдрахъ и согрѣваетъ насъ своимъ внутреннимъ, плодотворнымъ тепломъ, тогда какъ для людей, живущихъ на ея грубой корѣ, у земли есть только дуновение, то палящее, то леденящее, носящее вѣяніе смерти и жизни въ одно и то же время. Во всякомъ случаѣ своему ничтожеству и злости люди обязаны той добродѣтели, которая дѣлаетъ души нѣкоторыхъ изъ нихъ прекраснѣе души карликовъ. Свѣтъ этой добродѣтели сіяетъ для мысли такъ, какъ для зрѣнія пріятный блескъ жемчуга, о, король Локъ, это — состраданіе. Состраданіе учить этому, а карлики мало знаютъ его, потому что, будучи мудрѣе людей, они не испытываютъ столько муки. Вотъ почему карлики выходятъ иногда изъ глубокихъ гротовъ на суровую поверхность земли и вступаютъ въ общеніе съ людьми, чтобы любить ихъ, страдать съ ними и изъ-за нихъ испытывать такимъ образомъ состраданіе, которое освѣщаетъ душу какъ небесная роса. Вотъ настоящая правда о людяхъ, король Локъ; но, кажется, ты меня спрашивалъ о судьбѣ одного изъ нихъ?

Король Локъ повторилъ свой вопросъ. И старый Нуръ посмотрѣлъ въ одно изъ зрительныхъ стеколъ, которыя заполняли комнату. У карликовъ нѣтъ книгъ. Тѣ книги, которыя иногда бываютъ у нихъ, попадаютъ отъ людей и служить игрушками. Для того, чтобы узнать что-нибудь, они не справляются, какъ мы, по знакамъ на бумагѣ, — они смотрятъ въ зрительныя стекла и видятъ тамъ интересующій ихъ предметъ. Трудно только подыскать соответствующее стекло и управлять имъ какъ слѣдуетъ.

Есть стекла изъ хрусталя, есть изъ топаза и опала; но самыя сильныя тѣ, которыя сдѣланы изъ большого шлифованнаго алмаза, и черезъ нихъ можно увидѣть предметы на очень далекомъ разстояніи.

У карликовъ есть еще увеличительныя стекла изъ прозрачной массы, неизвѣстной людямъ. Благодаря имъ, взоръ можетъ проникать, какъ сквозь стекло, сквозь стѣны и скалы. Другія, еще болѣе сильныя, изображаютъ такъ отчетливо, какъ зеркало, все то, что унесло съ собою время, потому что карлики въ ихъ пещерахъ умѣютъ вызывать изъ эфира свѣтъ прошлыхъ дней, формы и цвѣта минувшихъ временъ. Они созерцаютъ прошлое, собирая блестящіе лучи, которые, преломившись нѣкогда въ формѣ человѣка, животнаго или растенія или каменныхъ горъ, отражаются вѣками въ эфирѣ.

Старый Нуръ отличался умѣніемъ вызывать изображенія лицъ, жившихъ въ древности, и даже тѣхъ, которыя жили до того времени, когда земля приняла настоящій видъ. Поэтому найти Жоржа де-Бланшеланда было для него просто шуткой.

Посмотрѣвъ не болѣе минуты въ одно стекло, совсѣмъ простое, онъ сказалъ королю Локу:

— Король Локъ, тотъ, кого ты ищешь, находится у ундинъ, въ хрустальномъ замкѣ, откуда никогда не возвращаются

и радужныя стѣны котораго граничатъ съ твоимъ государствомъ.

— Онъ тамъ? Пусть онъ остается тамъ! — закричалъ король Локъ, потирая руки. — Желая ему всего хорошаго.

И, обнявъ стараго Нура, онъ вышелъ изъ колодца, разражаясь хохотомъ.

Всю дорогу онъ держался за животъ и хохоталъ во всю мочь: голова его тряслась отъ смѣха, борода прыгала по животу. — Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! — Маленькіе человѣчки, которые встрѣчались ему на пути, изъ сочувствія принимались хохотать какъ онъ. Увидѣвъ ихъ смѣющимися, другіе тоже смѣялись. Хохотъ разносился все дальше и дальше, какъ будто вся преисподняя земли всколыхнулась отъ какого-то необыкновенно веселаго треска. Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

ГЛАВА XVII,

въ которой разсказывается о чудесномъ приключеніи Жоржа де-Бланшеландъ.

Недолго хохоталъ король Локъ, наоборотъ, когда онъ ложился спать, то изъ-подъ его одѣяла смотрѣло совсѣмъ грустное лицо несчастнаго маленькаго человѣка. Думая о Жоржѣ де-Бланшеландѣ, плѣнникѣ ундинѣ, онъ не могъ спать всю ночь. И какъ только наступилъ часъ, когда нѣкоторые карлики идутъ на фермы доить коровъ — вмѣсто своихъ пріятельницъ-служанокъ, которыя еще крѣпко спятъ въ это время въ своихъ бѣлыхъ постеляхъ, — король Локъ отправился опять къ ученому Нуру въ его глубокой колодець.

— Нуръ, — сказалъ онъ, — ты не разскажь мнѣ, что онъ тамъ дѣлалъ у ундинѣ.

Старый Нуръ подумаль, что король сошелъ съ ума и это его не испугало, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что если бы король Локъ лишился разсудка, то изъ него вышелъ бы ласковый, умный, любезный и добрый сумасшедшій. Безуміе карликовъ такъ же пріятно, какъ и ихъ умъ, и полно восхитительной фантазіи. Но король Локъ не былъ сумасшедшимъ, по крайней мѣрѣ, не больше того, насколько бываютъ ими обыкновенно влюбленные.

— Я говорю о Жоржѣ де-Бланшеландѣ, — сказалъ онъ старику, который самымъ основательнымъ образомъ забылъ этого молодого человѣка.

Тогда ученый Нуръ установилъ въ должный порядокъ (но такой запутанный, что онъ имѣлъ видъ безпорядка) увеличительныя стекла и зеркала, и въ одномъ зеркалѣ онъ показалъ королю Локу подлинное изображеніе Жоржа де-Бланшеландѣ, какимъ онъ былъ въ то время, когда его похитили ундины. Благодаря удачному выбору приборовъ и умѣлому управленію ими, карликъ показалъ влюбленному королю изображенія всѣхъ приключеній сына той графини, которой бѣлая роза предсказала ея конецъ. И если нужно передать то, что видѣли два маленькіе человѣка, то можно передать такъ.

Когда Жоржъ былъ схваченъ ледяными руками водяныхъ дѣвушекъ, онъ почувствовалъ, что вода проникаетъ ему въ глаза и грудь, и ему показалось, что онъ умираетъ. Въ то же время онъ услыхалъ пѣсни, похожія на поцѣлуи, и пріятная прохлада охватила его. Когда онъ открылъ глаза, онъ увидѣлъ цвѣта радуги. Въ глубинѣ этого грота стоялъ тронъ царицы ундины изъ коралловъ и водорослей, и огромная перламутровая раковина съ самыми пріятными радужными оттѣнками служила балдахиномъ для этого трона. На лицѣ владычицы водъ были отблески еще болѣе нѣжные, чѣмъ на перламутрѣ и хрусталѣ.

Она улыбалась ребенку, котораго привели къ ней женщины, и остановила на немъ свои зеленые глаза

— Другъ, — сказала она, наконецъ, — добро пожаловать въ нашъ мѣръ, гдѣ оставляютъ тебя всѣ страданія. У тебя не будетъ ни бесплодныхъ чтеній, ни трудныхъ упражненій, ничего грубаго, что напомнило бы тебѣ землю и земные труды. Тутъ будутъ только пѣсни, танцы и любовь ундиновъ.

И въ самомъ дѣлѣ женщины съ зелеными волосами научили его музыкѣ и танцамъ и тысячѣ другихъ забавъ. Онѣ любили украшать его голову раковинами, которыми были усѣяны ихъ волосы. Но онъ думалъ о своей родинѣ и отъ нетепрѣнія кусалъ кулаки.

Годы шли, а Жоржъ съ неизмѣннымъ жаромъ желалъ снова увидѣть землю, грубую землю, которую палитъ солнце, засыпаетъ снѣгъ, родную землю, гдѣ страдаютъ, гдѣ любятъ, землю, гдѣ онъ увидѣлъ и снова хотѣлъ видѣть Пчелку. Однако онъ сталъ взрослымъ мальчикомъ, и нѣжный пушокъ покрывалъ его верхнюю губу. Отвага появилась у него вмѣстѣ съ усами. Однажды онъ предсталъ предъ царицей ундиновъ и сказалъ ей:

— Сударыня, я пришелъ взять у васъ отпускъ; если вы соблаговолите позволить мнѣ, я возвращаюсь въ Клариды.

— Милый другъ, — отвѣчала царица, улыбаясь, — я не могу дать вамъ отпускъ, который вы просите, потому что я держу васъ въ своемъ хрустальномъ дворцѣ для того, чтобы сдѣлать васъ своимъ другомъ.

— Сударыня, — отвѣтилъ Жоржъ, — я считаю себя недостойнымъ такой высокой чести.

— Это вы говорите изъ учтивости. Всякій добрый рыцарь думаетъ, что онъ не заслужилъ любви своей дамы. Къ тому же вы еще слишкомъ молоды, чтобы знать всѣ ваши достоинства.

Знайте, милый другъ, что вамъ желаютъ только добра. Пови- нуйтесь лишь вашей дамѣ.

— Сударыня, я люблю Пчелку Кларидскую и не желаю другой дамы, кромѣ нея.

Царица поблѣднѣла, отчего стала еще прекраснѣе, и за- кричала:

— Смертная дѣвушка, грубая жительница земли — эта Пчелка, какъ можно любить такую?

— Я не знаю, я знаю только, что я люблю ее.

— Хорошо. Это пройдетъ у васъ.

И она оставила молодого человѣка въ своемъ хрустальномъ замкѣ и снова окружила его утѣхами.

Онъ не зналъ еще, что значить женщина, и былъ похожъ больше на Ахиллеса среди дочерей Ликомеда, чѣмъ на Тангейзера въ зачарованномъ замкѣ. Поэтому онъ печально бродилъ вдоль стѣнъ огромнаго дворца и искалъ выхода, чтобы убѣжать, но со всѣхъ сторонъ великолѣпнаго царства нѣмыя волны запирали его свѣтлую тюрьму. Сквозь прозрачныя стѣны онъ видѣлъ цвѣтушіе морскіе анемоны и кораллы: надъ нѣжными кораллами и блестящими раковинами плавали красныя, голубыя и золотыя рыбы, и отъ ударовъ ихъ хвоста разсыпались искры. Эти чудеса не трогали его. Но подъ звуки сладкихъ пѣсень ундины онъ чувствовалъ, что воля его мало-помалу засыпала и душа ослабѣвала.

Онъ чувствовалъ себя слабымъ и равнодушнымъ, когда случайно въ одной изъ дворцовыхъ галлерей нашель старую книгу, совсѣмъ истрепанную, въ переплетѣ изъ свиной кожи, съ тяжелыми мѣдными украшеніями. Въ этой книгѣ, попавшей сюда во время кораблекрушенія, описывались рыцари и дамы и пространно рассказывалось о приключеніяхъ героевъ, кото- рые ѣздили по землѣ, побѣждая великановъ, возстановляя

праведливость, защищая вдовъ и сиротъ изъ любви къ справедливости и въ честь красоты. Жоржъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ отъ удивленія, стыда и гнѣва, читая объ этихъ замѣчательныхъ похожденіяхъ. Онъ не могъ сдержаться:

— Я тоже буду хорошимъ рыцаремъ, я тоже буду ѣздить по землѣ, наказывая злыхъ и помогая несчастнымъ для блага людей и во имя дамы моей, Пчелки.

Тогда сердце его исполнилось отвагой, и съ обнаженной шпагой онъ бросился изъ хрустальнаго жилища. Бѣлыя женщины разбѣжались и разсѣялись на его глазахъ, какъ серебряныя волны озера. Одна только царица безъ смущенія встрѣтила его, она посмотрѣла на него холоднымъ взглядомъ своихъ зеленыхъ зрачковъ.

Онъ подбѣжалъ къ ней и крикнулъ:

— Сними чары, которыя окружаютъ меня. Открой мнѣ путь на землю. Я хочу сражаться при свѣтѣ солнца какъ рыцарь. Я хочу вернуться туда, гдѣ любятъ, гдѣ страдаютъ, гдѣ борются. Верни мнѣ настоящую жизнь и настоящий свѣтъ. Верни мнѣ мою силу, или я убью тебя, злая женщина!

Она, улыбаясь, покачала отрицательно головой. Она была прекрасна и спокойна. Жоржъ ударилъ ее изо всѣхъ силъ, но шпага его сломалась о сверкающую грудь царицы ундины.

— Дитя, — сказала она.

И она приказала запереть его въ темницу, которая имѣла видъ воронки и находилась подъ хрустальнымъ замкомъ. Вокругъ этой темницы сновали акулы, открывая свои чудовищныя пасти съ тремя рядами острыхъ зубовъ, и казалось, что каждое мгновеніе онѣ могутъ пробить тонкую стеклянную стѣнку, такъ что нельзя было уснуть въ этой странной темницѣ.

Острый конецъ этой подводной воронки опирался на ска-

листое дно, которое служило сводомъ самой отдаленной и менѣе извѣстной пещеры въ царствѣ карликовъ.

Вотъ что увидѣли два маленькіе человѣчка въ одинъ часъ и такъ достовѣрно узнали, какъ будто они слѣдили не переставая за жизнью Жоржа. Показавъ печальную сцену въ темницѣ, старый Нуръ сказалъ королю Локу почти такъ, какъ говорятъ фокусники маленькимъ дѣтямъ послѣ того, какъ покажутъ имъ волшебный фонарь:

— Король Локъ, я показалъ все то, что ты желалъ видѣть, и ничего больше не могу прибавить къ тѣмъ совершеннымъ свѣдѣніямъ, которыя ты имѣешь. Не мое дѣло знать, понравилось ли тебѣ то, что ты видѣлъ, съ меня довольно сознанія, что это правда. Наука не заботится о томъ, чтобы понравиться или не понравиться. Она безжалостна. Не наука, а поэзія радуется и утѣшаетъ. Вотъ почему поэзія болѣе необходима, чѣмъ наука. Локъ, иди и прикажи спѣть тебѣ пѣсню.

Король Локъ вышелъ изъ колодца, не сказавъ ни одного слова.

Г л а в а XVIII,

въ которой король Локъ совершаетъ ужасное путешествіе.

Выйдя изъ колодца науки, король Локъ отправился въ свою сокровищницу, взялъ перстень въ одномъ сундукѣ, отъ котораго ключъ былъ только у него одного, и надѣлъ его себѣ на палецъ. Камень этого перстня бросалъ яркій блескъ, такъ какъ это былъ волшебный камень, и свойства его стануть извѣстны изъ продолженія этого разсказа. Затѣмъ царь Локъ вернулся, опять надѣлъ свой дорожный плащъ и ботфорты и взялъ палку. Онъ пустился въ путь черезъ многолюдныя улицы, большія дороги, селенія, галереи изъ порфира, черезъ озера

нефти и хрустальные гроты, которые сообщались между собою узкими отверстиями.

Онъ былъ точно во снѣ и произнесъ слова, не имѣющія смысла. Но онъ упрямо шель. Горы загораживали ему дорогу, онъ взбирался на горы: пропасти открывались подъ его ногами, онъ опускался въ пропасти, онъ шель бродомъ, онъ проходилъ ужасныя мѣста, затуманенныя сѣрными испареніями. Онъ шель по горячей лавѣ, на которой оставались слѣды отъ его ногъ. У него былъ видъ необыкновенно настойчиваго путешественника. Онъ увязалъ въ темныхъ пещерахъ, въ которыя просачивалась морская вода капля за каплей и текла какъ слезы по водорослямъ и скоплялась на неровной почвѣ въ небольшія озера, гдѣ кишѣли ракообразныя животныя. Огромные крабы, гигантскіе лангусты и омары, морскіе пауки хрустѣли подъ ногами карлика, они разбѣгались, оставляя нѣсколько своихъ лапокъ, и пробуждали своимъ бѣгствомъ отвратительныхъ мечехвостовъ, столѣтнихъ спрутовъ, которые вдругъ поднимали свои сто ногъ и изрыгали изъ ртовъ зловонный ядъ. Царь Локъ все продолжалъ итти одинъ. Онъ пробирался сквозь груды чудовищъ въ бронѣ, усѣянной остріями; у чудовищъ этихъ были клешни съ двойными зазубринами, лапы, хватавшія его за шею, и мрачно свѣтившіеся выпученные глаза. Онъ вскарабкался на стѣну пещеры, уцѣпившись за неровность скалы, и чудовища въ бронѣ стали подниматься за нимъ. Онъ остановился лишь послѣ того, какъ узналъ наощупь камень, выступающій изъ естественнаго свода скалы. Своимъ волшебнымъ перстнемъ онъ коснулся этого камня, который съ ужаснымъ грохотомъ обрушился, и тотчасъ потокъ свѣта залилъ своими волнами пещеру и обратилъ въ бѣгство животныхъ, выросшихъ во мракѣ.

Просунувъ голову въ отверстіе, изъ котораго исходилъ свѣтъ, король Локъ увидѣлъ Жоржа де-Бланшеландъ, который

гореваль въ своей стеклянной тюрьмѣ, думая о Пчелкѣ и о землѣ. Король Локъ совершилъ это путешествіе для того, чтобы освободить плѣнника ундинъ. Но, увидѣвъ со дна своей стеклянной воронки эту большую лохматую и бородатую голову съ нахмуренными бровями, Жоржъ рѣшилъ, что ему угрожаетъ большая опасность, и сталъ искать около себя свою шпагу, забывъ, что она сломалась о грудь женщины съ зелеными глазами. Между тѣмъ король Локъ съ любопытствомъ разсматривалъ его.

— Фи! — сказалъ онъ, — да это еще ребенокъ.

И дѣйствительно это былъ еще ребенокъ, очень наивный, и своей наивности онъ былъ обязанъ тѣмъ, что избѣжалъ сладкихъ и смертоносныхъ поцѣлуевъ царицы ундинъ. Самъ Аристотель со всей своей ученостью не отдѣлался бы такъ дешево отъ нихъ.

Почувствовавъ себя беззащитнымъ, Жоржъ сказалъ:

— Что тебѣ нужно, большая голова? За что ты хочешь сдѣлать мнѣ зло, если я тебѣ никогда не сдѣлалъ зла?

Суровымъ и въ то же время веселымъ тономъ король Локъ отвѣчалъ:

— Милый мой, вы не можете знать, сдѣлали мнѣ зло или нѣтъ, потому что вы не умѣете ни думать ни разсуждать и вообще вы чужды философіи. Но не будемъ говорить объ этомъ. Если вы ничего не имѣете противъ того, чтобы выйти изъ вашей воронки, то идите сюда.

Жоржъ тотчасъ же нырнулъ въ пещеру, скользнулъ по стѣнкѣ и, какъ только очутился внизу, сказалъ своему освободителю:

— Вы честный маленькій человекъ, я буду любить васъ всю мою жизнь, но не знаете ли вы, гдѣ находится Пчелка Кларидская?

— Я знаю многое,— отвѣтилъ король-карликъ,— и особенно знаю то, что не люблю, когда ко мнѣ пристають съ вопросами.

Услыхавъ эти слова, Жоржъ очень смутился и молча послѣдовалъ за своимъ проводникомъ во мракъ и тяжеломъ воздухѣ, гдѣ копошились спруты и ракообразныя животныя. Тогда король Локъ сказалъ ему съ насмѣшкой:

— Дорожка не очень-то удобная, мой молодой принцъ!

— Господинь,— отвѣтилъ ему Жоржъ,— всякая дорога къ свободѣ прекрасна, и я не боюсь заблудиться, слѣдуя за моимъ благодѣтелемъ.

Маленькій король Локъ прикусилъ язычокъ. Когда они дошли до порфировой галлерей, онъ показавъ молодому человеку лѣстницу въ скалѣ, сдѣланную карликами для того, чтобы подниматься на землю.

— Вотъ ваша дорога,— сказалъ онъ ему,— прощайте!

— Не говорите мнѣ „прощайте“,— отвѣтилъ Жоржъ,— позвольте мнѣ увидѣться съ вами. Моя жизнь принадлежитъ вамъ послѣ того, что вы сдѣлали для меня.

Король Локъ отвѣтилъ:

— То, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ не для васъ, а для другой особы. Лучше было бы намъ совсѣмъ не видѣться, потому что мы никогда не полюбимъ другъ друга.

Жоржъ отвѣтилъ серьезно и добродушно:

— Я не думалъ, что мое освобожденіе причинитъ мнѣ страданіе. Однако это случилось. Прощайте, сударь!

— Добрый путь,— закричалъ король суровымъ голосомъ.

А лѣстница карликовъ кончалась въ одной заброшенной каменоломнѣ, меньше чѣмъ въ одной милѣ отъ замка Кларидскаго.

Король Локъ снова шель своей дорогой и ворчалъ:

— Этотъ мальчикъ не обладаетъ ни знаніемъ ни богатствомъ карликовъ; не знаю, право, за что любитъ его Пчелка, если только не за то, что онъ молодъ, красивъ, вѣренъ и честенъ.

Онъ возвратился въ городъ, посмѣиваясь, какъ челоуѣкъ, который подшутилъ надъ кѣмъ-нибудь. Проходя мимо дома Пчелки, онъ просунулъ свою большую голову въ окно такъ же, какъ въ стеклянную воронку, увидѣлъ молодую дѣвушку, которая вышивала покровъ серебряными цвѣтами.

— Будьте веселы, Пчелка,—сказалъ онъ ей.

— А я желаю тебѣ, маленькій король Локъ,—отвѣтила Пчелка,—не имѣть никакихъ желаній или, по крайней мѣрѣ, чтобы тебѣ нечего было жалѣть.

Правда, жалѣть ему было не о чемъ, но онъ очень желалъ кое-чего. Съ этой мыслью онъ поужиналъ съ большимъ аппетитомъ. Съѣвъ большое количество фазановъ съ трюфелями, онъ позвалъ Боба.

— Бобъ,—сказалъ онъ ему,—садись на твоего ворона, найди нашу принцессу и скажи ей, что Жоржъ де-Бланшеландъ, который долго былъ плѣнникомъ ундины, сегодня вернулся въ Клариды.

Сказалъ, и Бобъ улетѣлъ на своемъ воронѣ.

Г л а в а XIX,

КОТОРАЯ ПОВѢСТВУЕТЪ О ЧУДЕСНОЙ ВСТРѢЧѢ ЖОРЖА СЪ ПОРТНЫМЪ ЖАНОМЪ И О ПѢСЕНКѢ, КОТОРУЮ ПѢЛИ ГЕРЦОГИНѢ ПТИЧКИ ВЪ РОЩѢ.

Когда Жоржъ очутился снова въ замкѣ, гдѣ онъ родился, то первое лицо, которое онъ встрѣтилъ, былъ старый портной Жанъ. Онъ несъ красную одежду управляющему замкомъ. Добрякъ, увидѣвъ молодого господина, закричалъ:

— Святой Иаковъ! — если вы не господинъ Жоржъ де-Бланшеландъ, который утонулъ въ озерѣ семь лѣтъ тому назадъ, то вы его душа или самъ дьяволъ!

— Я не душа и не дьяволъ, добрый мой Жанъ, но тотъ самый Жоржъ де-Бланшеландъ, который когда-то заходилъ къ вамъ въ лавочку и просилъ у васъ маленькихъ кусочковъ сукна для того, чтобы сшить изъ нихъ платья для куколъ моей Пчелки.

Но простоватый Жанъ воскликнулъ:

— Такъ, значить, вы не утонули, господинъ? Какъ я радъ! У васъ очень хороший видъ. Мой внукъ Пьеръ, котораго я поднималъ на руки, чтобы онъ могъ увидѣть васъ, когда вы проѣзжали верхомъ рядомъ съ герцогиней, утромъ въ воскресенье, теперь сталъ хорошимъ рабочимъ и красивымъ молодцомъ. Слава Богу онъ именно таковъ, какъ я вамъ говорю. Онъ будетъ доволенъ, когда узнаетъ, что вы не на днѣ озера и что васъ не съѣли рыбы, какъ онъ предполагалъ. У него привычка рассказывать на эту тему забавныя вещи, такъ какъ онъ очень остроуменъ, сударь мой. А что всѣ о васъ горюють въ Кларидахъ, такъ это истинная правда. Въ дѣтствѣ вы много обѣщали. До послѣдняго моего вздоха я не забуду, какъ вы у меня просили иголку, и когда я отказалъ вамъ въ этомъ, потому что вы были въ такомъ возрастѣ, когда очень опасно давать иголки въ руки, то вы сказали, что пойдете въ лѣсъ и нарвете себѣ прекрасныхъ зеленыхъ иголокъ съ елки. Такъ и сказали, и я до сихъ поръ смѣюсь, какъ вспомню. Клянусь честью! вы сказали такъ. Нашъ маленькій Пьеръ тоже былъ находчивъ на отвѣты. Онъ теперь бондарь, къ вашимъ услугамъ, сударь.

— Я буду брать только его и никого другого. Но расскажи мнѣ, Жанъ, что ты знаешь о Пчелкѣ и герцогинѣ.

— Ахъ! откуда вы пришли, сударь мой, если не знаете, что принцесса Пчелка похищена семь лѣтъ тому назадъ горными карликами? Она исчезла въ тотъ же день, когда вы утонули. Можно сказать, что въ тотъ день Клариды лишились своихъ самыхъ милыхъ двухъ цвѣтковъ. Герцогиня наложила по этому поводу глубокой трауръ. Это заставляетъ меня сознать, что сильные міра сего такъ же страдаютъ, какъ и самые ничтожные мастеровые, это знакъ того, что всѣ мы дѣти Адама. Вслѣдствіе чего, какъ говорится, и собака можетъ смотрѣть на епископа. И это подтверждаетъ то, что герцогиня посѣдѣла и перестала быть веселой. А когда весною она гуляетъ въ своемъ черномъ платьѣ по грабиновой аллеѣ, гдѣ поютъ птицы, самая маленькая птичка кажется счастливѣе владычицы Кларидской. Однако скорбь ея не была совсѣмъ безнадежна, сударь мой, потому что, если она не имѣла извѣстій о васъ, то по крайней мѣрѣ, благодаря сновидѣніямъ, она знаетъ, что Пчелка жива.

Добрякъ сталъ рассказывать объ этомъ и еще о многомъ другомъ, но Жоржъ не слушалъ его съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что принцесса въ плѣну у карликовъ.

Онъ думалъ:

„Карлики держатъ Пчелку подъ землей. Карликъ освободилъ меня изъ моей хрустальной тюрьмы. Эти маленькіе люди не всѣ одинаковы. Мой освободитель, разумѣется, не принадлежитъ къ этому племени, къ какому принадлежать тѣ, что похитили мою сестру“.

Онъ не могъ ни о чемъ думать, кромѣ освобожденія Пчелки.

Они проходили городомъ, и кумушки, стоявшія на порогѣ своихъ дверей, спрашивали другъ друга, кто этотъ молодой иностранецъ, и всѣ соглашались, что видъ у него прекрасный.

Нѣкоторыя изъ нихъ узнали Жоржа де-Бланшеландъ и рѣшили, что это привидѣніе. Онѣ разбѣжались, остѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

— Нужно окропить его святой водой,— сказала одна старуха,— и онѣ исчезнетъ, оставивъ послѣ себя отвратительный запахъ сѣры. Онѣ ведетъ Жана и непременно ввергнетъ его живымъ въ адъ.

— Тише, старуха,— сказалъ одинъ мѣщанинъ,— молодой господинъ такой же живой человѣкъ и, пожалуй, лучше, чѣмъ мы съ тобой. Онѣ свѣжъ какъ роза и похожъ скорѣе на придворнаго молодого человѣка, чѣмъ на выходца съ того свѣта. И издалека возвращаются, дорогая моя, примѣръ тому Франкеръ, который вернулся въ Ивановъ день изъ Рима.

Маргарита, крестьянская дѣвушка, увидѣвъ Жоржа, пошла въ свою дѣвичью комнату и, ставъ на колѣни передъ образомъ Святой Дѣвы, промолвила: „Святая Дѣва, сдѣлай такъ, чтобы у меня мужъ былъ такой, какъ этотъ молодой человѣкъ!“

Каждый говорилъ по-своему о возвращеніи Жоржа и такъ усердно, что новость эта перелетала изъ устъ въ уста и достигла ушей герцогини, которая гуляла въ это время въ фруктовомъ саду. Сердце ея сильно билось, а съ грабиноваго дерева всѣ птицы пѣли:

Кукуи, куи, и, куи, куи, куи,
 Да, да, да, да, да, да,
 Жоржъ де-Блашеландъ,
 Котораго вы воспитали,
 Куи, куи, куи, куи, куи, куи,
 Здѣсь, здѣсь, здѣсь, здѣсь, здѣсь,
 Да, да, да, да, да, да.

Франкеръ почтительно подошелъ къ ней и сказалъ:

— Госпожа герцогиня, Жоржъ де-Бланшеландъ, котораго вы считали умершимъ, вернулся; я сложу по этому поводу пѣсенку.

Въ то же время птицы пѣли:

Кукуи, куи, и, куи, куи, куи,

Да, да, да, да, да, да,

Здѣсь, здѣсь, здѣсь, здѣсь, здѣсь, здѣсь!

И когда она увидала подошедшаго Жоржа, котораго она воспитывала какъ сына, она протянула руки и упала безъ чувствъ

Г л а в а XX,

въ которой говорится о маленькомъ атласномъ башмачкѣ.

Въ Кларидахъ не сомнѣвались, что Пчелка похищена карликами. Въ это вѣрила и герцогиня, но изъ своихъ сновидѣній она не знала этого точно.

— Мы отыщемъ ее,— говорилъ Жоржъ.

— Мы отыщемъ ее,— отвѣчалъ Франкеръ.

— И мы приведемъ ее опять къ ея матери.

— Да, приведемъ ее къ матери,— отвѣчалъ Франкеръ.

— И женимся,— говорилъ Жоржъ.

— И женимся,— отвѣчалъ Франкеръ.

И они стали спрашивать у поселянъ о нравахъ карликовъ и тѣхъ таинственныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ произошло исчезновеніе Пчелки. Такимъ образомъ они стали спрашивать кормилицу Морилль, которая выкормила своимъ молокомъ герцогиню Кларидскую. Но теперь она уже не кормила молокомъ маленькихъ дѣтей, а кормила куръ на птичьемъ дворѣ. Тамъ нашли ее господинъ и шталмейстеръ. Она кричала: „Цыпа, цыпа, цыпочка, цыпа“ и бросала зерна своимъ цыплятамъ.

— Цыпа, цыпа, цыпа, цыпочка, цыпа! А, это вы, господа! Цыпа, цыпа, цыпа! Это вы, сударь! Цыпа, цыпа, цыпа! Вы невѣроятно выросли... Цыпа!.. и похорошѣли! Цыпа, цыпа! Кши! кши! кши! Посмотрите, какъ этотъ толстякъ сѣдаетъ все у маленькихъ? Кши! кши! Фу! Такъ и въ мѣрѣ, господинъ. Все хорошее достается богатымъ. Худые худѣютъ, а жирные жирѣютъ. Нѣтъ справедливости на землѣ. Чѣмъ я могу быть полезной вамъ, сударь? Можетъ быть, вы выпьете по стаканчику пива?

— Выпьемъ, Морилль, и я хочу обнять васъ, такъ какъ вы вскормили вашимъ молокомъ мать той, которую я люблю больше всего на свѣтѣ.

— Это правда, сударь. У моей питомицы прорѣзались первые зубки, когда ей было 6 мѣсяцевъ и 14 дней. И по этому случаю покойная герцогиня сдѣлала мнѣ подарокъ. Это правда.

— Ну, расскажите намъ, Морилль, что вы знаете о карликахъ, которые похитили Пчелку.

— Увы, сударь, я ничего не знаю о карликахъ, которые ее похитили! И чего вы хотите отъ старой женщины, какъ я? Я давно уже забыла то, что когда-то знала, у меня нѣтъ даже достаточно памяти, чтобы вспомнить, куда я засунула свои очки. Случается, что я ищу ихъ, когда они у меня на носу. Пейте пиво, оно очень освѣжаетъ.

— За ваше здоровье, Морилль, но говорятъ, что вашъ мужъ кое-что зналъ о похищеніи Пчелки.

— Это правда, сударь. Хотя онъ и не получилъ образованія, онъ зналъ много вещей, которыя онъ узнавалъ въ трактирахъ и кабачкахъ. Онъ ничего не забывалъ. Если бы онъ былъ еще на этомъ свѣтѣ и сидѣлъ вмѣстѣ съ нами за этимъ столомъ, онъ рассказывалъ бы вамъ до завтра. Онъ столько рассказывалъ мнѣ различныхъ исторій, что въ головѣ у меня

получилась каша, и я не могу разобрать, гдѣ начало одной и гдѣ конецъ другой. Это правда, сударь.

Да, это была правда, и голову кормилицы можно было сравнить съ треснувшимъ котломъ. Жоржу и Франкеру стоило невѣроятныхъ усилій добиться отъ нея чего-нибудь болѣе толковаго. Однако онъ такъ настаивалъ, что ему удалось заставить ее рассказать слѣдующую исторію:

— Семь лѣтъ тому назадъ, въ тотъ самый день, когда вы и Пчелка совершили ту шалость, послѣ которой и вы и она пропали, мой покойный мужъ пошелъ на горы продавать свою лошадь. Это правда. Онъ далъ лошади добрый гарнецъ овса, намоченнаго въ сидрѣ, чтобы она имѣла бодрый видъ и чтобы у нея блестѣли глаза; онъ повелъ ее на рынокъ недалеко отъ горы. Ему не пришлось пожалѣть объ овсѣ и сидрѣ, такъ какъ отъ этого лошадь была продана дороже. Такъ бываетъ и съ людьми, о нихъ тоже судятъ по внѣшности. Мой покойный мужъ очень обрадовался выгодной продажѣ, которую ему удалось совершить. Онъ предложилъ своимъ друзьямъ выпить съ тѣмъ, что и онъ поддержитъ ихъ. А мой покойный мужъ такъ хорошо поддерживалъ друзей, что ни одинъ человѣкъ во всемъ герцогствѣ Кларидскомъ не могъ сравняться съ нимъ въ этомъ. Такъ что въ тотъ день послѣ многочисленныхъ церемоній онъ ушелъ отъ нихъ одинъ въ сумерки и пошелъ плохой дорогой, такъ какъ не могъ найти лучшую. Подойдя къ пещерѣ, онъ увидѣлъ, и такъ ясно, насколько было возможно въ этотъ часъ и въ его состояніи, толпу маленькихъ человѣчковъ, которые несли на носилкахъ дѣвочку или мальчика. Онъ убѣждалъ, боясь несчастья, потому что вино не совсѣмъ еще лишило его благоразумія. Но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пещеры онъ уронилъ свою трубку, нагнулся поднять ее, и вмѣсто трубки ему попался атласный

башмачокъ. Это вызвало у него замѣчаніе, которое онъ повторялъ, когда бывалъ въ хорошемъ настроеніи: „Въ первый разъ вижу, что трубка можетъ превратиться въ башмакъ“. А такъ какъ этотъ башмачокъ могъ принадлежать только маленькой дѣвочкѣ, онъ рѣшилъ, что та дѣвочка, которая потеряла его въ лѣсу, похищена карликами и что ея-то похищеніе онъ и видѣлъ. Только что онъ хотѣлъ положить башмачокъ въ карманъ, какъ вдругъ маленькіе человѣчки въ капюшонахъ бросились на него, надавали ему пощечинъ и такъ много, что онъ, оглушенный, упалъ на землю.

— Морилль! Морилль! — закричалъ Жоржъ, — это башмачокъ Пчелки! Дайте мнѣ его, я покрою его тысячею поцѣлуевъ. Я буду носить его у моего сердца въ душистомъ сашѣ, и, когда я умру, его положить со мной въ гробъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударь, но гдѣ его найдешь? Карлики отняли его у моего бѣднаго мужа, и онъ подумалъ даже, что карлики потому такъ добросовѣстно избили его, что онъ хотѣлъ положить башмачокъ въ карманъ для того, чтобы показать его начальству. Онъ обыкновенно говорилъ по этому поводу, когда былъ въ хорошемъ настроеніи...

— Довольно! довольно! Скажите мнѣ названіе пещеры.

— Сударь, ее называютъ пещерой карликовъ, и по-моему это очень подходящее названіе. Мой покойный мужъ...

— Морилль, ни слова больше! А ты, Франкеръ, знаешь, гдѣ эта пещера?

— Сударь, — отвѣтилъ Франкеръ, опоражнивая кружку пива, — если бы вы лучше знали мои пѣсни, то не сомнѣвались бы въ этомъ. Я сложилъ ихъ цѣлую дюжину объ этой пещерѣ и описалъ ее до послѣдней мшинки. Осмѣлюсь сказать, сударь, что если шесть изъ нихъ не лишены достоинствъ, то и остальные шесть не совсѣмъ плохи. Я спою вамъ сейчасъ одну или двѣ...

— Франкеръ, — крикнулъ Жоржъ, — мы захватимъ пещеру карликовъ и освободимъ Пчелку!

— Это вѣрно, какъ дважды два — четыре, — отвѣтилъ Франкеръ.

Г л а в а XXI,

въ которой описывается одно опасное предпріятіе.

Лишь только наступила ночь и всѣ въ замкѣ заснули, Жанъ и Франкеръ проскользнули въ нижнюю залу, чтобы взять оружіе. Подъ закопченными балками тамъ блестяли копья, шпаги, кинжалы, мечи, охотничьи ножи, кортики, все, что требуется для того, чтобы убить человѣка или волка. Подъ каждой балкой было собрано цѣлое вооруженіе и оно имѣло такую крѣпкую и гордую осанку, что казалось, въ немъ жила еще душа того храбреца, который нѣкогда надѣвалъ его, отправляясь на свои походы. И желѣзные перчатки сжимали копье своими желѣзными пальцами, въ то время какъ щитъ упирался въ набедренникъ, какъ бы показывая, что благоразуміе должно сопровождать храбрость и что хорошій воинъ долженъ быть одинаково хорошо вооруженъ для защиты, какъ и для нападений.

Изъ многочисленнаго оружія Жоржъ выбралъ доспѣхи отца Пчелки, въ которыхъ онъ ѣздилъ на край свѣта. Онъ надѣлъ ихъ съ помощью Франкера, а также не забылъ взять и щитъ, на которомъ было изображено въ натуральную величину золотое солнце Кларидское. Франкеръ, въ свою очередь, облачился въ добрую старую кольчугу изъ стали, которая принадлежала его дѣдушкѣ, надѣлъ желѣзную шапку и прибавилъ къ ней сверхъ обычая султанъ или метелочку или даже цѣлую метлу изъ перьевъ, издерганную и общипанную. Онъ выбралъ это изъ прихоти и изъ желанія имѣть веселый видъ, такъ какъ

онъ вѣрилъ, что веселье полезно во всѣхъ случаяхъ и въ особенности во время опасныхъ путешествій.

Вооружившись такимъ образомъ, они направились при свѣтѣ луны въ поля, объятая мракомъ. Франкеръ привязалъ лошадей на опушкѣ маленькаго лѣсочка, недалеко отъ выхода изъ замка, гдѣ они нашли ихъ грызущими кору на кустарникѣ. Кони были добрые, и меньше чѣмъ черезъ часъ они достигли горы карликовъ. Вокругъ блестяли блуждающіе огоньки, и неясныя видѣнія появлялись передъ ними.

— Вотъ пещера,— сказала Франкеръ.

Господинъ и оруженосецъ слѣзли съ лошадей и съ саблями въ рукахъ спустились въ пещеру. Большая смѣлость нужна была, чтобы рѣшиться на такое смѣлое предпріятіе. Но Жоржъ былъ влюбленъ, а Франкеръ былъ преданъ, и вотъ случай сказать вмѣстѣ съ лучшими поэтами:

Чего не могутъ совершить Любовь и Дружба:

Около часа господинъ и оруженосецъ шли во мракѣ, потомъ увидѣли свѣтъ и очень изумились этому.

Это было одно изъ тѣхъ свѣтилъ, которыми, какъ намъ извѣстно, освѣщается царство карликовъ.

При блескѣ этого подземнаго свѣта они увидѣли, что они находятся передъ стариннымъ замкомъ.

— Вотъ,— сказала Жоржъ,— тотъ замокъ, которымъ мы должны завладѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ,— отвѣтилъ Франкеръ, но позвольте мнѣ выпить нѣсколько капель вина, которое я захватилъ сюда какъ оружіе, потому что чѣмъ лучше вино, тѣмъ лучше человекъ, чѣмъ лучше человекъ, тѣмъ сильнѣе копье,— а чѣмъ сильнѣе копье, тѣмъ слабѣе врагъ.

Не видя живой души, Жоржъ сильно толкнулъ дверь замка